

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 3
ББК 6/8
А 43

А 43 «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (19 декабря 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2011. — 190 с.

ISBN 978-5-4379-0038-3

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0038-3

Оглавление

Секция 1. Политология	8
1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	8
ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ УЗБЕКИСТАНА: ЛОГИКА ГЕГЕМОНИИ Середа Марина Валерьевна	8
1.2. Политика в России	19
СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Юдина Надежда Александровна	19
1.3. Мировая политика	24
МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО В БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ Зайберт Наталья Святославна	24
ИНФОРМАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ Телятник Татьяна Евгеньевна	32
Секция 2. Социология	36
2.1. Социология управления	36
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ Аматова Нина Евгеньевна Шаповалова Инна Сергеевна	36
ТРАНСЛИРУЕМЫЙ СТАТУС КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ГРУППОЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО РЕСУРСА ВРЕМЕНИ Галинская Елена Владимировна	42

МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЕМОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ Г. ТЮМЕНИ) Девятков Леонид Андреевич	46
2.2. Социология личности	51
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДРОСТКА СОВМЕСТНО С ОДН ОУУ И ПДН ОТДЕЛА ПОЛИЦИИ №3 УМВД РОССИИ ПО Г. ОРЕНБУРГУ Шигабиева Диляра Мунировна	51
2.3. Социология коммуникаций	56
КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ Инютина Татьяна Сергеевна	56
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНТАМИ ДОСУГА С ЛЮДЬМИ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ Белошапка Римма Анатольевна	60
Секция 3. Философия	69
3.1. Динамика современной культуры	69
РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ Кисиленко Альбина Павловна	69
3.2. Социальная философия	74
СИНТЕЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ Коновалова Елена Анатольевна	74
ЭКОЛОГИЯ И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ Дильмухаметов Артур Маратович	80

КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ Кузнецов Владимир Юрьевич Оленкин Юрий Владимирович	85
НАУКА И ТЕХНИКА КАК ВАЖНЕЙШИЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА Рубенкова Лидия Николаевна	90
ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ Сатурин Алексей Александрович	97
ДЕТЕРМИНАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРУКТУРЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ГЛОБАЛЬНОЙ Тильченко Максим Сергеевич	102
3.3. История философии	107
МЕСТО ЭСТЕТИКИ В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ И.КАНТА Загороднева Юлия Александровна	107
СООТНОШЕНИЕ «ПРИЯТНЫХ» И «ИЗЯЩНЫХ» ИСКУССТВ В СТРУКТУРЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ Загороднева Юлия Александровна	112
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.И.ЦВЕТАЕВОЙ Чернухина Марина Анатольевна	118
3.4. Онтология и теория познания	122
ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАСТИ И СВОБОДЫ Воробьев Дмитрий Олегович	122

Секция 4. История **126**

4.1. История России **126**

УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД
ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ (1958—1966 ГГ.):
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Дягилева Татьяна Павловна 126

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ
(1939 МАЙ—1941 ГГ.) 133
Котельников Геннадий Петрович
Гридасов Геннадий Николаевич
Федорина Татьяна Александровна
Павлов Василий Васильевич
Кузьмин Владимир Юрьевич
Краснов Александр Никодимович

ВЛИЯНИЕ НАРОДОВ МИРА НА РАЗВИТИЕ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН 138
Кузьмин Владимир Юрьевич
Аникина Валентина Петровна
Краснов Александр Никодимович

СУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АСТРАХАНСКИХ
ГУБЕРНАТОРОВ В ПЕРСИДСКОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА 143
Кулаков Владимир Олегович

РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ЖЕНСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 148
Куликова Светлана Геннадьевна

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В НАЧАЛЕ
XX ВЕКА И СОЗДАНИЕ ЕВРЕЙСКИХ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ 155
Лызлова Татьяна Сергеевна

4.2. Всемирная история **159**

УКРАИНСКОЕ ПРИДУНАВЬЕ – СЛАВЯНО-
РОМАНО-ТЮРКСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: БАЗОВЫЕ
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ 159
Верховцева Ирина Геннадьевна

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В НАЧАЛЕ XX ВЕКА Усатюк Дмитрий Валерьевич	164
4.3. Этнология	171
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ. Камалджанова Тахира Анваржановна	171
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	177
ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В КНР В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (КОНЕЦ 1970-Х — НАЧАЛО 1990-Х ГОДОВ) Васильева Евгения Александровна	177
РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В СЕМЬЕ НЕМЦЕВ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ Макушенко Яна Сергеевна	183

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ УЗБЕКИСТАНА: ЛОГИКА ГЕГЕМОНИИ

Середа Марина Валерьевна

*слушательница аспирантской программы ЕУСПб,
стипендиатка Фонда Форда, г. Санкт-Петербург
E-mail: msereda@eu.spb.ru*

В формировании идентичности социальных субъектов центральную роль играют ситуации кризиса, создающие нехватку на символическом уровне, и принуждающие реартикулировать значения, являющиеся узловыми точками социальных дискурсов, и идентифицироваться с появляющимися в результате политическими парадигмами. Такой ситуацией, вызвавшей разрушение символического порядка, повлекшего появление новых коллективных идентичностей, стал распад Советского Союза. Возникновение новых государственных образований сопровождалось борьбой за монополизацию ключевых ресурсов, в процессе которой происходило выдвижение новых социальных групп и изменение стратегий доминирования. Национальному строительству сопутствовало формирование идеологий национализма.

На сегодняшний день роль идеологий национализма в производстве и воспроизводстве национальных идентичностей в Центральной Азии остается не достаточно изученной. В первую очередь, это относится к Узбекистану.

Большинство исследований политики национальной идентичности в Узбекистане сфокусированы на процессах формирования нации и национального строительства, и выполнены в рамках конструктивистского подхода [27, 28]. Данный подход представляется нам достаточно убедительными в объяснении

возникновения и развития национализмов. Однако инструментальные возможности конструктивизма не позволяют прояснить конститутивные особенности идеологий национализма, позволяющие им сохранять устойчивость и гегемонию. Поэтому в своем исследовании мы обращаемся к дискурсивному подходу изучения политик идентичности, развивающемуся в рамках постмарксистских теорий, в частности, политическому дискурс-анализу Э. Лаклау и Ш. Муффа [25, 26, 29, 30].

* * *

Верховный Совет Республики Узбекистан декларировал выход из состава СССР 1 сентября 1991 года. Узбекистан был провозглашен «Государством с Великим будущим» [13, 11], осуществляющим переход к «рыночной экономике» по собственному, особому пути развития, а главной целью государственного строительства было названо укрепление национальной независимости. Решающее значение в реструктуризации советского наследия, общественной консолидации и утверждении нового социального порядка придавалось идеологии: *«Известно, что мы отrekliсь от ложных коммунистических идей, противоположных нашей национальной природе и нашим тысячелетним традициям, обычаям. Однако вакуум в сфере идеологии недопустим, при возникновении такой ситуации несомненно, что чуждые идеи, абсолютно противоположные нашим мечтам и стремлениям, постараются занять это место»* [10, с. 478]. В соответствии с основной политической целью новая доктрина получила название «Идеология национальной независимости». Ее автором считается бессменный Президент Узбекистана Ислам Каримов, поэтому часто ее именуют «Учением Каримова» [19]. В институционализации «идеологии национальной независимости» мы выделяем три этапа, различающиеся по масштабам индоктринации и персонификации. Первый, с 1991 года по 1995, можно условно назвать «партийным». Мы используем это название в определенном смысле. Принятой в 1992 году Конституцией Узбекистана запрещалось установление какой-либо идеологии в качестве государственной. К моменту принятия Конституции в официальном дискурсе о нации существовало несколько конкурирующих проектов, претендующих на гегемонию и, следовательно, на универсальную репрезентацию «нации». В обществе шла широкая дискуссия, в которой проект «национальной идеологии» И. Каримова позиционировался как одна из версий «демократизации» и преодоления «тоталитарного прошлого». Его программные речи по актуальным политическим вопросам издавались небольшими брошюрами и использовались

преимущественно в целях партийного строительства. После устранения в 1993 году основных политических противников И. Каримов и возглавляемая им Народно-демократическая партия Узбекистана установили фактическую монополию на идеологическое производство [19]. В 1996 году вышел в свет первый том собраний сочинений И. Каримова «Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология». Публикация трудов Президента инициировала второй этап в институционализации новой идеологии. Работы И. Каримова вводят в качестве обязательного предмета в образовательных учреждениях, и вносят в перечень кандидатских минимумов при защите диссертаций на соискание степени кандидата наук, вопросы по его произведениям включают в программу аттестации кадров в государственных организациях. Собрание сочинений издается изначально в пропагандистских целях, мы бы сказали, в дидактических: в текстах книг жирным шрифтом или подчеркиванием выделяются главные мысли, чтобы канализировать внимание адресатов в желаемом направлении и избежать возможных интерпретаций.

В 2001 году доктрина публикуется в качестве самостоятельного программного документа — «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы», представляющего собой «теоретико-методологическую разработку для формирования идеологии национальной независимости и определения практических мер по ее реализации» [4, с. 77]. В ее основу легли произведения И. Каримова, включающие на сегодняшний день 16 томов. На этом третьем этапе правящая элита приступает к тотальной индоктринации учения. Для этого используются политические механизмы, призванные сделать учение обязательным и центральным сегментом государственного общественно-политического образования. Распоряжением Президента от 18.01.2001 года «О создании и внедрении в систему образования республики учебных программ по предмету «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы» утверждается состав специальной методологической комиссии «по анализу и совершенствованию процесса осознания народом, и прежде всего молодежью, идеи национальной независимости». На комиссию возлагалось проведение мониторинга по внедрению в учебный процесс образовательных учреждений всех типов указанного предмета. Распоряжением предусматривалось издание соответствующей учебной литературы, переработка учебников по уже существующим предметам, таким, например, как «Чувство родины» для средних школ. Министерством народного образования, высшего и

среднего специального образования, Центру среднего специального, профессионального образования, Государственному комитету по науке и технике, Академии наук предписывалась организация переподготовки кадров и привлечение «высококвалифицированных экспертов» для научного обеспечения воспитательной работы. Кроме того, в самом тексте «Идеи национальной независимости» приводился обширный перечень организаций и социальных институтов, призванных инкорпорировать идеологию в массовое сознание. Перечислим некоторые из них: Общество просветителей, Национальный центр по правам человека, Центр изучения общественного мнения, Центр семьи, Республиканский совет «Духовность и просветительство», махалля, политические партии, трудовые коллективы и т.п. Особая роль во внедрении принципов национальной идеологии отводилась семье, т.к. она является «первичной ячейкой общества».

Кроме наделения специфическими идеологическими функциями уже существующих институций, структурным трансформациям подверглась система образования в целом: вводятся должности заместителя директора, проректора по духовности и просветительству, в библиотеках открываются сектора «духовности и просветительства», в высших учебных заведениях открывается новая специальность «Идея национальной независимости, основы права и духовности», по которой присваивается степень бакалавра [10, с. 29]. Таким образом, «Идеология национальной независимости» обрела статус, аналогичный тому, который занимала в СССР марксистско-ленинская философия. Были воспроизведены и советские механизмы пропаганды. Даже употребляемые риторические клише, являются калькой с советских идеологов: «семья — первичная ячейка общества», «Узбекистан — наш общий дом», «воспитание гармоничной, всесторонне развитой личности», «благополучие каждого гражданина есть благополучие всего общества», «превыше всего человек и его интересы», «Узбекистан — страна огромных возможностей» и т. д.

Несомненное родство с марксистско-ленинской философией усматривается и в позиционировании доктрины как «научного мировоззрения», закономерно возникшего на современном этапе развития мировой философии и науки.

Не смотря на формальное сходство с марксистско-ленинской философией, «Идеология национальной независимости» имеет содержательные особенности, к анализу которых мы переходим далее. Большинство прецедентных текстов доктрины являются

выступлениями, докладами Президента по поводу актуальных социально-экономических вопросов или событий, посвященных текущей хозяйственной деятельности, мемориальным датам, открытию партийных съездов, заседаний Олий Мажлиса, международных саммитов и т. п. Приведем в пример названия некоторых из них: «Узбекистан — собственная модель перехода на рыночные отношения» [11], «Узбекистан по пути углубления рыночных реформ» [14], «Последовательность в реформах – важный фактор прогресса», «Общественное движение предпринимателей и деловых людей должно обрести свое достойное место на политической арене Узбекистана». В них обосновываются преимущества собственной «узбекской модели» экономической модернизации, а именно, перехода к рыночной экономике. По своему лейтмотиву «Идеология национальной независимости» может быть определена как дискурс модернизации, направленной на реализацию классового проекта. В качестве одной из основных целей реформирования экономики, и общества в целом, названо формирование класса собственников и защита его интересов. Одним из тяжелых последствий репрессивной политики советского государства в Узбекистане называются «уничтожение частной собственности» и «чувства собственника» [23, с. 38].

К понятию собственность в доктрине относятся не только средства производства или личное имущество граждан, но также «стремление к духовному и нравственному совершенству»: *«Понятие «собственность» в мировоззрении народа не ассоциируется лишь с материальным богатством. Оно в неразрывности материального благополучия и стремления к духовному и нравственному совершенству, активному использованию личного потенциала»* [4, с. 49].

Такая расширенная трактовка собственности на наш взгляд обусловлена несколькими причинами. Во-первых, с доминированием в культуре Узбекистана ислама, с которым новая доктрина вынуждена конкурировать. Один из теоретиков «Идеологии национальной независимости» А. Саидов называет ее «светским исламом» [6].

По содержанию, акцентированному на «духовности», «общинности» и апелляции к трансцендентному (Создателю) доктрина, действительно, сближается с религиозным дискурсом. Приведем несколько типичных высказываний: «Сегодня в нашей стране проживают представители более 130 наций и народностей. Каждая из них — творение Создателя и является отражением естественного разнообразия социального мира», «Возникает вопрос: в

чем причина того, что за столь короткий срок мы сумели выполнить такую огромную работу? В том, что святые, покоящиеся в нашей земле, всегда живут в сердцах, памяти людей, и все устремления в этом плане благословлены самим Всевышним» [9, с. 39], «Пусть сам Всевышний поможет нам во всех наших благих делах!» [8, с. 115]. Религиозные коннотации прослеживаются и в номинациях институциональных структур, создаваемых как механизм пропаганды доктрины. Для наглядности сопоставим два наименования — «Духовное управление мусульман Узбекистана» и «Республиканский общественный Центр по пропаганде духовности». Центр был создан 23 апреля 1994 года по распоряжению Президента Узбекистана И. Каримова. Его основная задача — пропаганда «Идеологии национальной независимости». Мы видим, что термин «духовность» употребляется как эквивалентный термину «идеология». Пропагандировать «духовность», значит пропагандировать «Идеологию национальной независимости» и наоборот.

Термину «духовность» приписываются и другие значения. Он используется, в том числе, для непосредственного обозначения «божественного», как трансцендентальной основы бытия, и для репрезентации религиозных чувств.

Сходство с религиозным учением доктрине придается, также, требованием безусловной веры в ее постулаты и истинность. Идеология, таким образом, сакрализуется и культивируется как сверхценность: «...национальная идеология — это в огне не сгораемое, в воде не тонущее бессмертное убеждение народа, нации» [10].

Во-вторых, ассоциативная связь «духовности» и «нравственности» с собственностью может быть объяснена интерпретациями «независимости» как борьбы за суверенитет. По мнению А. Смирнова коллективные действия, направленные на производство национального суверенитета как особого общественного блага являются определяющей чертой националистического дискурса [22]. Под «национальным суверенитетом» понимается право «нации» распоряжаться своей собственной судьбой, территорией, культурой. Именно так представляется в рассматриваемой доктрине «независимость». Например, 13 том произведений И. Каримова, опубликованный в 2005 году назывался «Узбекский народ никогда и не от кого не будет зависеть». В нем, как и в остальных текстах, развивается идея, что традиции и обычаи узбекского народа, история и духовное наследие, наряду с территорией, являются неотчуждаемой собственностью «нации», на которую не смеет никто посягать: «Из истории известно, что силы, желающие подчинить себе какой-либо

народ, стремятся лишить его собственного достоинства, истории и культуры», «Мы — независимая нация, и как каждый великий народ обязаны оберегать Родину как зеницу ока, защищать честь страны, совесть, обычаи народа, любимых матерей, жен и дочерей» [9, с. 117].

Помимо того, речь идет об ограничении политической воли и управления государством со стороны потенциальных врагов: «Мы на собственном опыте убеждались в том, что по мере осложнения ситуации в стране становится все больше тех, кто дает советы и рекомендации, пытаясь оказать воздействие» [9, с. 79]. Ограничив права политической элиты на управление государством, враг тем самым ограничивает права собственности (в широком смысле). А если учесть, что собственность определяет «нравственность» и «духовность», как категории культуры и маркеры общественно сознания, то потенциальные враги, по логике доктрины, лишают не только политической, но и культурной автономии. И более того, лимитируя права собственности, они лимитируют «нравственность» народа. Поэтому, на наш взгляд, в качестве одной из угроз независимости в доктрине называется «стремление распространить аморальные идеи, способные оказать пагубное воздействие на духовность народа» [4, с. 41].

По насыщенности призывами к бдительности, непримиримой борьбе, по степени драматизации последствий возможных покушений на «достижения независимости» дискурс «Идеологии национальной независимости», на наш взгляд, сопоставим с пропагандистскими компаниями в СССР в сталинский период. Хотя это сравнение заслуживает более детальной аргументации, мы не будем ее приводить, так как, в задачи настоящего исследования не входит компаративный анализ идеологических дискурсов советской власти и современного Узбекистана. Сделаем лишь одно пояснение. Е. Гапова, в своей недавней работе «Любовь как революция, или «Несмотря на Грамши» Полуты Бодуновой» [1] высказывает идею, что при написании истории нации, поиск смысла в пережитых страданиях является непосредственно политическим актом. Контроль над тем, чье страдание останется в памяти, в конечном итоге, является контролем над тем, кто будет сконструирован как субъект истории. С нашей точки зрения, проектирование будущих страданий в политиках национальной идентичности можно считать равным по значимости политическим актом в конституировании границ нации и конструирования субъекта истории. В частности, в рассматриваемом дискурсе «Идеологии национальной независимости», артикулируется и подвергается рефлексии, прежде всего, травматический опыт

правлящей политической элиты. Политическая элита предстает главной жертвой колонизации Российской, Советской империй и вероятной экспансии, и, как следствие, главным субъектом истории. В центре реконструкций травматических событий в текстах доктрины сюжеты о политических процессах и уголовных делах против «национальных кадров» (партийного и хозяйственного актива — М.С.), инициированные руководством СССР. Из чего следует, что «... «вина» репрессированных национальных кадров заключается, главным образом, в защите собственного народа с целью обеспечения развития общества на основе национального менталитета, исторических традиций» [24, с. 40]. Символизация жертвенного служения политической элиты во имя «нации» используется в качестве основного ресурса легитимации «независимости»: *«Давайте вспомним 80-е годы прошлого столетия. Как, используя навязчивые вымыслы об «узбекском деле», «хлопковом деле», представил бывший центр узбекскую нацию всему миру? Через СМИ внедряли в сознание: вот, мол, каков облик людей с наголо остриженной головой, надевших колпаки и пояса. Хотим мы возвращения тех времен? Став в 1989 году главой республики, я приложил немало сил, чтобы сохранить честь узбекского народа, пресечь попытки унижать нацию»* [9, с. 203]. «Независимость», таким образом, репрезентируется как символическое возмещение правящей политической элитой морального ущерба, нанесенного «нации».

Мы исходим в своей аргументации из тезиса Э. Лаклау, полагающего, что антагонизмы и исключение являются конституативными для любой идентичности [26]. Границы «нации» формируются посредством исключения чего-то чуждого, радикально иного, маркируемого, в частности, как угроза «национальной независимости». В качестве самой большой опасности в «Идеологии национальной независимости» расцениваются чуждые идеологии и «непрерывно продолжающаяся идеологическая борьба за души и сознание людей» [10]. Конкретные образы символических Других, презентующих чуждые идеологии, варьируются в зависимости от текущей политической ситуации. Ими могут быть СССР, Россия, США, Запад, религиозный экстремизм, общественные организации, сопредельные страны и т. п. В силу этого, «чуждые идеологии» становятся «пустым означающим» в борьбе за универсальную репрезентацию «нации», что усиливает, на первый взгляд, неопределенность ее контекстуальных границ.

Определенность контекстуальных границ в доктрине достигается через классификацию всех идей/идеологий на прогрессивные и

гуманистические, и на противоположные им негативные идеологии - искажающие общественное сознание, не обеспечивающие гармонии между государством, обществом и личностью, и прогресса общества [4, с. 19]. Понятие «идеология» истолковывается предельно широко. Сюда относятся традиции и обычаи, религия, наука, философия, мораль, политические доктрины. «Идея национальной независимости», по мнению авторов доктрины, аккумулирует все прогрессивные и гуманистические идеи, поэтому она включает социальные нормы, общественную мораль, религию, науку в их лучших проявлениях. Прогрессивные идеи, составляющие доктрину, представляют собой квинтэссенцию духовности «нации». Таким образом, утверждается монопольное право доктрины на репрезентацию символов нации.

Данное интерпретационное решение не является окончательным в смысловой структуре доктрины. В ряду эквивалентных терминов, связанных отношениями референции с термином «духовность», существует термин «национальный менталитет», при истолковании которого термин «духовность» социологизируется. В этом контексте его дефиниция приобретает большую определенность. Теперь им означаются социальные нормы и мотивы поведения: *«...чем полнее женщина включена в систему общественных отношений, т.е. чем совершеннее и гармоничнее ее образ жизни, который формирует вкусы, предпочтения, убеждения, установки, круг интересов и характер запросов, другими словами — духовность»* [5, с. 115].

«Национальный менталитет», в свою очередь опирается на «духовность» и несет «наследственную генетическую память» о культуре, являясь наиболее устойчивым феноменом, формирующим особый тип национального духа.

Эссенциализация «национального духа» характерна для всех националистических идеологий [17, 18, 21]. Для нашего анализа важна, в первую очередь, сама логика семантических экспликаций в доктрине. Из нее следует, что за эссенциализацией «национального духа» проистекает эссенциализация «Идеологии национальной независимости», т.к. она является квинтэссенцией «национального духа». Эссенциализировать идеологию, перефразируя высказывание О. Руа об исламе, значит свести ее к неизменной величине, «с помощью которой можно объяснить все что угодно» [20]. Однако любой дискурс, преследующий цель законченной организации определенных ценностей, неизбежно приходит в противоречие с дискурсом права, ограничивающим его контекстуально [26]. В описанной сложной цепочке эквиваленций термин «духовность»

представляет предельный референт или, в терминах Ж. Деррида, трансцендентное означаемое [2]. По мнению Ж. Деррида, гегемонный идеологический дискурс всегда центрирован трансцендентным означаемым, поддерживающим иллюзорную ясность, стабильность и целостность дискурса. Выделение «духовности» в качестве атрибутивного признака доктрины, позволяет придать ей «надправовой» и «надполитический» характер. Поскольку «Идеология национальной независимости» является проявлением национального сознания, она не может быть представлена никакой отдельной социальной группой или социальным институтом. Она тождественна «нации» и, порожденному ею «национальному государству».

Список литературы:

1. Гапова Е. Любовь как революция или «не смотря на Грамши» Полуты Бодуновой//»Травма: Пункты». Сборник статей/Ред. и сост. Ушакин С., Трубина Е. — М.: НЛО, 2009. — 840-863 с.
2. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Difference. — Томск: Издательство «Водолей», 1999. — 160 с.
3. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии, Москва, 1999. — 234 с.
4. Идея национальной независимости: основные понятия и принципы.- Т.: Узбекистон, 2003. — 80 с.
5. Инамова С. Т. Социологические гендерные исследования в Узбекистане// Мониторинг общественного мнения. — 2005 — № 4(76) — 115-117 с.
6. Исахов С., Саидов А.Х. Правовые основы светского пути развития Узбекистана // Право и политика. — 2001. — № 1 — 22-28 с.
7. Каримов И. А. За безопасность и мир надо бороться. — Т. 10. —Т.: Узбекистан, 2002.
8. Каримов И. А. За процветание родины — каждый из нас в ответе. — Т. 9. —Т.: Узбекистан, 2001.
9. Каримов И. А. Мирная жизнь и безопасность страны зависит от единства и твердой воли нашего народа. Т. 12., Ташкент, 2004. — 280 с.
10. Каримов И. А. Наша высшая цель — независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа. Т. 8., Ташкент, 2000. — 512 с.
11. Каримов И. А. Не сбиваясь, двигаться к великой цели: Выступление на XII сессии Верховного совета Республики Узбекистан 6-7 мая 1993 г., Ташкент, 1993. — 48 с.
12. Каримов И. А. По пути созидания. Т. 4., Ташкент, 1996. — 348 с.
13. Каримов И. А. Узбекистан - государство с великим будущим: Речь на XI сессии Верховного Совета Республики Узбекистан 8 и 10 декабря 1992 года, Ташкент, 1992. — 62 с.

14. Каримов И. А. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. Т.: Убекистон, 1995 — 120 с.
15. Каримов И. А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1., Ташкент, 1996. — 349 с.
16. Каримов И. А. Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть. Т. 13., Ташкент, 2005. — 264 с.
17. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. — М.: КДУ, 2005. — 320 с.
18. Малахов В. Понаехали тут ... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме, Москва, 2007. — 200 с.
19. Марч Э. «Идеология национальной независимости» И. Каримова: обоснование и пропаганда [электронный ресурс] — Режим доступа: свободный. — URL: <http://news.fergananews.com/archive/murch.doc>
20. Руа О. Для Франции ислам не представляет какой-то особой проблемы... [] : [беседа с фр. политологом : пер. с фр.] // Иностранная литература. — 2006. — № 9. — 288 — 291 с.
21. Русский национализм: социальный и культурный контекст/сост. Ларюэль М. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 446 с.
22. Смирнов А. Национализм: нация = коллективное действие: пустое означающие//Логос. — 2006. — № 2(53) — 160-166 с.
23. Хасанов Б. В., Арифджанов Э.К., Алимов Ш.К. История Узбекистана. Часть II, Ташкент, 2004. — 152 с.
24. Хасанов Б. В., Арифджанов Э.К., Алимов Ш.К. История Узбекистана: курс лекций. Часть II. — Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2003. — 152 с.
25. Butler J., Laclau E. and SZ. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left. London; New York: Verso, 2000. — 300 с.
26. Laclau E. Ideology and post-Marxism//Journal of Political Ideologies. — 2006 — №11 (2) — 103-114 p.
27. Adams L. The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. Durham: Duke University Press. — 2010. — 256 с.
28. Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: An institutionalist account//Theory and Society. 1994. Vol. 23. № 1. 47-78 p.
29. Mouffe Ch. On the Political. Abingdon — New York: Routledge, 2005. — 144 p.
30. Laclau E. Emancipation(s). London: Verso, 1996. — 126 p.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Юдина Надежда Александровна

*соискатель кафедры истории и социологии политики ФГБОУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
E-mail: udinadya1989@yandex.ru*

Сегодня структура избирательного процесса в современной России усложняется. За два десятилетия, прошедших со времени первых конкурентных выборов в нашей стране, существенно обогатилась система используемых на практике способов воздействия на избирателей. Нередко избирательный процесс сопровождается наличием жесткой конкуренции среди кандидатов. По мере усиления политической конкуренции возросла необходимость использования новых нетрадиционных методов воздействия на выбор избирателей.

Визуальные коммуникации стали выступать эффективными средствами донесения до граждан посланий различных субъектов электорального процесса. Политика не делается всегда по одному рецепту. Если срабатывал один рецепт в избирательной кампании, это совсем не означает, что он будет эффективен всегда. Соответственно, стабильность современной информационной и знаковой среды политических коммуникаций напрямую зависит от эффективности проводимой политики в ходе избирательного процесса, которую можно обозначить как визуальную политику.

В широком смысле визуальная политика представляет собой совокупность концепций и дискурсов, связанную с формированием жизненно важных отношений между государством и социальными группами в области визуальных и знаковых коммуникаций [5, с. 62].

С точки зрения политической психологии, любое политическое действие (от указов президента до телевизионного интервью террориста) имеет экспрессивно-символическую сторону, которая служит эмоционально-смысловым «клеястером» для многообразных элементов общественной жизни. Подобная символическая экспрессивность отнюдь не всегда нацелена на обман чувств; она необходима любому политику, чтобы привлекать к себе внимание,

создавать мотивы, провоцировать выбор избирателей в пользу кандидата. Кроме того, визуальная политика — это не просто стихийное появление кандидата на телевидении или позирование перед фотокамерами, — это сознательное использование визуальных ресурсов власти для ее упрочения и легитимации [4, с. 62-75].

Качественные изменения политической системы современной России позволяют осуществлять реальную визуальную политику, подкрепленную фактическими действиями и твердой позицией. Так, эпоха Владимира Путина создала возможность для реализации программ по созданию положительных образов кандидатов, символов, брендов, и знаков новой России. В избирательном процессе формирование имиджа кандидата посредством грамотной визуальной политики стало эффективным инструментом стабильного функционирования предвыборной кампании. Отвергать значение визуальных составляющих в ходе выборов сегодня не рационально.

Кроме того, мы можем констатировать, что произошло существенное смещение акцентов в преподнесении имиджей политиков в ходе избирательного процесса. В России не любили, осуждали раньше и осуждают сегодня богатых людей, так как часть населения живет за чертой бедности. Но во времена Б.Н. Ельцина этот фактор не учитывался в избирательном процессе, вероятно в связи с отсутствием опыта в использовании визуальной политики. Напротив, в 90-е годы XX века имиджмейкеры старались изображать лидеров в красивых дорогих интерьерах, поддерживая тем самым их респектабельность и исключительность. Телепередачи, посвященные личной жизни политиков, снимались в их дорогих квартирах или домах, отражающие их высокий достаток [6, с. 13-18].

Сегодня в избирательном процессе политических лидеров учитываются настроения избирателей, их потребности. Имидж меньше ориентирован на материальный достаток политиков. Кандидатов зачастую позиционируют как политиков, которые в прошлом принадлежали к людям с низким социальным статусом, которые добились всего своим напряженным трудом. В последнее время в предвыборной агитации даже при съемках видеороликов, в фотографиях политиков не используются дорогие интерьеры, машины. Наоборот — политтехнологи стараются приблизить своих клиентов к народу, показывая поездки кандидатов по регионам, своеобразно преподнося их биографии, образы.

В отличие от прошлых эпох, современные политики инсценирует себя не при помощи статуй, медалей и триумфальных арок, а посредством фотографий и видеопродукции, прессы, радио и

телевидения. Возможность при помощи СМИ оказывать влияние на массы населения, напрямую обращаясь к сознанию миллионов; эстетизация повседневности сообразно стандартам СМИ; лавинообразный (захлестывающий обыденное сознание) рост электронной информации, передаваемой со скоростью света, — все это ведет к многократному увеличению возможностей символической политики.

Для политиков уже давно не секрет, что массовая коммуникация представляет собой важнейший инструмент политического управления и обеспечения массовой лояльности к существующей власти. Это неудивительно, если учесть, что подавляющее большинство населения достаточную часть свободного времени проводит за просмотром развлекательных телепередач, журналов, газет. Следовательно, визуальный язык формирует среду обитания современного человека, он давно вошел в информационное и предметное содержание повседневной жизни. Этот язык наиболее понятен всем социальным слоям. В обществе массового потребления и массовой информации все более зрелищными становятся не только традиционные СМИ (газеты, журналы, книги), но и городские ландшафты, места массового пребывания. Значительный вклад в усиление зрелищности предвыборной кампании вносит наружная реклама — уличная, транспортная, в местах торговли, картинки, фотографии, листовки с портретом кандидата [7].

Визуальные материалы выполняют информационную, убеждающую и побуждающую функцию, в них используются запоминающиеся картинки, визуальная информация в виде изображений, как самих лидеров, так и логотипов партии. В электоральном процессе невербальные коммуникации используются чрезвычайно активно в силу высокой значимости результатов этого процесса для его участников, когда необходимо приложить максимальные усилия в достаточно короткий промежуток времени для получения заранее запланированного результата, часто — в условиях жесткой конкуренции [1].

Выборы представляют собой своеобразный процесс, в котором в силу его высокой эмоциональной насыщенности невербальные сигналы играют огромную роль, где графика агитационных материалов, оказывают большое влияние на избирателя, и люди делают свой окончательный выбор с учетом этого впечатления. Наибольшее значение в системе инструментов невербальной коммуникации имеет комплекс невербальных средств, направленных на приближение имиджа кандидата к доминирующему стереотипу

целевой группы, а также цветовая гамма и графика используемых в политической рекламе [2].

Когда-то открытость Владимира Путина в беседах с журналистами казалась беспрецедентной, однако Дмитрию Медведеву сегодня удалось расширить рамки медиа-пространства. Если учесть, что до президентства Медведев, как и Путин, не только никуда и никогда не избирался, но и в принципе не был публичным политиком, в визуальной политике он достиг невероятного успеха. Так, например, главное свое послание «Россия, вперед!» он публикует не в традиционном печатном издании, а на электронных страницах интернет-ресурсов.

Графический дизайн играет чрезвычайно важную роль в электоральном процессе, так как он содержит визуальный образ, который имеет более сильное психологическое воздействие, нежели фото вербальный. Такой образ включает в себя не только слоган или фотопереизображение, но и цвет, фон, которые должны быть хорошо видны на расстоянии. Каждый оттенок имеет свое значение, поэтому необходимо учитывать эти аспекты, чтобы не вызвать в массовом сознании раздражения или негатива, например, к политику, участвующему в выборах. Эксперты обращают внимание на высокую эффективность зрительной информации. В ходе выборов активно проявляется такое преимущество зрительной информации, как то, что ее значительно труднее исказить по сравнению со словесной информацией [3].

Весь спектр таких средств воздействия позволяет довольно эффективно проводить необходимую для политика линию формирования электоральных предпочтений граждан. Именно поэтому, кандидаты нередко прибегают к визуальным методам контроля над поведением своих избирателей, которые не требуют непосредственного взаимодействия с политиком.

Таким образом, анализ визуальной политики электорального процесса демонстрирует, что сегодня невозможно создать привлекательный политический стиль, не дополнив его современным интерфейсом. Визуальный облик кандидата должен свободно трансформироваться и расширяться под различные электоральные базы, сферы жизни и направления работы. Эта возможность может быть одинаково эффективно реализована в самых разных формах визуальной политики — как в плакатах, листовках, видеообращениях, так и в предвыборных фотографиях, напоминающих о безупречной личности кандидата. Кроме того, визуальная политика может быть чрезвычайно гибким методом узнаваемости политика. По сути,

разработка и применение данного метода приобретает программный характер, на основе которого можно создать расширенный набор образов и смыслов в избирательном процессе, содержательно повышающий социальную лояльность хотя бы на период проведения выборов.

Список литературы:

1. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация. Психология и право. М., 2007. — 256 с.
2. Веденеев Ю. А., Лысенко В. И. Избирательный процесс в Российской Федерации: политико-правовые и технологические аспекты // Государство и право. — 1997. № 8.
3. Песоцкий Е. Современная реклама. Теория и практика. Ростов-на-Дону., 2001. — 320 с.
4. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5.
5. Родькин П. Л. Визуальная политика эпохи Путина // Русский Журнал. М., 2009. —83 с.
6. Русакова О. Ф. Дискурс шоу-политики // Без темы. —2008. № 1(7).
7. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии. Материалы дискуссии // Политические исследования. — 2004. № 4.

1.3. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО В БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Зайберт Наталья Святославна

*соискатель, кафедра политологии факультета социальных наук РГПУ
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
директор Информационно-консультационного центра по
миграционному законодательству и противодействию торговле
людьми, Общественная благотворительная организация «Санкт-
Петербургский центр международного сотрудничества Красного
Креста», г. Санкт-Петербург
E-mail: natalia_zaubert@mail.ru*

Проблема торговли людьми имеет глубокие исторические корни. Рабство, использование рабского труда и торговля людьми, как социальные явления, сопровождают человечество на протяжении его истории. История представляет собой чуть ли не бесконечный спектр различных форм рабства и типов рабской зависимости. Все великие мировые культуры, включая культуры Месопотамии, Китая, Египта и Индии, принимали рабство, как жизненный факт [8, с. 54-55]. Такая практика была также распространена в Африке к югу от Сахары, на Американском континенте. Великие мыслители Греции и Рима не принимали твердых позиций против рабства, а греческий философ Аристотель наоборот отстаивал его. До того, как философы периода Возрождения Джон Локк и Вольтер дали новые определения человеческой свободы и достоинства в 17-18 веках, большинство людей не задавались вопросом о том, морально ли это — держать другого человека в кабале.

Период 19 — начало 20 вв. отмечается исследователями, как начало формирования в международном праве института норм, направленных непосредственно на борьбу с рабством, работорговлей, сходными с ними явлениями и институтами [1, с. 121].

Первым действительно всемирным договором по правам человека считается Международная конвенция об упразднении рабства и работорговли 1926 года, заключенная под эгидой Лиги Наций. В этой конвенции первый раз было сформулировано понятие рабства, что включило в себя «состояние или положение человека, над

которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них». Однако недостаток Конвенции 1926 года в том, что она, ограничивая рабство, всё же отдельные формы его (такие, как принудительно-исправительную, каторжную, на военной службе и др.) допускала.

Запрет на использование рабского труда и работорговлю оформлен последующими важнейшими актами международного сообщества — Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Конвенцией о правах ребенка 1989 года, Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года и др.

В современном мире рабство как правовой институт и практика подвергается всеобщему осуждению. Несмотря на это, рабство, работорговля, сходные с ними явления и институты существуют в ужасающих размерах. По данным МОТ — Агентства ООН, занимающегося стандартами в области труда, занятости и социальной защиты — в 2005 году, по крайней мере, 12,3 миллиона взрослых и детей находились в ситуации принудительного труда и долговой кабале [7].

Ответом на новые явления в международной жизни конца XX века, такие как глобализация экономики, увеличение «разрыва» между бедными и богатыми странами, ослабление контролирующих функций национальных государств, распространение нелегальной миграции, укрепление транснациональной организованной преступности, развитие информационных технологий и транспорта, стало подписание в декабре 2000 г. на 55 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Конвенции против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протоколов «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» (обычно называемого Палермский Протокол) и Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. Эти документы на высшем международном уровне определили новые обязанности государств по противодействию торговле людьми. Конвенцию подписали более 100 государств.

Палермский Протокол ввел два основных новшества в сфере торговли людьми: 1) основное и всеобъемлющее международное определение термина «торговля людьми»; 2) определение Протокола о предотвращении торговли людьми очень широко в употреблении, так

как в нем содержится понятие принудительный труд как одна из целей торговли людьми помимо сексуальной эксплуатации.

В настоящее время исследователями выделяются следующие основные формы торговли людьми [4, с. 11-12]:

- Торговля людьми, особенно женщинами и детьми, с целью сексуальной эксплуатации.
- Торговля людьми в целях эксплуатации рабского труда.
- Торговля людьми, особенно детьми и инвалидами с целью попрошайничества.
- Браки в целях эксплуатации (включая использование системы «невест по почте»);
- Торговля людьми с целью принуждения к суррогатному материнству, репродуктивным функциям;
- Торговля людьми для трансплантации органов и тканей;
- Торговля детьми с целью незаконного усыновления/удочерения;
- Торговля людьми с целью использования в вооруженных формированиях;
- Использование солдат и заключенных для принудительных работ».

В международных документах для определения торговли людьми используется термин «траффикинг» (trafficking). Термин «*торговля людьми*» может легко ввести в заблуждение, так как внимание привлекается в первую очередь к коммерческим аспектам этого преступления, которое более точно можно было бы сравнить с порабощением — повседневной эксплуатацией людей в течение какого-то периода времени. Тот факт, что люди охотятся за людьми в целях получения денежной выгоды, начинают понимать и в парламентах, и в средствах массовой информации и т. д.

Особое место в противодействии торговле людьми занимают международные и региональные организации, активно защищающие права человека:

1. Организация Объединенных Наций (ООН)

В качестве одного из ключевых элементов Глобальной инициативы Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми (ГИБТЛ ООН) 13-15 февраля 2007 года в Вене был организован первый глобальный форум по борьбе с торговлей людьми, на который съехались свыше 1 600 участников из более чем 130 стран. В марте 2007 года ГИБТЛ ООН создала партнерство между Управлением ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (ЮНОДК), Международной организацией труда (МОТ),

Международной организацией по миграции (МОМ), Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), Управлением Верховного Комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), все из которых представлены в Руководящем комитете. ГИБТЛ нацелена на мобилизацию государственных и негосударственных действующих лиц в целях искоренения торговли людьми. Для поддержки усилий по пропаганде и совершенствования координации создан специальный сайт (www.ungift.org). Эта инициатива координируется Руководящим комитетом, проводящим ежемесячные заседания.

В последние годы Генеральный секретарь представил Генеральной Ассамблее и Экономическому и Социальному Совету ряд докладов, касающихся торговли людьми и содержащих рекомендации по предупреждению торговли людьми и защите прав жертв. Согласно *Рекомендуемым принципам и руководящим положениям ООН по вопросу о правах человека и торговле людьми* «Государства обязаны по международному праву действовать с должной заботливостью в целях предупреждения торговли людьми, проведения расследований и судебного преследования торговцев людьми и оказания помощи и защиты людей, ставших предметом такой торговли. Меры по борьбе с торговлей людьми не должны негативно сказываться на правах человека и достоинстве лиц, в частности на правах тех, кто стал предметом такой торговли, и мигрантов, перемещенных внутри страны лиц, беженцев и лиц, ищущих убежище» [3].

30 июля 2010 года Генеральной Ассамблеей ООН был одобрен Глобальный план действий ООН по борьбе с торговлей людьми [2]. Он предусматривает меры по предотвращению таких преступлений, защите их жертв, преследованию преступников и укреплению сотрудничества по всем этим направлениям.

Государства — члены ООН, учредившие Целевой фонд добровольных взносов ООН для жертв торговли людьми, решили в 2013 году провести оценку прогресса, достигнутого в ходе реализации Плана действий.

2. Совет Европы

Учитывая, что одной из главных целей Совета Европы является обеспечение и защита прав и достоинства человеческой личности, и что торговля людьми представляет собой прямое посягательство на ценности, лежащие в основе Совета Европы, вполне логично, что поиск решений этой проблемы составляет один из приоритетов Организации. Это тем более настоятельно необходимо, что среди 46 государств-членов есть страны происхождения, транзита и назначения

жертв торговли. Вопросы торговли людьми входят в круг таких тем, рассматриваемых в рамках Совета Европы, как, например, сексуальная эксплуатация женщин и детей, защита женщин от насилия, организованная преступность и миграционные процессы. Советом были предприняты различные инициативы в этой и смежных областях: разработка юридических норм и стратегий, проведение исследований, осуществление юридического и технического сотрудничества, мониторинг.

В ходе трехсторонней встречи (Женева, 14 февраля 2003 года) представители Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Организации Объединенных Наций (ООН) высказались в пользу заключения в рамках Совета Европы конвенции по вопросам торговли людьми, которая позволила бы обеспечить лучшую защиту жертв и развивать международное сотрудничество по борьбе с этим тяжким преступлением на общеевропейском уровне, а также способствовала бы продвижению идеи принятия на национальном уровне законодательства по противодействию торговле людьми [4].

Конвенция Совета Европы «О противодействии торговле людьми» была подписана в 2005 году. Конвенция квалифицирует торговлю людьми в качестве нарушения прав человека и посягательства на достоинство и целостность человеческой личности и, исходя из этого, утверждает необходимость усиления уровня защиты всех жертв торговли людьми. Также важно то, что Конвенция касается всех типов торговли людьми (внутригосударственной, транснациональной, связанной с организованной преступностью или нет, а также осуществляемой в целях сексуальной эксплуатации) в интересах, в частности, принятия мер защиты жертв и осуществления международного сотрудничества. В-третьих, Конвенция учреждает механизм контроля с целью обеспечения эффективного выполнения её положений Сторонами. Наконец, Конвенция интегрирует в свои положения принцип равноправия женщин и мужчин.

3. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее ОБСЕ) принимает активное участие в борьбе против работорговли. ОБСЕ имеет 56 стран-сотрудников в Европе, Северной Америке и Центральной Азии. ОБСЕ одобрила план мероприятий против торговли людьми в 2003 году - План действий ОБСЕ по борьбе с работорговлей [6]. Комплекс мероприятий ОБСЕ побудил стран-сотрудников взять инициативу по предотвращению работорговли,

привлечению к ответственности виновных и защите жертв, в зависимости от обстоятельств, с помощью организаций ОБСЕ и местных делегаций, расположенных в 19 различных странах юго-востока и востока Европы, на Кавказе и в Центральной Азии. Кроме того, в 2004 году ОБСЕ также назначила представителя для борьбы с работорговлей — *Уполномоченный представитель и координатор по борьбе с торговлей людьми* - который наиболее осведомлен обо всех проявлениях торговли людьми, и помощи в продвижении политической воли для решения проблемы. Уполномоченный представитель помогает членам ОБСЕ в выполнении обязательств и дает рекомендации, в случае необходимости. Также представитель координирует действия стран-сотрудников против работорговли и сотрудничает с другими международными организациями и ассоциациями.

Решения ОБСЕ, принятые за последние годы, касаются борьбы с принудительной эксплуатацией труда, укрепления усилий по борьбе с работорговлей, включая использование принудительной бесплатной рабочей силы, используя особый инициативный подход и борьбе с торговлей людьми.

4. Совет Министров Северных стран

На форуме Северных стран борьба против работорговли была в центре деятельности с конца прошлого столетия. В 2002 году Совет Министров Северных Стран запустил кампанию под названием: *«Рабочая группа Северных стран и стран Балтики по борьбе с работорговлей»*. Целью кампании было информирование населения, в особенности людей, пользующихся сексуальными услугами и потенциальных пользователей, о торговле женщинами. После того как кампания была завершена, стартовал проект под названием *Северно — Балтийская региональная межведомственная сетевая поддержка, защита, освобождение, и реабилитация женщин-жертв сексуального рабства*. Главной целью было установить сеть сотрудничества в каждой стране и усилить совместную работу между этими сетями в странах Скандинавии и странах Балтики. Также целью этого проекта было сосредоточить основные усилия на обеспечение жертв правовой, социальной и медицинской помощью, психологической поддержкой, возможностью репатриации на родину с обеспечением возможности начать новую жизнь, по желанию жертвы насилия. Сотрудничество Совета Министров Северных стран и соседних стран, включая ЕС, Эстонию, Латвию и Литву, имело в основе планы совместной работы Северных стран и стран Балтики, которые были согласованы в 1998 году. На совместном собрании министров восьми государств в

Эстонии в мае 2008 года было решено, что совместная работа должна быть продолжена, и работорговля является одним из главных вопросов на повестке дня.

С 2007 года представители государственных органов России, некоммерческих организаций, а также социальные работники были приглашены в Северные страны с целью усиления сотрудничества и развития связей с помощью программы «Расширение знаний и построение сети сотрудничества». Совет Министров также работает по похожим схемам обмена информацией в прибалтийских странах.

5. Совет стран Балтийского региона

В 2006 году была сформирована *Рабочая группа Совета стран Балтийского региона по борьбе с торговлей людьми - РГ ССБМ БТЛ* (<http://www.cbss.org/Civil-Security-and-the-Human-Dimension/the-task-force-against-trafficking-in-human-beings-with-focus-on-adults>), главной целью которой является противостояние торговле людьми путем предупреждения, а также действия по защите и помощи жертвам. Особое внимание группа сосредотачивает на жертвах 18 лет и старше. Основой для действий *РГ ССБМ БТЛ* является Конвенция Совета Европы по противодействию торговле людьми (2005 г.). Распознавание возможных жертв, которые регулярно находятся вне пределов родной страны — это один из самых напряженных моментов работы, также как и подготовка персонала к дипломатическим миссиям, запланированным и нет, потому что такие работники могут стать первым связующим звеном между жертвами и властями их родной страны.

В течение следующих лет акцент *РГ ССБМ БТЛ* будет направлен на организацию помощи жертвам, просветительские и информационные акции, проекты, касающиеся улучшения сбора информации по этой проблеме и по ее поиску.

Резюмируя вышеописанное, можно сделать вывод, что международное сообщество, включая учреждения на местном, региональном и правительственном уровнях, стараются противостоять проблемам, поставленным этим криминальным явлением на современном этапе, и представить ответ на международном уровне с целью выработки всесторонней и эффективно скоординированной стратегии, вовлекающей действующие лица из всех уместных областей. Однако в ближайшие годы международные и региональные организации должны усилить своё сотрудничество и обмен информацией с тем, чтобы добиться более скоординированного подхода и избежать совпадения и дублирования работы, а также максимально увеличить эффективность действий, предпринятых на международном уровне, так как само явление «торговля людьми»

становится все более распространяющимся. Вопрос о правах человека, ставших предметом торговли людей, должен находиться в центре всех усилий, направленных на предупреждение торговли людьми и борьбу с ней, защиту и помощь жертвам.

Список литературы:

1. Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М.: Наука, 1992. — 298 с.
2. «Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми», Резолюция A/RES/64/293, принятая Генеральной Ассамблеей, 64-я сессия, пункт 104 повестки дня, 12 августа 2010 года, URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/479/43/PDF/N0947943.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.12.11).
3. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека Экономическому и Социальному Совету «Рекомендуемые принципы и руководящие положения ООН по вопросу о правах человека и торговле людьми», Нью-Йорк, Основная сессия, 1—26 июля 2002 года, Экономический и Социальный Совет ООН, 20 мая 2002 года.
4. Конвенция Совета Европы «О противодействии торговле людьми», Пояснительный доклад, Варшава, 10 мая 2005 года, Council of Europe Treaty Series — No.197. URL: http://www.coe.int/t/dg2/trafficking/campaign/Source/PDF_Conv_197_Trafficking_Russian.pdf (дата обращения: 10.11.11).
5. «Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в Российской Федерации».Итоговый доклад по исследовательской части проекта Европейского Союза, реализуемого Бюро Международной организацией по миграции (МОМ) в РФ «Предотвращение торговли людьми в Российской Федерации»/ Представительство Европейской Комиссии в России, Бюро Международной организации по миграции в РФ, Международная организация труда — М.:Импала, 2008.-140 с.:ил.
6. Решение ОБСЕ № 557»План действий ОБСЕ по борьбе с работорговлей», 462-е пленарное заседание, Постоянный Совет, 24 июля 2003 года. URL: <http://www.coe.int/t/dg2/trafficking/campaign/Source/OSCE%20557.pdf> (дата обращения: 12.12.11)
7. A global alliance against forced labour”, Global Report under the Follow up to the ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights at work 2005, International Labour Conference, 93d Session 2005, Report I (B), International Labour Office, Geneva, 2005. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/publication/wcms_081882.pdf (дата обращения: 04.10.11).
8. Thomas H., World History: The story of Mankind from Prehistory to the Present. New York: HarperCollins, 1996. —764 p.

ИНФОРМАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Телятник Татьяна Евгеньевна

*аспирант кафедры политологии и политического управления КубГУ,
г. Краснодар
E-mail: neptuneus@yandex.ru*

Россия, как и другие ведущие государства мира, вступила в эпоху информационного общества, что было подтверждено Хартией информационного общества, подписанной в 2000 году. Как отмечают исследователи, ученые, переход информации в разряд важнейших ресурсов человечества вызывает к жизни и проблему борьбы за обладание этим ресурсом. Информационный ресурс является весьма специфической составляющей в совокупности ресурсов развития государства. Его объекты и объединяющая их информационная инфраструктура имеют своеобразные особые пространственно-временные характеристики, не ограничивающиеся пределами национальной территории.

Кроме того, сама информация обладает уникальными свойствами делимости и воспроизводимости. Эти и ряд других факторов заметно сказываются на общей оценке потенциала того или иного геополитического субъекта, на его способности к устойчивому развитию, на возможности воздействовать на него извне, восприимчивости к скрытому перераспределению информационного ресурса противника силами, средствами и способами информационной борьбы. Ведущееся вокруг информационного ресурса соперничество, борьба за обладание этим ресурсом, достижения и удержания информационного превосходства сегодня занимает значительное место в геополитической конкуренции развитых стран.

В настоящее время в борьбе за сферы экономического и политического влияния в международных отношениях акцент с применения военной силы все больше смещается на использование скрытых и гибких форм, одной из которых является контроль и управление информационными ресурсами государств. Информационное воздействие в этой связи рассматривается как новый высокоэффективный вид оружия, которое в определенной степени является не менее эффективным средством воздействия, чем традиционное вооружение и военная техника.

Важным было бы отметить в рамках данного исследования роль информационных ресурсов в процессе обеспечения политической

безопасности. По мнению многих авторитетных исследователей, информация представляет собой один из наиболее значимых феноменов окружающего нас мира. Попытки осмыслить сущность этого феномена предпринимались многими учеными на протяжении нескольких десятилетий, начиная с середины XX века. Однако общепризнанные представления о концептуальной природе информации в научной среде до сих пор еще не выработаны. Поэтому эти попытки продолжаются и сегодня, в XXI веке, который называют веком информации.

Документ «Концепция государственной информационной политики Российской Федерации» определяет: «Под информационными ресурсами общества понимается совокупность всех информационных продуктов, произведенных обществом. К ним относятся: отдельные документы, отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных и других информационных системах)» [4, с. 15]. Более кратко можно определить «Информационный ресурс общества» как результат интеллектуальной деятельности человека, представляющий собой систему структур описаний материального объекта, определенных для достижения заданной цели, и предназначенный для конкретного пользователя, сохраняемый на определенном виде носителя, обеспечивающем его доступность, имеющий авторов и собственников.

Кроме того, информационный ресурс можно рассматривать как результат интеллектуальной деятельности, как определенный объект со своими разными особенностями, как государственный ресурс.

Можно выделить несколько особенностей информационного ресурса, рассматриваемого в качестве интеллектуальной деятельности. Это и тип используемого носителя, и регламент доступа к ресурсу, и способ поиска информации. Что касается характеристики государственных информационных ресурсов, то необходимо отметить, что они создаются за счет средств государственных бюджетов; предназначены для реализации функций государственного управления; создаются в отношении объектов государственного ведения.

В соответствии с Российским энциклопедическим словарем «ресурс» (от французского вспомогательное средство) — это ценности, запасы, возможности, денежные средства, источники средств, доходов (например, природные ресурсы, экономические ресурсы и др.) [6, с. 123].

Академик И.Л. Бачило, внесшая существенный вклад в развитие теории информационных ресурсов, предлагает изложить определение понятия «ресурс (ресурсы)» в следующем виде — необходимый системообразующий элемент (или условие) организации конкретной целесообразной человеческой деятельности, в ходе которой входной ресурс преобразуется в выходной ресурс заданной формы и качества, в соответствии с установленными целями деятельности [2, с. 10].

Представляется необходимым выделить определение информационных ресурсов, предложенное И.Л. Бачило. Она определяет, что информационный ресурс в структурном, предметном восприятии представляет собой массив или отдельный документ, другой визуально воспринимаемый объект, который аккумулирует сведения (информацию), формируемые по определенному признаку или критерию [2, с. 14].

Некоторые исследователи отмечают, что для того, чтобы информация стала частью информационных ресурсов, она должна быть соответствующим образом организована, классифицирована, поиск ее должен быть облегчен. Но самое главное заключается в том, что информация должна представлять ценность для практического применения [5, с. 36].

Информация в широком понимании этого термина представляет собой объективное свойство реальности, которое проявляется в неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, в неравномерности протекания всех процессов, происходящих в мире живой природы, а также в человеческом обществе и сознании [3, с. 7].

Информация в современном обществе является важнейшим источником власти. Получение, анализ, выдача и эффективное использование информации — необходимое условие функционирования власти. Государство, являясь центральным институтом власти, активно использует информационные отношения: информация связывает между собой государство и гражданское общество.

Важнейшим фактором, определяющим эффективность государственной власти, является уровень ее информационного обеспечения, степень оснащенности современными техническими, технологическими и телекоммуникационными системами. Информационные ресурсы являются центральной частью информационных систем. Соответствие информационных ресурсов потребностям органов государственной власти в значительной части определяет эффективность работы этих систем. Позитивная

информация, крайне важная с точки зрения политической безопасности, спокойствия населения, не всегда «появляется» своевременно. При отсутствии структуры, которая продвигала бы позитивную информацию не только о регионе, но и о России, о мире в целом, вероятно проявление негативных тенденций в отражении действительности.

Концепция информации как конституирующей силы социума лежит в основе теории информационного общества, согласно которой усиление роли информации во всех сферах общественной жизни обуславливает трансформацию социально-экономических и политических процессов на государственном и международном уровне.

Социально-экономическая обстановка в мире актуализирует проблему обеспечения политической безопасности.

Таким образом, информационная составляющая любой деятельности является сегодня доминирующей над всеми ее другими формами и компонентами. Известные слова «кто владеет информацией — владеет миром» приобретают качественно иной смысл. Знания и информация становятся одним из стратегических ресурсов государства и общества, ресурсом социально-экономического, технологического и культурного развития. Информация выступает мощным основанием власти и стратегическим национальным ресурсом. Идет процесс перехода к новой социально-экономической формации, которую условно называют информационным обществом.

Список литературы:

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. — М.: ВЛАДОС, 1994. — 467 с.
2. Бачило И. Л. Информационное право: Учебник / Под ред. Б.Н. Топорина. — СПб., 2001. — 305 с.
3. Колин К. К. Философия информации и фундаментальные проблемы современной информатики // Информационные ресурсы России. — 2010. — № 1. С. 56-60.
4. Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. М. 1998 г.
5. Кривоухов А. А. Правовое регулирование защиты государственных информационных ресурсов. Автореф. дис. канд. юр. наук, — М., 2006. — 35 с.
6. Российский энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. — 688 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Аматова Нина Евгеньевна

магистрант БелГУ, г. Белгород

E-mail: amatova@bsu.edu.ru

Шаповалова Инна Сергеевна

д-р. соц. наук, профессор БелГУ, г. Белгород

E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

В современной социологии общественное сознание принято понимать как систему идей, теорий, взглядов, характерную для общества в определённый исторический период и развивающуюся по своим собственным внутренним законам. В структуре общественного сознания выделяются уровни, стороны и формы. Так, различают два уровня — обыденный и теоретический, две стороны — общественную психологию и идеологию и до десятка форм — политическую, правовую, экономическую, научную, религиозную, нравственную, эстетическую, философскую, экологическую и некоторые другие [1].

Известно также, что общественное сознание, являясь неотъемлемой составляющей процесса общественно-исторического развития в целом, может как отставать, так и опережать его. Поэтому прогнозирование развития общественного сознания и взаимодействия различных его форм является весьма актуальным на любом историческом этапе. Специального внимания в этом ряду заслуживают работы, связанные с исследованием воздействия общественного сознания на общественное бытие.

В частности, Ж.Т. Тощенко, говоря о новых характеристиках общественного сознания в российском обществе, отмечает: «Общественное сознание во всё большей мере оказывает влияние на

функционирование всех уровней и ветвей политической власти, жизнедеятельность социальных групп, слоёв, общностей. *Этот процесс отражает объективную тенденцию возрастания роли субъективного фактора, субъективности, значимости общественного сознания* (выделено автором) как влиятельной и определяющей силы ...» [6, с. 3-4].

В свете вышесказанного, особую важность представляют работы, посвящённые исследованию проблем, связанных с управлением общественным сознанием молодёжи. Для начала определим необходимость обособления молодёжи в отдельную социальную группу. Социолог В. Т. Лисовской сформулировал следующее понятие: «Молодежь — это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих (а в более зрелом возрасте уже усвоивших) общеобразовательные, профессиональные и культурные функции и подготавливаемых (подготовленных) обществом к усвоению и выполнению социальных ролей взрослого» [5, с. 47-48].

Тем не менее, молодёжь, как социальная группа, по своему составу крайне неоднородна. Что касается студенчества, то оно по праву считается наиболее мобильной и передовой её частью. Этому есть несколько причин.

Во-первых, возрастная однородность, ежедневная общая деятельность, специфический образ жизни формируют у студентов общность интересов, неприсущую любой другой социальной группе.

Во-вторых, студенчество всегда отличала склонность к активному общению, поиску смысла жизни, к прогрессивным идеям и преобразованиям.

В-третьих, общественное сознание студенческой молодёжи формируется не на обыденном, а на теоретическом уровне, в процессе накопления и усвоения научных знаний, получаемых под непосредственным руководством профессионалов.

В-четвёртых, студенческая молодёжь при обучении в вузе проходит важнейший этап социализации, на котором не просто усваиваются общеобразовательные и профессиональные компетенции, но осуществляется подготовка к выполнению функций интеллигенции в общественной системе.

Указанные особенности студенческой молодёжи накладывают свою специфику на процесс управления её сознанием. Можно отметить множество источников, влияющих на формирование общественного сознания студентов, однако, в настоящей работе мы остановимся на роли вуза в этом процессе.

Далее, на примере БелГУ рассмотрим управление общественным сознанием студенческой молодёжи. Процесс управления здесь осуществляется, в основном, по следующим четырём каналам:

- институт кураторов;
- студенческое самоуправление;
- учебный процесс;
- производственная практика.

Институт кураторов является основным подразделением управления социально-воспитательной работы вуза и имеет следующую структуру:

- проректор по социально-воспитательной работе;
- зам. декана по социально-воспитательной работе;
- кураторы студенческих групп;
- старосты и актив групп.

Куратору студенческой группы БелГУ рекомендовано исходить из того, что он — основа университетской корпорации и нового алгоритма управления вузом, наделенный полномочиями члена ректората [2, с. 1].

Исторически кураторство есть определённая форма отношений между учителем и учеником, процесс передачи опыта и знаний от старшего поколения к младшему. Раньше общепринятым форматом отношений «студент-преподаватель» являлись отношения типа «субъект-объект», т. е. преподаватель, наблюдая, передавая опыт, шефствуя, воздействуя, выступал субъектом. Студенту же всегда доставалась роль объекта отношений. Современная наука пересмотрела своё отношение к педагогическому процессу. Считается, что педагог (куратор, наставник) и ученик (студент, молодой специалист) становятся субъектами указанного процесса, т. е. отношения являются «субъект-субъектными».

Основные цели деятельности института кураторов заключаются в придании системного характера воспитательному процессу в вузе и формировании развитой, активной личности специалиста, способного в своей трудовой деятельности проявить гражданские, профессиональные, нравственные качества. При этом во главу угла ставится личность студента, учёт его потребностей и интересов.

Фактический перечень работ, выполняемых куратором в процессе своей деятельности, достаточно велик. Куратору важно помочь студентам адаптироваться, организовать их учебную деятельность, научить их принципам целеполагания, планирования и самоконтроля. В процессе эффективного осуществления кураторской деятельности у студентов активно развиваются и совершенствуются

такие формы общественного сознания как нравственная, эстетическая, политическая, экологическая и некоторые другие.

Студенческое самоуправление в БелГУ рассматривается как особая форма общественной деятельности, направленная на решение важных вопросов, связанных с жизнедеятельностью студенческой молодёжи, развитием её социальной и гражданской активности, поддержкой ответственности, самостоятельности и инициативности. В рекомендациях «круглого стола» по студенческому самоуправлению отмечается: «С вступлением России в Болонский процесс обязательным условием аккредитации и аттестации учебного заведения становится наличие системы воспитательной работы, в т.ч. наличие органов студенческого самоуправления. В связи с чем, студенческое самоуправление по праву может рассматриваться как одна из форм воспитательной работы, направленной на формирование всесторонне развитой, творческой личности; подготовку студентов к будущей самостоятельной жизни, повышение их конкурентоспособных на рынке труда» [3, с. 1].

В настоящее время в БелГУ функционируют такие виды организационных структур студенческого самоуправления, как студенческие деканаты, студенческие советы общежитий, профсоюзная организация студентов и студенческое научное общество (СНО). Руководство каждой из этих структур взаимодействуют со студентами через своих представителей внутри учебных групп.

К основным функциям студенческого самоуправления относятся:

- представление интересов студенческой молодёжи перед администрацией вуза и региона (назначение именных стипендий, моральные и материальные поощрения студентов за отличную учёбу и активную научную работу; выделение мест в общежитиях; организация летнего отдыха и пр.);
- информирование студенчества о разнообразных аспектах региональной и государственной молодёжной политики;
- борьба с негативными тенденциями в рядах молодёжи (недостаточной общественной активностью, наркоманией и пр.);
- формирование студенческого актива вуза и т. д.

Через канал студенческого самоуправления наиболее активно регулируются правовая, политическая, нравственная и экологическая формы общественного сознания молодёжи.

Учебный процесс в вузе как канал для формирования и развития общественного сознания студентов во многом зависит от стандартов ВПО. В связи с переходом на двухуровневую подготовку и внедрением Федеральных образовательных стандартов (ФГОС)

первый блок (ГСЭ) учебных планов практически всех направлений бакалавриата БелГУ состоит из следующих дисциплин: история, философия, экономика, культурология, социология образовательное право, профессиональная этика. Это все даёт основания констатировать, что социально-гуманитарное обучение составляет одну из фундаментальных основ высшего образования.

Дисциплины указанного блока формируют специфические познавательные способности студенческой молодёжи, которые особенно важны в периоды значительных политических, экономических и социальных перемен. Они развивают воображение, умение увидеть в малом тенденции больших перемен, а в большом — мелкие особенности. Совершенно очевидно, что без должной социально-гуманитарной подготовки заниматься управлением в современных условиях практически невозможно.

В этой связи особенно важными представляются слова выдающегося социолога П.А. Сорокина, который писал: «Благодаря нашему невежеству в области социальных явлений мы до сих пор не умеем бороться с бедствиями, берущими начало в общественной жизни людей. Мы не умеем глупого сделать умным, преступника — честным, лентяя — трудолюбивым ... Только тогда, когда мы хорошо изучим общественную жизнь людей, когда познаем законы, которым она следует, только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями» [4, с. 14].

Производственная практика в БелГУ регламентируется «Положением о порядке проведения практики студентов» от 07 апреля 2010 г. В ходе практики происходит соединение теоретических знаний студента с формированием практических умений. На этом важном этапе студент получает обратную связь от организации о качестве своей подготовки, о том, как следует работать дальше, чтобы стать востребованным на рынке труда.

Производственная практика предоставляет студенту и другие возможности, которых не было при обучении в аудиториях вуза. Это формирование представление об особенностях работы в организациях различных типов (государственных, коммерческих и др.), о формах поиска работы, составления резюме и ведения переговоров с работодателем и, наконец, собственный внутренний анализ первого практического опыта. Всё сказанное только подчёркивает важность производственной практики для формирования различных форм общественного сознания студентов.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать некоторые выводы:

- студенческая молодёжь, как социальная группа, имеет свои особенности, которые необходимо учитывать, при управлении различными формами общественного сознания;
- включение студентов в нравственные, ценностные и другие отношения в различных организационных формах выводит их на методологический и мировоззренческий уровни ценностного осознания общественных процессов;
- в культурно-образовательном пространстве БелГУ имеются каналы управления общественным сознанием студенческой молодёжи, по которым, при соблюдении определённых условий, возможно формирование «поля ценностей».

Список литературы:

1. Общественное сознание. Его уровни. Режим доступа: <http://freqlist.ru/filosofiya/filosofiya-veliki/obshhestvennoe-soznanie.-ego-urovni.html>(25 ноября 2011 г.).
2. Положение о кураторе студенческой группы БелГУ. Утверждено решение Учёного Совета БелГУ от 28.05.07 г., протокол № 10. Режим доступа: <http://www.bsu.edu.ru/bsu/resource/officialdocs/php?ID=172> (1 декабря 2011 г.).
3. Рекомендации «круглого стола» по студенческому самоуправлению. Совет Федерации, 28 февраля 2011. Режим доступа: <http://www.studorg.ru/laws/32> (24 ноября 2011 г.).
4. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П.А. Сорокин. — М.: Наука, 1994. — 560 с.
5. Социология молодёжи: Учебник / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. — СПб: СПбГУ, 1996. — 460 с.
6. Тощенко Ж. Т. Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России / Ж. Т. Тощенко // СоцИс. — 2010. — № 12. — С. 3—18.

ТРАНСЛИРУЕМЫЙ СТАТУС КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ГРУППОЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО РЕСУРСА ВРЕМЕНИ

Галинская Елена Владимировна

*соискатель степени кандидата социологических наук,
Генеральный директор ООО «Компания А-СПЕКТР», г. Тюмень
E-mail: 414680@mail.ru*

Весь массив экономических изысканий базируется на очевидности постулата безграничных человеческих потребностей и тех ограниченных ресурсов, которые реальность отдает в наше распоряжение. Задачу любой сложности чаще всего приходится решать при нехватке времени либо информации, персонала либо финансирования. К задачам управленческого характера это относится в первую очередь.

Таким образом, научная мысль постоянно движется в направлении поиска наиболее эффективных инструментов, позволяющих в определенной мере компенсировать нехватку или даже фактическое отсутствие необходимых ресурсов, — в частности, в условиях ограниченного времени. В случае, когда речь идет об управленческой деятельности, дополнительные возможности дает сознательное и грамотное применение такого полезного прикладного навыка, как ситуативное выстраивание статусной позиции управленца и правильное транслирование этого статуса.

Почему речь пойдет именно о статусе? Социальная психология давно оперирует такими терминами, как «авторитет», «репутация», «статус», «имидж». Даже на интуитивном уровне семантические различия между данными понятиями достаточно серьезны. Недаром исследователи четко и обоснованно разграничивают эти категории, на первый взгляд довольно схожие.

Начнем с понятия «авторитет руководителя». Из всех признанных определений термина «авторитет» в прикладном смысле наиболее полезным выглядит следующее: «Авторитет (Autorität, от auctoritas — власть, влияние) - это значение и основанная на значении или с ним соединённая власть» [2, с. 113]. Данная трактовка авторитета управленца позволяет напрямую работать с инструментарием воздействия, который поступает в распоряжение обладателя достаточного авторитета. Ведь для решения конкретной управленческой задачи важнее будет сосредоточиться на тех аспектах, которые гарантируют управленцу в оперативном порядке твердую

власть (управление процессами и людьми), причем без дополнительного подкрепления ресурсами.

Довольно часто вместо этого руководитель концентрируется на ценностях стратегического порядка. К примеру, правильно сформированные имидж и репутация весьма полезны в долгосрочной перспективе [1, с. 59; 8, с. 12], однако использование этих инструментов управления требует значительно большего ресурса времени и сознательных целенаправленных усилий, а также зачастую весомой финансовой поддержки. К тому же имидж, как искусственно выстроенный в сознании группы образ, является весьма уязвимым инструментом уже по природе своей искусственности [7, с. 26]. На создание же репутации уходят месяцы и годы, ее формирование требует поступков и редко прощает ошибки.

Таким образом, в ситуациях, когда требуется выбрать управленческий инструмент, действующий максимально быстро и эффективно, то есть позволяющий двигаться к результату «по кратчайшей», ставку следует делать на авторитет и/или транслируемый статус управленца.

С целью первичной проверки данной гипотезы в период с марта по ноябрь 2011 года проводился ряд прикладных исследований, позволяющих связать продиктованные научным интересом задачи и непосредственные запросы управленческой практики.

В качестве репрезентативной выборки выступала аудитория семнадцати тематических бизнес-тренингов, проходивших в консалтинговых центрах Тюмени и Екатеринбурга. Участниками исследования на данной стадии стали 243 человека, по основным критериям подходящих под определение «офисный работник, занятый в обеспечении бизнес-процессов, но не имеющий навыков управления бизнес-процессами».

Уровень восприятия, образования, профессиональной квалификации участников тренингов в целом соответствовал задачам данного исследования: определить эффективность управления человеческими ресурсами в условиях нехватки времени и при использовании транслируемого статуса ведущего (лидера, руководителя).

Естественным показалось ограничить целевой сегмент аудитории как по горизонтали (увеличение количества и дифференциального состава участников не находилось в границах задач эксперимента), так и по вертикали (управленцу необходимо получить инструменты воздействия сверху вниз, но результативность этого воздействия

заметно снижается по мере повышения управленческих навыков самих испытуемых).

Для определения эффективности управленческого воздействия на аудиторию был выделен ряд количественных и качественных критериев. В частности, оценивалась готовность участников эксперимента после короткого временного воздействия ведущего/лидера выполнить ряд непонятных для них действий, заранее зная, что никаких дополнительных бонусов и преимуществ эти действия участникам не принесут, а смысл этих действий им не будет впоследствии объяснен. Иными словами, проверялась и оценивалась готовность участников эксперимента к точному и некритичному восприятию распоряжений лидера, с которым группа впервые столкнулась несколько минут назад.

Учитывая, что реальная управленческая деятельность регулярно требует решать вопросы (организовывать решение вопросов) быстро, четко, часто опираясь на поддержку (подчинение) незнакомых или малознакомых людей, валидность данного метода проверки гипотезы была признана достаточной.

Уже после первых пяти тренингов, по которым были получены и статистически обработаны результаты, можно было сделать вывод, что первичная гипотеза была по сути верной. Однако логика происходящего потребовала более тщательно разграничить термины «авторитет» и «статус» в той части, которая касается признания группой особых властных полномочий лидера над собой.

«Авторитет» как таковой требовал дополнительного времени и действий, усилий, направленных на его «завоевание». У группы быстро и предсказуемо возникала потребность в «проверке» и «признании» авторитета. Эти тенденции находят отражение в работах других исследователей данной проблематики [2, с. 19; 3, с. 26; 4, с. 22]

В то же время прямая трансляция «статуса» позволяла достигнуть заданных значений управляемости группы значительно проще и быстрее. Естественное сопротивление аудитории направленному воздействию в данном случае характеризовалось как более слабое, не имеющее четкой выраженности и направленности.

Участники эксперимента в большинстве своем воспринимали заданный лидером статус как нечто должное, принимали «по умолчанию». Желание «проверить» статус возникало по прошествии времени (а достаточным количеством времени участники по условиям эксперимента не располагали), поэтому хронология событий позволяла управленцу развернуть воздействие, поставить задачу, получить результат и провести «выход» из воздействия раньше, чем вопрос «проверки» статуса достигал точки фактической реализации.

Безусловно, на основании исключительно экспериментальной части исследования будет преждевременным декларировать фундаментальное постижение причинно-следственных связей, рано делать выводы о каких-либо принципах социального поведения, сохраняющих валидность во времени. Однако в определенных рамках экспериментальная часть исследования позволяет выявить ключевые условия, при которых оно приобретает прогностическое значение.

В целом, сознательное применение транслируемого статуса для достижения краткосрочных целей (в условиях ограниченного времени) показывает свою эффективность при работе, как в сложившихся рабочих группах, так и при случайном подборе участников группы. Основной вопрос состоит в выборе конкретных способов воздействия при транслировании статуса управленца на определенную аудиторию, а также в четком осознании целей, задач применения этого инструмента на практике.

Особого внимания заслуживает также осознание, прогнозирование и грамотная проработка управленцем последствий и результатов подобного целевого воздействия, так как при отсутствии контролируемого развития ситуации все преимущества данного метода способны обернуться своей не самой привлекательной стороной. В этом случае сложнее будет вторично работать с группой в том же составе.

В то же время, грамотный «выход» из управленческого воздействия на группу обеспечивает достаточный уровень лояльности и готовности к диалогу участников группы, причем выполнение поставленных практических задач остается на должном уровне, а процесс «выхода» требует минимальных затрат времени и энергии.

Список литературы:

1. Барышев Владимир Александрович. Исполнение управленческих решений в организациях: социально-ориентированный аспект: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.08 / Барышев Владимир Александрович; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. — Москва, 2010. — 180 с.
2. Богданов Володимир Семенович. Авторитет як предмет соціально-філософського аналізу: Дис д-ра філософ. наук: 09.00.03 / Київський ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 1997. — 374 л.
3. Киреева Зоя Алексеевна. Социально-психологическая структура аттракции и ее влияние на социометрический статус личности : диссертация кандидата психологических наук : 19.00.05 / Киреева Зоя Алексеевна; [Место защиты: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. — Курган, 2008. — 148 с.

4. Комина Алина Владимировна. Авторитет, ответственность, доверие как реалии и императивы власти : Дис. канд. филос. наук : 09.00.11 : Тверь, 2003. — 168 с.
5. Кравченко А., Тюрина И. Социология управления: фундаментальный курс : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2005. — 1136 с.
6. Милгрэм С. Эксперимент в социальной психологии. — СПб.: Питер, 2000. — 316 с.
7. Федоркина А. П., Ромашкина Р. Ф. Проблемы имиджа в контексте социального психоанализа. — М.: Просвещение, 2005.
8. Психологические аспекты репутационного менеджмента.// Материалы межвузовской научно-практической конференции «Социальная психология сегодня: наука и практика», С.-П., 2006. — 189 с.

МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЕМОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ г.ТЮМЕНИ)

Десятков Леонид Андреевич

аспирант ТюмГНГУ, г. Тюмень

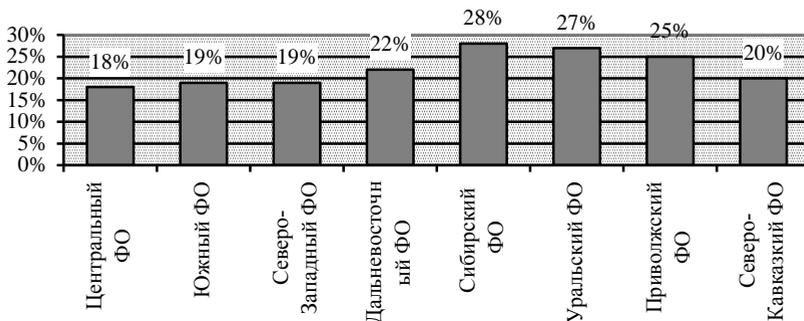
E-mail: Devyatkovl@mail.ru

Из всех отраслей деятельности, сферу услуг можно выделить в качестве основного «индикатора» эффективности функционирования экономической и социальной составляющих жизни общества. Торговые предприятия одними из первых начинают ощущать на себе как позитивные, так и негативные тенденции в жизни общества. Именно поэтому мировой финансовый кризис 2008-2010 гг в значительной мере повлиял на функционирование предприятий розничной торговли. Дестабилизацию мировой экономики проявилась в снижении продаж, росте количества фальсифицированной продукции и увеличении доли теневого оборота.

В сложившейся ситуации большинством работодателей в качестве основной из антикризисных мер было выбрано сокращение расходов на оплату труда персонала.

В общей сложности, по данным агентства «Анкор», в среднем по стране работодателями было снижено до 10% расходов на оплату персонала. Величина снижения заработной платы в 2009 году по

сравнению с предыдущим периодом в различных регионах страны приведена на рисунке 4 (уровень инфляции в 2000 году составил 11,70%).[7]

Рисунок 1. Величина снижения заработной платы в Федеральных округах

Таким образом, наибольшее снижение заработной платы наблюдалось в Сибирском и Уральском Федеральных Округах.

Стоит отметить, что уменьшение величины заработной платы является не единственным источником снижения затрат. Более крупные компании вынуждены сокращать статьи расходов на обучение персонала, выплаты по социальным гарантиям и материальную составляющую мотивации, в то время как мелкие компании прибегают к более кардинальным мерам: снижение заработной платы, предоставление неоплачиваемых отпусков и сокращение персонала. Источником массового сокращения явилась не столько экономическая нестабильность в обществе, сколько недостаточная эффективность и профессионализм управленческого аппарата, а также отсутствие социальной ответственности руководителей коммерческих предприятий.

Управленческий аспект на предприятиях вообще, и розничной торговли в частности, многогранен. Вопросы повышения его результативности можно исследовать с трех сторон:

1. Правовые вопросы, к которым относят несовершенство существующей законодательной базы, слабое проявление социальной ответственности со стороны руководства коммерческих структур.

В деятельности торговых организаций (особенно в негосударственном секторе и у индивидуальных предпринимателей)

существует множество грубейших нарушений законодательства, в частности Конституции РФ, норм трудового законодательства. Ежегодно в Российской Федерации на предприятиях, в учреждениях и организациях выявляются многочисленные нарушения трудовых прав граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и другими федеральными законами:

Так, в 2009 году на территории Тюменской области в общей сложности выявлено 55812 нарушений трудового законодательства РФ, что значительно меньше, чем в 2008 году — 75721 нарушение. Наибольшее количество нарушений установлено:

- по вопросам оплаты и нормирования труда — 11729 нарушений (против 9480 нарушений в 2008 году);
- по вопросам обучения и инструктирования работников по охране труда — 9324 нарушение (против 13620 нарушений в 2008 г.);
- по вопросам, связанным с трудовым договором — 7939 нарушений (против 9627);
- обеспечение работников средствами индивидуальной и коллективной защиты — 2639 нарушений (против 4065);
- рабочего времени и времени отдыха — 2063 нарушений (против 3586).

С осени 2008 года, ознаменовавшей начало мирового финансового кризиса, на территории Тюменской области наблюдается значительное число нарушений трудового законодательства РФ, связанные с сокращением персонала, в то же время наблюдается снижение количества нарушений в 2009 году по сравнению с предыдущим. Основной удельный вес в структуре как в 2008 году, так и в 2009, приходится на нарушения сроков оплаты и правил нормирования труда. Наблюдается тенденция к снижению количества правонарушений в области обучения и инструктирования работников по охране труда и обеспечению средствами коллективной и индивидуальной защиты, распределения рабочего времени и времени отдыха при одновременном увеличении нарушений в области оплаты труда и вопросов, связанных с трудовым договором.

2. Планирование численности персонала и нормирование по производительности труда и отдыха

Проведенные автором исследования показали, что современная система найма персонала в торговых предприятиях характеризуется низкой компетентностью работников кадровой службы, что проявляется в завышенных требованиях к кандидатам на вакантные должности и нерациональной расстановкой кадров. При приеме на работу особое внимание должно уделяться не только профессиональным

характеристикам потенциального работника, но и его личностным качествам, необходимым для развития конкретного предприятия. Лишь на некоторых торговых организациях были разработаны целевые или комплексные стратегические программы социального развития персонала, выделяя для их реализации необходимые средства. Такие программы способствуют снижению продолжительности адаптационного периода, формированию благоприятного психологического климата на предприятии, что в конечном счете к повышению дохода организаций.

3. Особенности структуры и методы развития трудового потенциала.

Руководители многих торговых предприятий, столкнувшись с неэффективностью работы персонала, не пытаются выяснить причины, а принимают кардинальные меры. Именно поэтому сфера розничной торговли занимает одно из лидирующих мест по уровню текучки персонала. Работа в сфере торговли требует определенных личностных качеств, чтобы обслуживать потребителей вне зависимости от уровня их заработной платы.

Копирование западных технологий управления без учета национальных социокультурных традиций и менталитета оказались, в большей степени, неэффективными. Особое внимание уделить нематериальной мотивации персонала, которая в течение последних трех лет отражает рост негативного отношения к предприятию. Нарушается равновесие между вкладом работника и побуждению к действию.

В ходе социологического исследования работников торговых предприятий в г. Тюмени, проводимого с целью выявить наиболее эффективный мотивирующий фактор, было выявлено, что финансовый стимул не мотивирует к самоответственности 43,2% сотрудников. Данный стимул побуждает их уклониться от норм (производственных, этических и т. д.) выполнения работы и ориентирует их не на достижение результата, который ожидает руководитель, а получить такие признаки результата, которые невозможно проконтролировать. Предоставление различных социальных гарантий является эффективным лишь для 22,6% респондентов. Причем предоставляемые социальные гарантии способствуют выработки у работников предприятия лишь лояльности к предприятию, но не проявлению инициативы и развитию самоответственности.

Развитию самоответственности и самодисциплины возможно, по мнению респондентов, лишь при предоставлении работнику свободы в выполнении должностных обязанностей, что, как выяснилось в результате социологического исследования, не встречается в

современных торговых предприятиях, реализующих свою деятельность на территории г. Тюмени (* по мнению работников).

Таким образом, в рамках совершенствовании социального аспекта работников предприятий торговли, необходимо проводить следующие мероприятия, в основе которых лежат общемировые тенденции, сформулированные в принципах TQM:

- аттестация и профессиональная оценка работников с четкой периодичностью;
- прозрачные и последовательные этапы карьерного роста;
- демонстрация производственных достижений компании и сотрудников, подчеркивающих стабильность и перспективность компании;
- предоставление возможности руководить отделами, группами, которая дает возможность реализовать лидерский потенциал, выступить экспертом
- наставничество, как возможность передать профессиональный опыт;
- конкурсы профессионального мастерства, конкурс трудовых династий, демонстрирующие сотрудникам значимость профессии и принадлежность к профессии и коллективу с богатыми трудовыми традициями.

Список литературы:

1. Бурмыкина И. В. «Социально-технологическая культура менеджера» ГОУВПО «Белгородский государственный университет», Белгород— 2009, 154 с.
2. Захаров Н. Л. «Загадка русской души» или особенности мотивации труда российского персонала / Управление персоналом. № 22-23. — 2005.
3. Исследование аудиторской компании Эрнст энд Янг - Home - Ernst & Young. Режим доступа: <http://www.ey.com/RU/ru/Home>
4. История мировой экономики. Учебник для вузов. Под ред. Поляка Г.Б., Марковой А. Н. — 2002, 727 с.
5. Министерство экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>
6. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат.сб./Росстат. — Р76 М., 2009 — 795 с.
7. Уровень инфляции в странах мира за 2009 год Режим доступа: <http://formatsiya.ru/tab1/25-uroven-inflyacii-v-stranax-mira-2009.htm>

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДРОСТКА СОВМЕСТНО С ОДН ОУУ И ПДН ОТДЕЛА ПОЛИЦИИ №3 УМВД РОССИИ ПО г. ОРЕНБУРГУ

Шигабиева Диляра Мунировна

*аспирант заочного отделения кафедры социальной педагогики,
специальности общая педагогика, история и теория образования
ФГБОУ ВПО ОГПУ, г. Оренбург
E-mail: diselina@mail.ru*

Цели воспитания и обучения, их достижения посредством государственной политики в области образования определены Национальной доктриной образования Российской Федерации. «Программа развития воспитания в системе образования России выделяет воспитание как важнейшую стратегическую задачу и определяет роль образовательного учреждения как центрального звена профилактической системы».

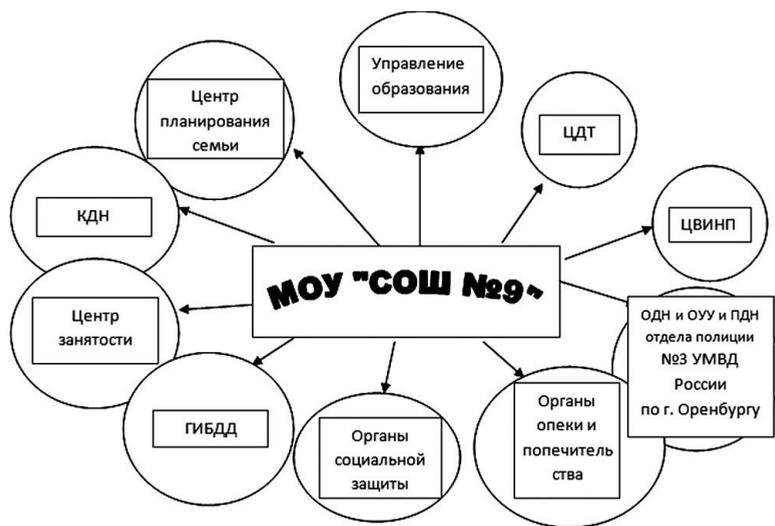
С нашей точки зрения школа — это стратегическая образовательная среда формирования социально ориентированного подростка. Субъекты профилактического взаимодействия должны стремиться обеспечить всестороннее профилактическое развитие каждого ребёнка, формирование профилактической самостоятельности и ответственности, гражданское становление которого происходит в результате формирования профилактического компонента личностной позиции самого подростка [4, с. 34,107].

Особенно актуальна проблема всестороннего формирования профилактически развитой личности, социально активной, конкурентно способной, общественно креативной, социально толерантной, патриотичной, социально ориентированной особенно в том случае, если речь идёт о подростках.

Подростки в первую очередь подвержены воздействию различных факторов, а их импульсивность и эмоциональное восприятие окружающего мира и есть то, в результате чего развивается склонность к совершению правонарушений, преступлений и других противоправных действий. Те условия, в которых развиваются, живут современные подростки, зачастую являются главенствующими факторами для перехода

границ дозволенного. В связи с этим в профилактическом взаимодействии должны быть задействованы различные институты. Главенствующее положение имеет работа с органами внутренних дел. Но наличие вышеперечисленных факторов не означает, что подросток обязательно совершит правонарушение или проявит признаки антисоциального поведения. Поэтому одно из важных направлений в работе образовательных учреждений в г. Оренбурге — это профилактика правонарушений, девиантного поведения, бродяжничества, безнадзорности в детской среде, а также выявление раннего семейного неблагополучия, своевременная помощь в трудоустройстве, продолжении обучения по достижению пятнадцатилетнего возраста совместно с ОДН ОУУ и ПДН отдела полиции № 3 УМВД России по г. Оренбургу [5, с. 13,17].

Реализуемая традиционная школьная круговая система взаимодействия эффективна на любом уровне организации профилактического взаимодействия. Способствует быстрому реагированию и поступлению информации о возможном совершении того или иного поступка, или же отслеживанию психо-эмоционального состояния подростка. Каждая единица этой системы мгновенно дает реакцию со стороны любого учреждения, входящего в систему профилактического взаимодействия, или же это работники дополнительного образования, или же работники медицинского учреждения, или другие участники социального партнерства.

Рисунок 1. Схема профилактического взаимодействия МОБУ «СОШ №9»

Перед образовательным учреждением и инспектором подразделения по делам несовершеннолетних стоит сложная задача — попытаться изменить сознание и поведение учащихся через направленное профилактическое взаимодействие, при котором будет происходить усиление положительных тенденций нравственного развития личности, актуализация профилактического компонента в личностной позиции подростка, её правовое просвещение и профилактика [5, с. 21-23].

Наиболее важной задачей в процессе организации профилактического взаимодействия — это формирование гражданской позиции учащихся через внедрение профилактического компонента личностной позиции самих подростков. Этот процесс должен быть представлен системой деятельности профилактического взаимодействия, включающей следующие компоненты: мониторинг индивидуальных психологических особенностей личности подростков, составление плана коррекции личности при наличии отклонений или при их отсутствии, определение причин отклонений, изменение характера отношений воспитанников со сверстниками и взрослыми, изменение условий воспитания, вовлечение в социально-проектную деятельность, установление критерия активного и пассивного выбора.

Данное направление деятельности включает следующие виды работ с родителями: индивидуальные консультации для родителей, психолого-педагогическое сопровождение и просвещение родителей с помощью лекториев, тематических родительских собраний, родительских всеобучей, методических семинаров и практико-ориентированных обучающих групповых и индивидуальных тренингов-занятий.

Сотрудничество с преподавателями образовательного учреждения через проведение консилиумов, заседаний методических объединений, научно-практических конференций, семинаров, программ коррекционно-развивающего обучения, бесед, тренингов, диспутов, дебатов, круглых столов, диалоговых игр, кинолекториев, информационно-коммуникационных технологий, мониторингов деятельности.

Для активизации становления профилактического компонента в личностной позиции подростков проводятся следующие мероприятия: рейды «Всеобуч», профилактические акции и операции — «Подросток», «Помоги ребёнку», «Вещи вторую жизнь», Дни инспектора, Дни безопасности, «Спорт — альтернатива вредным привычкам», Дни воинской славы, посещение мест заключения учащимися, состоящими на учёте отделениях УВД г Оренбурга,

месячники — по профилактике правонарушений, оборонно-спортивной и патриотической работы, защиты детей, гражданской обороны, по вахте памяти.

Организуются внеклассные мероприятия по различным направлениям: экологическое, краеведческое, спортивное, гражданско-патриотическое, трудовое: мисс и мистер осени, осенний бал, «Подари дереву жизнь», «Дорожный десант», благоустройство школьного двора «Зелёный десант», «Спаси Урал», Новогодний КВН и утренники, Минута славы, Старттинеиджеры, «Литературные вечера», вечера, посвященные памятным историческим датам г. Оренбурга и всемирным праздникам.

Ведётся работа и с родителями учащихся, которая заключается в ежемесячном ознакомлении с изменениями нормативно-правовых документов, регулируемыми процесс воспитания и обучения, разъяснение им прав и обязанностей, ответственности за воспитание и обучение несовершеннолетних, а также доведение информации о порядке и форме лишения родительских прав совместно с инспектором ОДН и ОУУ и ПДН отдела полиции № 3 УМВД России по г. Оренбургу в рамках организации профилактического взаимодействия.

Все участники профилактического взаимодействия ежемесячно проводят учебные семинары по различным направлениям профилактической работы: «Профилактика отклонений в поведении», «Административная и уголовная ответственность родителей за воспитание несовершеннолетних детей», «Пути преодоления конфликтов и социальных распрей», «Толерантность и агрессивность», «Человеческая бестактность», «Мы живём среди людей», «Антиобщественные группировки и группировки негативной направленности», «Стрессы, пути выхода из стрессовых ситуаций».

Во время работы определяются пути совместного сотрудничества и активного применения разработанных рекомендаций по каждому случаю. В школе осуществляется строгий контроль за посещением учащихся учебных занятий, подготовкой к урокам, вовлечение в активно-общественную деятельность школы, устранение пробелов в знаниях учащихся, учёт несовершеннолетних в микрорайоне школы. Выявление семей группы риска одно из условий профилактического взаимодействия. Это направление в работе необходимо сформировать так, чтобы осуществлялась пропаганда и строгий мониторинг действий учащихся в микрорайоне школы. Это будет способствовать формированию социально-правового образа жизни, а главное для

нашего исследования профилактического компонента в личностной позиции подростка [1, с. 5-9; 2, с. 23-25].

Резюмируя выше сказанное, можно сделать вывод о системе деятельности субъектов профилактического взаимодействия образовательного учреждения. Она должна рассматриваться как интегративный процесс соединения всех сил участников взаимодействия и самих подростков. Сущность деятельности данного органа раскрывается в процессе создания неповторимо оригинального профилактического компонента, отражающего реальность и воплощающего отношение личности к тому или иному процессу, негативно влияющему на её развитие. Целенаправленная профилактическая установка личности на восприятие и оценку мира, и собственного поведения является одним из приоритетных факторов. Социально-педагогический смысл данного феномена заключается в трактовке равнодушного и нравственного обогащенного взгляда личности подростка на собственные проблемы, имеющего твердую социально ориентированную позицию [3].

Список литературы:

1. Активизация социального воспитания школьников: Учебное пособие / под ред. С. В. Сальцева. Оренбург: Принт-Сервис, 2006. 110 с.
2. Дементьева И. Работа с детьми «группы риска» // Воспитание школьников. — М.: Школьная пресса, 2002. № 7. — с. 21-29.
3. Жданова С. Н. Методика и технология социально-педагогической деятельности // Социальный педагог: теоретико-программные основания профессии: учебно-методическое пособие / С.Н. Жданова, М.А. Валева, Ю.Н. Егорова, Л.А. Кочемасова и др. Оренбург: ОГПУ, 2009. — 208 с.
4. Жданова С. Н., Сальцева С. В. Социально-педагогическая теория освоения мира учащимися: генезис и технология реализации / С.Н. Жданова, С.В. Сальцева. — Екатеринбург, 2007. — 162 с.
5. Карпец А.В. Модель межведомственного взаимодействия в области профилактики наркомании в городе Оренбурге. — Оренбург, 2009. — 30 с.
6. Национальная доктрина образования URL:<http://www.dvgu.ru/umu/zakrf/doktrin1.htm>.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Инютина Татьяна Сергеевна

старший преподаватель БелРИПКППС, г. Белгород

E-mail: tess20032003@list.ru

Процессы коммуникации играют важную роль в любой профессиональной деятельности, а в педагогической особенно. В речи человека находит отражение всё: и уровень образованности, и уровень культуры, и его мировоззрение, принципы, убеждения и т. д. Коммуникативная деятельность педагога является одним из главных средств обучения и воспитания.

Профессиональные коммуникации педагогов начального и среднего профессионального образования осуществляются **на трех уровнях**:

- макроуровне,
- мегауровне,
- микроуровне.

Профессиональные коммуникации на **макроуровне** представляют из себя надгрупповую коммуникацию, т. е. с преподавателями вузов г. Белгорода и других городов России, а также Белгородского регионального института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов. Данный тип коммуникации протекает в ходе курсов повышения квалификации, участия в организации и проведении конференций, семинаров и других мероприятий на базе различных учебных заведений (БелРИПКППСС, других университетов г. Белгорода, колледжей, лицеев, школ и т. д.)

Коммуникации педагогов на **мегауровне** являются межгрупповыми коммуникациями, т. е. со школьными учителями. Это, в основном, профориентационная работа с учащимися школ, а также с учителями, выпустившими учащихся, которые обучаются потом в профессиональных учебных заведениях.

Микроуровень включает коммуникации внутри своей группы, а именно: между преподавателями учреждений начального и среднего

профессионального образования, как внутри одного учебного заведения, так и с педагогами других учреждений данной ступени образования.

Успешность осуществления профессиональных коммуникаций на любом уровне зависит от степени владения педагогами речевой культуры, которая является составной частью коммуникативной компетентности. Мы не берем здесь профессиональную коммуникацию, направленную на обучаемого. Это отдельная сфера профессиональной деятельности.

Коммуникативную компетентность определяют, как способность устанавливать и поддерживать необходимые эффективные контакты с другими людьми. В состав компетентности включают некоторую совокупность знаний, умений, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса. Коммуникативная компетентность — это система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном круге ситуаций межличностного воздействия. Коммуникативный акт включает в себя анализ и оценку ситуации, формирование цели и операционального состава действия, реализацию плана или его коррекцию, оценку эффективности [2].

Развитие коммуникативной компетентности взрослых людей, а педагогов в особенности, имеет свои характерные черты, а именно: их обучение следует рассматривать как саморазвитие и самосовершенствование. Т. е., если педагог не проявляет инициативы в своем собственном развитии и совершенствовании, то его уровень коммуникативной компетентности останется на одном уровне, а может быть даже и постепенно начнет снижаться.

Белгородский региональный институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, сотрудницей которого я являюсь, осуществляет дополнительное профессиональное образование педагогов г. Белгорода и Белгородской области. В ходе курсовой подготовки слушатели получают новые знания, актуализируют имеющийся опыт. В процессе осуществления профессиональных коммуникаций в стенах института можно выявить уровень сформированности коммуникативной компетентности слушателей в целом, как представителей педагогической профессии, так и педагогов начального и среднего профессионального образования в частности [1].

Как уже было отмечено, профессиональные коммуникации педагогов этой системы образования осуществляются на трех уровнях: макроуровне, мезоуровне и микроуровне. Развитие коммуникативной компетентности педагогов на каждом из этих уровней зависит только от них самих. Получив определенные знания, достигнув определенного уровня развития и сформированности коммуникативной компетентности,

педагог продолжает свое образование и развитие в течение всей своей профессиональной деятельности. А каким оно будет, зависит от профессиональной позиции педагога, от того, насколько он включен в процессы модернизации нашего общества в целом, и конкретного учебного заведения в частности.

Каждый уровень профессиональных коммуникаций требует от педагога владения большим количеством коммуникативных умений. От этого зависит не только успешность коммуникативного процесса, но и всей его профессиональной деятельности.

Профессиональные коммуникации могут осуществляться как при непосредственном общении, так и посредством сети Интернет. Коммуникации в сети представлены следующими сервисами:

- электронная почта,
- социальные сети,
- сетевые сообщества,
- программы для быстрого обмена сообщениями,
- форумы,
- чаты,
- блоги,
- виртуальные дневники.

Перечисленные сервисы могут быть использованы как в профессиональной деятельности, так и для личного общения.

Несмотря на то, что сетевые коммуникации развиваются с огромной скоростью, их использование в профессиональной педагогической деятельности преподавателей учреждений начального и среднего профессионального образования еще недостаточно распространено. Основным сервисом сети Интернет, который используется педагогами для коммуникаций, является электронная почта, реже профессиональные сетевые сообщества, еще реже телеконференции. Основными причинами сложившейся ситуации можно назвать следующие: недостаточное владение новыми информационными технологиями, а также слабая техническая база большинства учреждений начального и среднего профессионального образования. Пройдя обучение на курсах повышения квалификации, педагоги возвращаются на свои рабочие места, которые недостаточно оснащены современными техническими средствами. Полученные знания часто остаются не актуализированными, т. к. у педагогов не всегда есть возможность применять их на практике. Если преподаватели общеобразовательных дисциплин испытывают большую потребность в использовании новых информационных технологий в своей профессиональной деятельности, а вследствие этого чаще имеют дело с техникой; то для мастеров производственного обучения такой острой

необходимости нет. Например, педагогу дисциплины «Вождение автотранспортных средств» компьютер практически не нужен в работе — для него основным инструментом на занятии является автотранспортное средство. Конечно, использование различных симуляторов и тренажеров на занятиях имеет место быть и может являться достаточно эффективным средством обучения, однако вопросы технической оснащенности учебных заведений начального и среднего профессионального образования остаются открытыми.

Несмотря на проводимые реформы системы образования в целом, данная отрасль образования остается недостаточно охваченной этими процессами. При этом в средствах информации все чаще затрагивается вопрос нехватки квалифицированных кадров рабочих профессий. Prestиж этих профессий сегодня настолько невысок, что количество студентов учреждений начального и среднего профессионального образования с каждым годом становится все меньше, преподаватели задумываются о смене места работы, ведь зарплаты не растут, да и материально-техническая база этих учреждений оставляет желать лучшего.

Следует отметить, что в 2007 году в реализации национального проекта «Образование» был включен вопрос, касающийся учреждений начального и среднего профессионального образования. Стала осуществляться ежегодная государственная поддержка на конкурсной основе подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств в государственных образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы. Однако, это не охватывает всего комплекса проблем, существующих на этом уровне отечественной системы образования. В настоящее время ведутся разговоры об объединении начального и среднего профобразования. Какой будет результат — покажет время.

Список литературы:

1. Ильева И.А. Информационно-коммуникативная культура личности: Учебное пособие / И.А. Ильева, В.Н. Маркова, Т.С. Одинцова. — Губкин: ИП Уваров В.М., 2009. — 221 с.
2. Социальная психология. Словарь / под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 176 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНТАМИ ДОСУГА С ЛЮДЬМИ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ

Белошапка Римма Анатольевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры социально-художественного
образования*

СурГУ, г. Сургут

E-mail: rimmabel@yandex.ru

Базовая компонента подготовки специалистов социально-культурной сферы основывается на ключевом понятии — социально-культурные технологии, к которому можно отнести как управленческие технологии современного менеджмента, так и применение новейших социальных технологий в решении разнообразных задач регулирования социальных процессов. Среди социальных технологий одну из ведущих позиций занимает социальное проектирование, которое активно применяется в вузе на этапе профессиональной подготовки будущего специалиста социокультурной сферы.

Социальное проектирование — вид деятельности, которая имеет непосредственное отношение к развитию социальной сферы, организации эффективной социальной работы, преодолению разнообразных социальных проблем. Специфика технологии социального проектирования определяется тем, что она представляет собой алгоритм действий и может быть применена для решения актуальных задач и проблем. Среди существенных особенностей социального проектирования можно выделить проектирование социальных процессов, явлений, направленных на внесение изменений в социальную среду человека, создание новых продуктов, однозначность выполнения операций и процедур, надежность результатов, безопасность и гибкость внедрения, возможность внесения корректив на каждом из этапов апробации.

Современная социально-экономическая, морально-психологическая и духовная ситуация в России крайне противоречива и многоаспектна. Имеет место нестабильность в экономике, практически не снижается численность людей с доходом ниже прожиточного минимума, усиливается дифференциация населения по доходам, повышается напряженность на рынке труда, задолженность по выплате заработной платы, пенсий и социальных пособий, остро

проявляется тенденции неблагополучия, в образе жизни людей третьего возраста [1, с. 205].

Изменение социального статуса человека в старости, вызванное, прежде всего прекращением или ограничением трудовой деятельности, изменениями ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, возникновением затруднений в социально-бытовой, психологической адаптации к новым условиям, требует необходимость выработки особых подходов, форм и методов социальной работы с пожилыми людьми.

В последнее десятилетие в связи с увеличением продолжительности жизни человека заметно возрос интерес к геронтологическим проблемам. Необходимость сохранения активной жизни в пожилом возрасте — одна из актуальных тем современных научных исследований.

По данным Федеральной службы государственной статистики, на сегодняшний день число пенсионеров в России достигает свыше 36 млн. человек. И с каждым годом количество пенсионеров увеличивается, а общая численность людей, сравнительно, остается неизменной [3]. Старость, как период жизни людей вбирает в себя многие коренные проблемы как биолого-медицинской сферы, так и вопросы социального и личного быта общества и каждой индивидуальности. В этот период перед пожилыми людьми возникает много проблем, так как пожилые люди относятся к категории «маломобильного» населения и являются наименее защищенной, социально уязвимой частью общества. В сравнении со странами Европы в России достаточно низкий уровень жизни пенсионеров. В нашей стране остро обсуждается вопрос нехватки средств для выплаты достойных пенсий. Также тревожит отсутствие зачастую моральных устоев и уважительного отношения к старшему поколению. Все это влияет на неуверенность людей за свое будущее. Уважительное или неуважительное отношение к данной категории людей чувствуется даже в принятом в обществе устойчивом обращении к ним: «люди третьего возраста», «старики», «пенсионеры». К примеру, на Западе их называют «сеньорами».

Решение проблемы социокультурного развития людей третьего возраста в современном социальном контексте необходимо искать в сфере досуга. Это обусловлено тем, что в пожилом возрасте в большинстве случаев изменяется структура жизнедеятельности. Из-за раннего прекращения трудовой деятельности, из нее могут полностью выпасть образовательная и профессионально-трудовая сферы, а бытовая — значительно сокращаться из-за прогресса в медицинском и

бытовом обслуживании. Все это приводит к значительному увеличению объема свободного времени.

Жизнь человека не является полноценной, если не реализуется его право на отдых и предпочтительные формы проведения свободного времени. Досуг играет особо важную роль в жизни людей третьего возраста, особенно, если их участие в профессиональной трудовой деятельности затруднено. В современных экономических условиях пожилые люди занимают в обществе маргинальное социокультурное положение. Ограничение набора социальных ролей и культурных форм активности сужает рамки их образа жизни. Поэтому особое значение придается досугу после ухода на пенсию или в связи с болезнью, когда пожилой человек должен адаптироваться к новым условиям жизни.

Важным направлением гармонизации отношений человека третьего возраста и развития его социальных связей с обществом выступает досуговая активность. Досуговые программы реализуются в разное время — где-то считают рациональным проводить после завтрака, в других — перед ужином. Групповые и массовые формы досуга занимают около 3 часов. Остальное время отводится индивидуальным и мелкогрупповым формам. Оставшаяся часть времени может, посвящена чтению, просмотру телепередач и фильмов, прослушиванию радиопрограмм. Правильно организованный досуг улучшает психическое состояние пожилого человека: поднимает настроение, успокаивает, пробуждает оптимизм, дает ощущение удовлетворенности жизнью.

Исходя из изложенной проблематики в Сургутском государственном педагогическом университете родился проект окружного уровня «Ассамблеи для сеньоров», который нашел свою реализацию в геронтологическом центре г. Сургута. Проект разрабатывался под научным руководством студентами специальности социально-культурная деятельность. Идея проекта заключается в активной поддержке уважительного отношения к людям старшего возраста. На смену общепринятым нормам обращения к людям данной возрастной категории «люди третьего возраста», «старики», «пенсионеры» студенты предложили ввести понятия «сеньор». Слово «сеньор» переводится с латинского языка как «старший», а «пензионер» — происходит от слова «пенсия» и обозначает «выплату». Конечно, «пензионер» имеет место быть, но все же делается акцент на то, что он живет за счет выплат государства, а «сеньор» предает больше уважения, и означает, что это человек опытный, мудрый.

Клубы, в которых будут собираться сеньоры для проведения досуга, предлагается называть «ассамблеи». Понятие «ассамблея» использовалось в культурно-досуговой сфере во времена Петра I. Ассамблеи создавались для элитарных слоев населения, поэтому мы хотим использовать данное понятие и в наше время, но элитарной категорией населения предлагаем считать людей, про которых сегодня говорят «люди третьего возраста».

Задачи и цель проекта содействуют социокультурной реабилитации, созданию комфортных условий для развития творческих способностей сеньоров, внедрению в практику форм культурно-досуговой деятельности. Поэтому в процессе разработки проекта была осуществлена характеристика психологических особенностей людей третьего возраста, определение особенностей форм организации досуга с людьми третьего возраста в геронтологическом центре г. Сургута, и, собственно, разработка проекта «Ассамблеи для сеньоров».

Для того чтобы организовать досуг для сеньоров, необходимо учитывать их психологические особенности. Среди социально-психологических типов старости можно выделить активную, творческую старость, когда человек выходит на заслуженный отдых и, расставшись с профессиональным трудом, продолжает участвовать в общественной жизни; старость с хорошей социальной и психологической приспособленностью, когда энергия пожилого человека направлена на устройство собственной жизни; старость в заботе о здоровье и т. д.

В рамках исследования были выявлены следующие наиболее острые проблемы людей третьего возраста:

- дефицит общения с родственниками, друзьями, младшим поколением;
- страх перед возможными ошибочными решениями, стремление избежать всяких новшеств;
- стремление доказать свое право на уважение даже тогда, когда никто на него не посягает;
- проблема интегрирования людей третьего возраста в социокультурную жизнь;
- страх одиночества.

Проблемная ситуация образа жизни пенсионеров состоит в переплетении нескольких тенденций. Прекращение или ограничение трудовой и общественной деятельности влечет изменение ролевых функций, места в социальной структуре, в социальных институтах, в отношениях и связях с другими группами, особенно с молодежью.

Распад социальных связей приводит к утрате значительной части социально-культурного потенциала для общества. Поэтому, при организации культурно-досуговой деятельности, направленной на реабилитацию пожилых людей, следует учитывать:

- личность самого человека;
- отношения и контакты пожилых людей с окружающей средой и, прежде всего, с семейной средой;
- культурно-досуговые формы и методы, активно влияющие на личность пожилого человека, на его социальную реабилитацию и положение в обществе [2, с. 34].

В Сургуте с 1997 г. функционирует муниципальное учреждение социального обслуживания «Геронтологический центр». С января 2006 года в связи с реорганизацией всех муниципальных учреждений центру был присвоен статус Учреждения социального обслуживания Ханты - Мансийский автономный округ — Югры «Геронтологический центр».

Миссией «Геронтологического центра» является обеспечение социальной безопасности граждан пожилого возраста, являющихся жителями Югры. Процесс формирования социально-культурной активности сеньоров в геронтологическом центре города Сургута обеспечивается системой организации культурно-досуговых мероприятий, направленных на сохранение жизненного тонуса, максимально возможную интеграцию в социум с использованием средств и способов организации социально-культурной деятельности, поддержание толерантных отношений внутри коллектива.

Социальная работа в геронтологических центрах включает в себя:

- проведение социальной диагностики;
- организация занятости проживающих;
- работа по сохранению общественно-полезной активности;
- создание благоприятного микроклимата;
- поддержание семейных связей и контактов;
- организация содержательного досуга.

В данном учреждении проводятся различные развлекательные мероприятия, посвященные какому-либо событию. Но студенты в рамках проекта «Ассамблеи для сеньоров» предприняли попытку в процессе организации досуга реализовать следующие основные функции социально-культурной деятельности: развивающую, просветительскую, культуротворческую, рекреативно-оздоровительную.

Перед социальной службой Геронтологического центра поставлены следующие задачи:

- организация таких условий в центре, которые в максимальной степени сглаживали бы стрессовую ситуацию, связанную со сменой гражданином места жительства, привычной социальной среды, встречей с неизвестным;
- организация процесса адаптации клиентов к условиям проживания в учреждении;
- психологическая реабилитация и организация психологической помощи;
- социальная реабилитация клиентов центра, восстановление социального статуса и реинтеграция клиента в социум;
- организация социокультурной работы с целью вовлечения проживающих в Центре граждан в активную творческую деятельность, выявление и стимулирование наклонностей и талантов, заполнение досуга, облегчение адаптации через культурно-массовые мероприятия, наполнение смыслом жизни клиентов;
- организация процесса трудотерапии с использованием остаточных возможностей клиентов для поднятия уровня собственной значимости, реализации своих возможностей, оздоровление через посильный добровольный труд;
- организация информационной среды для клиентов учреждения.

Вместе с этим, необходимо отметить существующие проблемы организации досуга с людьми третьего возраста:

- ограничение рамок досуга из-за финансовых, транспортных и других проблем;
- степень доступности общественного досуга и отдыха для лиц третьего возраста;
- возрастные ограничения в возможности развивать навыки и способности, необходимые для проведения досуга и отдыха;
- атмосфера социального окружения, способствующая участию человека третьего возраста в проведении досуга и отдыха.

Актуализируя все обозначенные проблемы, в реализации проекта учитывался потенциал социально-культурной деятельности по формированию активности сеньоров через выездные мероприятия и экскурсии; через посещение театров, концертов с целью обеспечения духовной творческой потребности; через общение в клубах по интересам. Очень важно отметить создание условий для социальной востребованности сеньоров посредством фотосессий, выставок, клубов по обмену опытом. Самыми эмоционально возвышенными

мероприятиями оказались «Встречи поколений» — молодежи и сеньоров.

Проведение досуга с пожилыми людьми, позволяет раскрыть их потенциальные возможности, обеспечить им оптимальные условия для отдыха, развлечений, эмоциональной стабилизации личности. Все это и обеспечивает организация ассамблей для сеньоров, которая представляет собой:

- целенаправленное вовлечение сеньоров в общение;
- развитие социальных контактов;
- создание социально-психологического климата в центре;
- оптимизирование жизнедеятельности сеньоров;
- стимулирование интеллектуальной и физической активности сеньоров;
- развитие творческих способностей каждого пожилого человека.

Реализация поставленной цели проекта «Ассамблеи для сеньоров» предполагает последовательное воспроизведение определенных этапов, отражающих основное содержание деятельности по обеспечению принципа системности, последовательности комплекса мероприятий по организации культурно-досуговой деятельности с людьми третьего возраста. Эти этапы проекта называются: диагностический, содержательный, оценочно-коррекционный. Данная последовательность этапов позволила контролировать процесс на всех уровнях исполнения, а также - достижение необходимого ожидаемого результата.

На диагностическом этапе посредством анкетирования, интервьюирования, бесед были выделены основные проблемы организации культурно-досуговой деятельности с людьми третьего возраста в Геронтологическом центре. Было выявлено, что посетители центра ориентированы на такие мотивы, как ощущение необходимости людям, проявление интереса различным видам деятельности, возможность проявить свои способности, необходимость в общении, получение новых знаний, информации, умений и навыков. По результатам этих же опросов нами был сделан следующий вывод: пожилые люди, находящиеся в геронтологическом центре, чувствуют себя комфортно, у сеньоров достаточно свободного времени для реализации своих возможностей и желаний.

На содержательном этапе разрабатывался и утверждался план реализации проекта, описание программы культурно-досуговых мероприятий, определялась характеристика направлений работы среди

которых: художественно-творческое, развлекательное, познавательное, духовно-эстетическое.

Проект «Ассамблеи для señores» рассчитан на 3 года, поэтому программа культурно-досуговых мероприятий составлена с учетом физиологических и психологических особенностей аудитории. Среди основных мероприятий необходимо назвать следующие: клуб искусства фотографии «Яркая вспышка» (фотосессия); клуб по интересам «Развлечения» (танцы, шахматы); концерты «Споём вместе» (народное творчество, военные песни в исполнении совместно со студентами); просмотр старых фильмов «Ретро показ», выставка вязаных изделий «Своими руками», конкурс причесок «Стиль», клуб по обмену кулинарного опыта «Вкуснотень», семейный конкурс «А ну-ка бабушки, а ну-ка дедушки», экскурсии «Золотое кольцо Югры», «Посиделки» на природе, субботний выезд на рыбалку «Поймай рыбку».

Проведение данных культурно-досуговых мероприятий в геронтологическом центре Сургута привнесло разнообразие в жизнь señores, позволило взаимодействовать друг с другом, вспомнить положительные эмоциональные моменты молодости, а также - получить культурное обогащение.

На оценочно-коррекционном этапе будет осуществлено подведение итогов работы, анализ результатов мероприятий, выявление положительных и отрицательных сторон мероприятий, выявление положительных и отрицательных сторон мероприятий, коррекционная работа. Целью этого этапа будет являться оценка результатов реализации программы проекта по организации культурно-досуговой деятельности для людей третьего возраста — señores.

Среди ожидаемых результатов нами выделяются следующие: постоянно поддерживаемый интерес señores к формам культурно-досуговой деятельности; оптимизация жизнедеятельности señores, посредством культурно-досуговых мероприятий; установление творческих контактов между специалистами культуры и señoresами; ускорение процесса социализации señores с молодым поколением; стимулирование интеллектуальной и физической активности; развитие творческих способностей.

Досуг, отдых, рекреация являются важными факторами в жизни любого человека, а для людей, мало занятых в трудовой сфере (пожилых и инвалидов) — тем более. Досуг подразумевает такой род занятий, который дает человеку ощущение удовольствия, приподнятого настроения и радости. Люди собираются вместе для

того, чтобы разделить интересы с друзьями и близкими, удовлетворить запросы, завязать общественные контакты и получить возможность самовыражения или творческой деятельности. В процессе организации досуга реализуются основные функции социально-культурной деятельности, к которым относится развивающая, просветительская, культурно-творческая и рекреативно-оздоровительная функция.

Эффективность досуговой деятельности как целостной системы в значительной мере зависит от таких факторов, как финансовая и материальная база учреждения, модель организации в нем свободного времени, его кадровый, морально-психологический, информационно-методический и социально-демографический ресурсы. Успеху организации досуговой деятельности в геронтологическом центре способствуют поддержка руководства учреждения, активность самих сеньоров, согласованность работы студентов и специалистов.

Для людей, у которых велась активная жизнь, выход на пенсию означает переход на новую ступень. Но, к сожалению, у большинства людей пенсия ассоциируется с одиночеством, болезнями, бедностью. Люди, как правило, насколько возможно задерживаются на рабочем месте, вместо того, чтобы посвятить свободное время отдыху, развлечениям, культурному обогащению, внукам. Поэтому проект «Ассамблеи для сеньоров» является актуальным в сегодняшнее время, в процессе реализации которого, люди возраста сеньор смогут заниматься досуговой деятельностью, а у студентов воспитается чувство уважения к старшему поколению. Мы считаем это необходимым аспектом нравственной и гражданской позиции студенческой молодежи, так как знание проблем людей третьего возраста поможет в дальнейшем их избежать.

Список литературы:

1. Александрова М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии — Л.: 1974. —205 с.
2. Карюхин Э. В. Влияние старения населения на медико-социальные службы // Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты : Сб. трудов / Под ред. А.В. Флинта. — М.: Свято-Дмитриевское училище сестер милосердия, 2008. —33 с.
3. Ковалёва Н. Г. Дифференцированный подход к изучению потребностей и ценностей ориентации пожилых [электронный ресурс] — Режим доступа. — http://mgsu.narod.ru/len_a2/www/gerontol.htm

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Кисиленко Альбина Павловна

*аспирант, Национальный исследовательский университет
«Белгородский государственный университет», г. Белгород*

E-mail: Koketka3@rambler.ru

В современном мире все больше и больше появляется документов, которые функционируют в человеческой жизнедеятельности, закрепляют, сохраняют и дают определенный статус для человека. Так документ, будучи «продуктом» общественного развития, одновременно оказывает определённое влияние на формирование и характер общественных отношений, стимулирует их развитие или, наоборот, дает толчок к регрессу. Поэтому изучение любого документа невозможно вне той социальной среды, в которой этот документ появился и где он функционирует. Любой документ может рассматриваться как своеобразный культурный феномен, в той или иной степени отражающий уровень материальной, научной, технической, языковой культуры, уровень образования, морально-нравственного состояния общества [1, с. 56]. Таким образом, документ может выполнять различные функции, являться культурным феноменом, хранить и передавать от поколения к поколению культурные ценности и традиции.

В настоящее время выделяют огромное множество классификаций документов, их делят по способу фиксации (рукописные, электронные, графические, кино-, фото-, фонодокументы), по степени сложности, по месту составления, по степени гласности (обычные, секретные и для служебного пользования), по юридической силе, по роду деятельности, по форме изложения и т. д. [5, с. 123]. К своеобразным видам документов относятся листовые издания в виде плакатов, афиш, буклетов, репродукций и т. п.

Каждый день человек сталкивается с различными видами рекламных текстов расположенных в печатных изданиях, на телевизионном экране, и наружных сооружениях, таких как баннеры, билборды, плакаты, афиши, скроллеры, которые в той или иной степени относятся к понятию «документ», т. к. имеют определенный набор слов и выражений, что представляет собой текст и несет смысловую нагрузку. Первые «рекламные щиты» появились еще в Древнем Египте, где с их помощью доносили до народа информацию о награде за поимку беглых рабов или о театрализованном представлении [6, с. 78]. В современном виде билборды появились около 100 лет назад в США, так компании размещали рекламные объявления (биллы) на деревянных щитах - отсюда и произошло название, в буквальном переводе «доска объявлений». Следовательно, все виды наружной рекламы несут определенную смысловую нагрузку, имеют свое назначение и рассчитаны на массового потребителя.

На сегодняшний день остается актуальным вопрос о лингвистических особенностях рекламного текста и его восприятия потребителем. Некоторые исследователи рассматривают рекламное объявление как своеобразный акт коммуникации, где имеются участники, способ контакта, код/язык, сообщение информации и реакция на неё. Основными задачами рекламного объявления являются привлечение внимания к рекламному средству, демонстрация преимуществ товара/услуги, популяризация названия, марки, установки, лозунга и т. д. [4, с. 180]. Если сравнить юридический и художественный тексты, то каждый из них при создании имеет свои установленные правила и приемы. К примеру, юридический документ имеет жестко определенную задачу — передать смысл со всеми мельчайшими деталями без каких-либо разночтений, художественный текст, наоборот наполнен красноречивыми выражениями, буйством стилей, он чувствителен и эмоционален.

Следовательно, необходимо рассмотреть экстралингвистические факторы, влияющие на рекламный текст, т. е. оплата за площадь, занимаемую рекламным текстом, конкуренция другой информации, прагматическая направленность рекламного текста, где прагматический аспект проявляется в его своеобразной организации выбора грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, а также использование элементов различных знаковых систем. Так в основе создания рекламных текстов лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность,

емкость информации. Текст рекламы относится к тем видам текстов, которые призваны оказать по возможности более прямое и непосредственное воздействие на аудиторию. Таким образом, реклама как феномен культуры, как культурный текст использует эффективных приемы известных аудитории фрагментов культурных ценностей и традиций с определенной коннотацией, ассоциированных с определенной эмоцией.

Для философии современного общества реклама выполняет своеобразную функцию передачи и распространения норм, правил и традиций современного цивилизованного общества. Реклама и рекламные тексты способствуют внедрению в массовое сознание новых культурных ценностей и традиций, приходящих на смену ценностям, прошедших десятилетия. Внедряя в сознание определенные ценности, реклама тем самым пропагандирует определенный образ жизни. В современной рекламе можно найти, как плюсы, так и минусы, увидеть не точности и погрешности. Качественный продукт, запущенный в СМИ, делает человека более грамотным, рассказывает ему о тех вещах, которые он даже не мог себе представить. Хороша по своему социальная реклама, которая раскрывает проблемы экологии, здоровья, спорта, вредных привычек, и не достойного поведения. Однако мир рекламы наполнен некачественным продуктом, который больше обращается к человеческой психике, нежели к разуму.

Многие исследователи отмечают такой феномен современного рекламного текста, как популярность [2, с. 32]. Известны рекламы, которые хорошо запомнились народу и стали ассоциативны самому товару: «Баунти — райское наслаждение»; «Шок — это по-нашему!»; «Россия - щедрая душа» и т. д. Иногда реклама и рекламные слоганы не продуманы, смешны, доходят до маразма, они не воспринимаются всерьез, к примеру, реклама гробов, «Спецпредложение!!! Покупая у нас 4 гроба, Вы получите 5-й бесплатно!», или «Не уверен, что пронесет?.. Юридическая служба «Ваш адвокат» [3, с. 30]. Реклама продуктов питания порой выглядит абсурдно, не попадающей ни в какие рамки логики и приличия (реклама шашлыка — на рекламном плакате изображена огромная свинья с надписью «Украинский шашлык из натурального украинского барашка» или реклама производства свинины: на плакате изображены спаривающиеся свиньи с надписью «Мы производим свинину»). Ужасающим образом представлена реклама деловой литературы, например, на щите изображена полуголая девушка, которая листает художественный роман, ниже надпись: «Магазин деловой литературы», таким образом,

рекламодатели пытаются привлечь читателей, если же изображения книг без обнаженных женщин и мужчин в настоящее время не привлекают простого читателя.

Огромное значение при создании эффективной рекламы представляет исследование особенностей национальной культуры, психологии, самосознания при размещении рекламы в том или ином регионе. С древних времен и до наших дней благодаря рекламе и саморекламе на планете возникает многочисленное разнообразие национальных культур. Индивидуальность каждой культуры — явление, подробно описанное в рекламе. В настоящее время развитие системных представлений о мире позволяет серьезно рассматривать гипотезу о взаимодействии, взаимовлиянии и системной связи этих изучаемых с разных сторон явлений. Однако до сих пор реклама как феномен культурной жизни народов не находит всеобщего признания и никоим образом не становится предметом глубокого объективного научного анализа.

Реклама разных народностей, стран и этносов различна, для примера можно сравнить рекламные ролики различных стран, усмотрев в них специфику той или иной культуры. Во Франции реклама носит характер театральной, драматургической, т. к. французы относятся не доверчиво к продавцам и рекламным репликам. В США наоборот, реклама носит навязчивый характер, актеры в американских роликах смотрят вам прямо в глаза, а французские рекламодатели «продают» сдержанно и не столь откровенно. В Японии к рекламе иное отношение, она является носителем культурных традиций и ценностей страны, к примеру, постер Seibu, крупного японского универмага, на котором можно увидеть полугодовалого младенца, плывущего под водой, заголовком служат слова «Открывая себя». Немецкая реклама — это воплощенная ответственность за процесс рекламирования, реклама в Германии имеет две характеристики: простота и строгость. На немецкие телеэкраны недавно вышел рекламный ролик компании Mercedes, где мужчина, поздно возвращается домой и с виноватым видом извиняется перед женой, в свое оправдание он придумывает историю о том, что у него сломалась машина. Жена реагирует мгновенно: «Mercedes никогда не ломается» [7, с. 32]. Таким образом, немецкая реклама рациональна, лаконична, излагающая голые факты. В мусульманском мире рекламные объявления — зеркало общества, указывающие на запреты, обусловленные национальными и религиозными особенностями исламских стран. Любая реклама на территории арабских стран,

включая логотип, должна быть в принудительном порядке адаптирована под местные культурные ценности и арабский язык.

Таким образом, реклама неизбежно оказывает влияние на наши взгляды, наше отношение к себе и к окружающему миру. Она составляет самую значительную часть так называемой «массовой культуры», самой популярной и вездесущей. Конечно, массовая культура — феномен очень сложный и неоднозначный. И по-разному интерпретируется.

Список литературы:

1. Блюм М. А. Маркетинг рекламы. М.: ФОРУМ, 2009. 142 с.
2. Барнс Р. Как повысить отклик от рекламы: 95 работающих приемов. М.: Издательский дом Гребенникова, 2008. 167 с.
3. Еремеева Ю. Небанальная реклама // Рекламодатель: теория и практика. 2006. № 3. С. 30-34.
4. Катернюк А. В. Практическая реклама. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 429 с.
5. Ларьков Н. С. Документоведение. М.: КНОРУС, 2003. 276 с.
6. Мудров А. Н. Основы рекламы. М.: Магистр, 2008. 395 с.
7. Типугин И. Стилистические особенности русского бизнеса // Консультант директора. 2007. № 19. С. 31-34.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СИНТЕЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коновалова Елена Анатольевна

соискатель кафедры философии ОмГПУ, г. Омск

E-mail: elenakon26@mail.ru

В основе многих современных концепций, объясняющих глубинные изменения в социальной структуре общества, лежит общепризнанный феномен нарастания значения информации в жизни современного общества, обозначаемый как процесс информатизации. Информатизация — это не столько технологический, сколько социальный процесс, связанный с изменениями в жизни каждого человека и общества в целом.

Информатизация всех сфер жизнедеятельности общества, глобализация экономики и переход к постиндустриальному обществу, приоритетом в котором становятся информация и знания, приводят к изменению и развитию системы образования. При этом значительно возрастает роль человеческого капитала и образования. В современном обществе знания и уровень интеллектуального развития личности становятся стратегическим ресурсом развития экономики, что определяет новый статус образования и предъявляемые к нему новые требования. Основными отличиями информационного общества являются: приоритет знаний и науки, изменение требований и отношения к человеку, развитие информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности, изменение социальной структуры общества, более высокий уровень управления, рациональное использование ресурсов, в том числе и профессиональных. Все это в совокупности обуславливает формирование нового информационного общества. Основное направление развития информационного общества связано с формированием единого информационного пространства, что предполагает сформированность навыков информационного взаимодействия. Доказательность этого вытекает из логики развития информатизации как глобального процесса современности.

В своем непосредственном выражении «информация — это знание, ориентированное на субъект, поэтому потребление информации есть самоопределение субъекта посредством знания, его

актуализация, позволяющая потреблять информацию более сложную и включаться в соответствующую деятельность» [1, с. 80]. Знание в виде информации о себе, о собственной деятельности является исходной предпосылкой информационного взаимодействия, реализуемого в процессе обмена. Информация проявляется в ее производстве, распределении, обмене и потреблении. В процессе обмена информацией она не теряется ни одним из субъектов. Такое взаимодействие называется информационным.

Основные этапы развития информационного общества исследуются в неразрывной взаимосвязи с развитием информационных технологий. Информатизация является следствием развития информационных технологий. Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) стали причиной многих социальных явлений, одним из которых является возросшая в середине XX столетия роль образования.

Единство информационных технологий и науки в системе социальных отношений в современном обществе проявляется на глобальном уровне, создавая предпосылки для формирования единой технико-технологической среды обитания человека. Эта среда выступает средством реализации задач развития общества на различных уровнях его организации.

Развитие науки в тех отраслях, которые связаны с информацией и информационными потоками привело к новой технологической революции, основанной на информации. Возрастание роли информации привело к изменениям в системе образования, что повлекло изменения в науке и производстве. Сегодня главную роль в социально-экономическом прогрессе общества играют знания и человеческий капитал, обладающий высоким творческим и интеллектуальным потенциалом. Важнейшим ресурсом в развитии социально-экономического прогресса становятся образование и наука. При этом развитие сферы образования выдвигается в число первоочередных политических, социальных, экономических и культурных предпосылок.

Изменения, происходящие в мировом сообществе, расширяют рамки социальных систем, порождают различные формы взаимодействия в совместном решении глобальных проблем, выходящих за рамки одного государства. Сотрудничество международных организаций в области информатизации сводится к созданию общих информационных пространств в разных сферах человеческой деятельности и на их интеграцию в глобальное информационное пространство.

Для системы образования на современном этапе информатизации наиболее значимым является оформление единой информационно-образовательной среды как подсистемы глобального информационного пространства, что означает создание условий, способствующих возникновению и развитию процессов информационного взаимодействия на основе ИКТ между субъектами, включенными в эту среду. Включенность субъектов в информационно-образовательную среду предполагает адекватность их взаимодействия, как с самой средой, так и использования средств ИКТ для взаимодействия друг с другом. Интенсивное распространение телекоммуникаций, сети Интернет и других средств, как бы закрепляя реальность взаимодействия в сфере знаний, является характерной особенностью сегодняшнего дня и отражает четко наметившиеся тенденции и потребности формирования больших интеллектуальных пространств, что напрямую связано с развитием образовательного пространства. Для современного этапа развития системы образования в условиях использования средств ИКТ под информационным взаимодействием понимается «процесс передачи — приема информации в любом виде (символы, графика, анимация, аудио- и видеoinформация) при реализации обратной связи, развитых средств ведения интерактивного диалога при обеспечении возможности сбора, обработки, продуцирования, архивирования, транслирования информации» [2, с. 37]. Содержание информационного взаимодействия заключается в том, что в качестве взаимодействующих сторон включены не только субъекты (люди), но и развитые средства ИКТ, обеспечивающие возможность этого взаимодействия.

Благодаря созданию и внедрению новых ИКТ расширяется доступ к образованию, а расширение образовательного использования средств ИКТ облегчает взаимодействие между различными типами образовательных учреждений и является основным толчком развития открытого образования. Важнейшей формой образовательного процесса в системе открытого образования является дистанционное обучение, появившееся благодаря внедрению в образовательные учреждения современных средств электронных коммуникаций. Дистанционное обучение дает возможность получить образование без посещения учебного учреждения благодаря совокупности современных компьютерных и телекоммуникационных технологий, методов и средств. Дистанционное образование — это наиболее быстрый и эффективный путь к повышению интеллектуального потенциала общества и к ускорению процесса перехода к информационному обществу. Дистанционное обучение стало

глобальным явлением образовательной и информационной культуры, изменив облик образования во многих странах мира. Радикальный прорыв в области дистанционного образования произвели (несколько десятилетий назад) персональный компьютер и интернет, а в недавнем прошлом, мобильный интернет и беспроводные локальные сети, развитие нанотехнологий. Обучение с помощью сети, обеспечивающее доступ к библиотекам, ученым и сетям по всему миру, способствует появлению новой образовательной среды и изменяют модель обучения. ИКТ, преодолевая пространство и время, могут обеспечить обучение в любом месте и в любое время, что делает их мощным средством для осуществления изменений в сфере образования. Они позволяют учащимся иметь доступ к самому широкому кругу информации. Вместе с тем, ИКТ меняют и роли преподавателей. Если ранее преподаватель был единственным источником знаний для учащегося, то теперь он лишь направляет обучающегося и помогает им ориентироваться в потоке новой информации. ИКТ являются также важным средством для осуществления доступа к образовательным ресурсам. Примером этому могут служить электронные библиотеки во многих странах мира, также как и библиотеки, созданные на международном уровне.

Интернет, более чем какая-либо другая технология, расширяет возможности информационного взаимодействия. С помощью интернета осуществляются соединения между классными комнатами, городами или даже странами. Многие развивающиеся страны организуют широкий доступ образовательных учреждений к сети интернет с помощью национальных сетей. В России также реализуется ряд масштабных национальных программ внедрения ИКТ в образование. За последние годы было принято немало важнейших решений, направленных на информационное развитие нашей страны. Если обратиться к проектам в сфере образования, то начиная с 2006 г. все школы начали подключать к сети интернет по цифровым каналам. В рамках реализации Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы был введен в эксплуатацию Федеральный центр информационных образовательных ресурсов, основными задачами которого являются: «формирование единого образовательного пространства на всей территории страны, повышение качества образования во всех регионах страны за счет онлайн-доступа педагогов и обучающихся к современным технологиям обучения, научно-методическим материалам и источникам знаний, а также организации эффективной обратной связи между участниками учебного процесса и педагогической наукой,

реализация возможностей получения знаний из сферы, как национального образования, так и мирового образования» [3]. Одной из приоритетных задач также является объединение в единую информационную сеть всех высших учебных заведений и ведущих научных центров для организации обмена результатами научных исследований.

По мере совершенствования ИКТ все большее распространение получают виртуальные университеты, целью которых является расширение доступа к высшему и непрерывному образованию. Виртуальные университеты используют самые новые технологии, имеющиеся как в стране, так и во всем мире, и объединяют в себе информационные и интеллектуальные ресурсы системы образования. Во многих развитых странах успешно функционируют виртуальные университеты. Например, в Британском открытом университете (Open University) используется технология «Стадион», которая позволяет проводить занятия в сети с многотысячной аудиторией. Учащиеся этого университета могут использовать Web для взаимодействия с библиотеками, администрацией, музеями и общения друг с другом. В нашей стране существует проект создания Российского открытого университета, в который уже вошли 80 вузов страны.

Хотя век сетей еще не добрался до многих образовательных учреждений, более традиционные технологии, такие как радио и телевидение, используются для повышения качества образования чаще всего в сельских местностях и районах с низким уровнем дохода населения, особенность которых низкая успеваемость учащихся и слабая подготовка учителей. Такой способ обучения не характерен для нашей страны и зачастую предназначен для отдаленных и малообеспеченных школ Африки. В данном случае радио является подходящим носителем информации и одной из сторон информационного взаимодействия в процессе дистанционного образования.

Относительно новыми технологиями, применяющимися для передачи информации, являются мультимедиа и электронный учебник. Согласно наиболее распространенного определения мультимедиа представляет собой компьютерные средства создания, хранения, обработки и воспроизведения в оцифрованном виде информации разных типов. Эта технология является плодотворной и полезной для образования благодаря качествам интерактивности и возможности учитывать индивидуальные особенности учащихся и повышать мотивации в обучении. Что касается электронного учебника, то он помогает учащимся легко понять и запомнить понятия, утверждения и т. п. с помощью компьютерного объяснения.

Вместе с тем, стремительное развитие ИКТ и появление информационного взаимодействия вызывает необходимость организации дополнительной подготовки педагогов. Современный преподаватель должен владеть новыми технологиями, обеспечить помощь учащемуся ориентироваться в информационных потоках и иметь необходимую квалификацию. Для совершенствования методов подготовки преподавателей в обществе, основанном на информации, используются самые разные технологии: видеокурсы для молодых учителей, сетевые конференции между коллегами-педагогами из разных стран, печатные материалы, радио, телевидение и т.д. Повышение компьютерной грамотности преподавателей возможно благодаря дистанционному образованию на основе современных ИКТ. На международном уровне эти задачи на себя берет ЮНЕСКО, которая особо подчеркивает вклад ИКТ в создание сетей для связи преподавателей с педагогическими учреждениями. С целью повышения квалификации учителей без отрыва от рабочего места ЮНЕСКО стимулирует государства использовать методы дистанционного образования, включая новые технологии, такие как теле- и радиовещание через спутник, компьютерные сети, мультимедийные системы и другие, а также создает онлайн-сети для обмена инновационными методиками и обучающими программами. Так на официальном портале ЮНЕСКО можно найти готовые уроки, компьютерные приложения для преподавания конкретных предметов, материалы для составления учебных планов, обменяться опытом работы с коллегами по всему миру.

Итак, глобальное внедрение компьютерных технологий и формирование единой информационной среды стали началом преобразования системы образования и фактором формирования информационного общества, для успешного функционирования в котором необходимо уметь ориентироваться в потоке информации. В современной системе образования развитие информационных взаимодействий осуществляется на основе ИКТ. Несколько десятилетий назад это были компьютер, телевидение и радио сейчас к ним добавились более современные мультимедиа, интерактивные доски, электронные учебники и Интернет. Новейшие ИКТ, такие как оптоволоконные коммуникации, с большой пропускной способностью, спутниковые коммуникации и сеть Интернет, приводят к революции в образовании. Они предоставляют более гибкие возможности для информационных взаимодействий образования с теми географическими регионами и обучающимися, которые были лишены такой возможности. Эти технологии расширяют доступ к информации,

тем самым оказывая помощь преподавателям и учащимся. Однако каждое новое достижение еще больше выявляет пропасть между теми, кто находится на периферии информационного общества и теми, кто имеет доступ к технологиям. Отсутствие инфраструктуры является огромной проблемой для использования ИКТ в образовании. Технология — это не роскошь, а инструмент, необходимый для осуществления информационного взаимодействия, и задача каждого государства использовать этот инструмент для повышения качества образования и обеспечения равных возможностей доступа к образовательным ресурсам для всех категорий граждан.

Список литературы:

1. Левицкий Ю. В. Интеграция образования, науки и производства в информационном обществе / Ю. В. Левицкий. Новосибирск: Наука, 2002. 164 с.
2. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования / И.В. Роберт. М.: Школа-Пресс, 1994. 205 с.
3. Основные направления развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в сфере образования и науки до 2015 года. [Электронный ресурс] URL: [http:// mon.gov.ru/press/news/5501/](http://mon.gov.ru/press/news/5501/) (дата обращения 14.10.11)

ЭКОЛОГИЯ И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Дильмухаметов Артур Маратович

*аспирант, факультет философии и социологии, Башкирский
Государственный Университет, г. Уфа
E-mail: appa_89@mail.ru*

Одна из серьезных ошибок современного общества по отношению к Природе заключается в том, что на протяжении второй половины XX века мораль, ответственность, нравственность человека оказалась в наиболее критическом положении. В третье тысячелетие человечество вошло с большим грузом экологических проблем, от решения которых зависит существование жизни и цивилизации на Земле. Мирровая общественность вынуждена признать, что современная научно-техническая революция, позволяющая невероятно

быстрыми темпами развивать производительные силы, в то же время приводит к неотвратимому разрушению естественной среды обитания человека [1, 2]. Экологический кризис, рассматриваемый в настоящее время как кризис цивилизации, является одной из центральных тем научных исследований. Формирование новой модели стабильного, устойчивого развития мирового сообщества нуждается в философском осмыслении разнообразных фактов, характеризующих процесс взаимодействия человека с окружающим миром [4, 10].

Ресурсоемкость всех сторон жизнедеятельности человека с каждым годом увеличивается. Жизненные процессы, которые в предыдущие эпохи обеспечивались за счет психофизиологических резервов организма с минимальным использованием природных ресурсов, все больше приобретают искусственный характер, не требующий от индивидуума больших затрат, однако ведущий к значительно большому использованию природных ресурсов. Питание, сопротивление неблагоприятным природно-климатическим факторам, реализация репродуктивной функции современного человека нуждаются в технике и технологиях, на которые затрачивается огромное количество энергии. При этом потребляются значительные объемы чистой воды и атмосферного воздуха, образуются загрязняющие вещества. Все это делает здоровье человека зависимым от техногенного и гуманитарного уровня развития общества [16, 17].

Известно, что процесс изменения популяционного здоровья отражает историю развития человеческого общества. В различные исторические периоды общественного развития изменялись и показатели, характеризующие популяционное здоровье. В начале XIX в. средняя продолжительность жизни людей в странах Европы не превышала 35 лет, а уровень младенческой смертности достигал 50%. В настоящее время в странах с постиндустриальной экономикой и социальными приоритетами в развитии общества средняя продолжительность жизни населения составляет 73 года, а уровень младенческой смертности не превышает 8%. Индустриализация формирует более современный тип здоровья, характеризующийся снижением смертности и рождаемости, уменьшением детской смертности и одновременно ростом так называемых болезней цивилизации [7, 8, 13, 14].

В исследованиях последних десятилетий довольно полно отражено негативное влияние техногенного загрязнения природной среды на здоровье человека, что ведет к регрессу общественного здоровья. В то же время рассматривать изменение экологии человека только с этих позиций было бы ошибкой. Модифицированной

оказалась вся последовательность средового воздействия в процессе индивидуального развития человека, формирующая и развивающая психофизиологические возможности организма и в итоге — его здоровье. Так, использование электрического света значительно трансформировало последовательность светового воздействия на организм человека в течение суток. Внедрение различных механизмов в жизнедеятельность человека практически полностью изменило характер его двигательной активности. При этом не только уменьшился объем движений, но и поменялись алгоритм, содержание и последовательность физических нагрузок, формировавших опорно-двигательную систему в процессе индивидуального развития человека, что способствует распространению заболеваний этой системы. Только за счет преобладания в режиме ребенка форм досуга, не требующих двигательной активности, необходимой для развития организма в этом возрасте, распространённость патологии опорно-двигательной системы увеличивается на 34% [3, 8, 17].

Необходимо отметить, что широкое распространение патологических состояний в количестве, приближающемся к видовой норме, постоянно увеличивает популяцию людей, которые нуждаются в коррекции своих психофизиологических возможностей за счет социальных механизмов адаптации. В то же время в человеческой экосистеме социальные механизмы сохранения и поддержания здоровья определяются условиями жизнедеятельности населения и уровнем медико-профилактической помощи. Последний зависит от уровня общественного развития, экономики, культуры и производных этих характеристик — условий жизнедеятельности и социальной политики [1, 6].

Несмотря на то, что в человеческом обществе преобладает действие социальных законов и оно может создавать и поддерживать определенные типы экосистем в соответствии со своими потребностями, биологические свойства организма человека определяются базовыми законами функционирования систем. Неблагоприятное влияние экологических условий на организм, с одной стороны, вызывает крайнее напряжение механизмов адаптации, а с другой — способствует развитию процессов дезадаптации, которые могут проявляться теми или иными формами ослабления резистентности организма, вести к развитию болезней, заканчивающихся преждевременной инвалидизацией [9, 12, 15].

Несмотря на развитие медицинской науки и техники, разработку новых лекарственных препаратов и методов лечения, формируется стойкая тенденция к ухудшению механизмов адаптации современного

человека. Во всем мире растет число генетически обусловленных заболеваний, врожденных патологий, все больше людей нуждаются в различных видах протезирования, увеличивается потребность в заместительной терапии. То есть современное человечество непозволительно мало внимания уделяет изучению и сохранению биологических основ организма человека, а также сохранению той среды, которая сформировала его как биологический вид. Такое невнимание может привести к потере биологических механизмов эволюции вида и к замене их искусственными, использование которых для каждого отдельного индивидуума жестко детерминировано [11, 13].

В настоящее время развитие медицинской науки и практики идет по пути замещения природных функций организма высокими медицинскими и фармацевтическими технологиями. Яркий пример — заместительная терапия, широко применяемая в медицинской практике. С точки зрения развития новых знаний, это прогресс. В то же время с позиций общественных усилий и природных ресурсов, затраченных на сохранение и восстановление здоровья, это регресс. Получается замкнутый круг: чем выше уровень развития технологий, тем больше потребляется природных ресурсов, загрязняется окружающая среда, и большее количество людей нуждается в высокотехнологичной лечебной и профилактической помощи, что требует наращивания мощности по производству средств, искусственно поддерживающих здоровье людей. Постепенно социальные механизмы сохранения здоровья могут полностью заменить природные возможности организма, и наряду с нехваткой продуктов питания, которыми в настоящее время обеспечено только 50% населения Земли, будет ощущаться нехватка лекарств и медицинского оборудования, необходимых для сохранения и поддержания здоровья [2, 5, 13].

Прогрессу и национальной безопасности будет способствовать постепенное перемещение основных сфер деятельности производственной сферы в область новых технологий, науки и образования. Именно поэтому экономически преуспевающие страны считают развитие национальных систем образования стратегическим направлением, обеспечивающим устойчивое и безопасное развитие и благополучие нации. Развитие современной цивилизации, дальнейшая интеллектуализация человечества будут зависеть от культуры, воспитания и уровня образованности всех членов общества, от понимания неразрывного единства человека, природы и общества [18].

Нарушение законов природы всегда наказуемо. Человек, родившийся на Земле, не знает других способов существования, кроме

как потреблять ресурсы окружающей его природы. И каждый человек имеет право на свою часть этих ресурсов. Сегодня необходимо сохранить для нас, что принадлежит нам по праву, — ту часть экологии, которая является экологией человека. В противном случае мировое сообщество потеряет самое главное — свое будущее и возможность устойчивого развития.

Список литературы:

1. Алексеев С. В., Янушанец О. И. // Вестник РАМН. — 2002. — № 9. — С. 3–6.
2. Арский Ю. М., Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч. и др. // Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? — М.: МНЭПУ, 1997. — С. 17–20.
3. Баранов А. А. // Проблемы туберкулеза. — 2001. — № 1. — С. 3–9.
4. Варапутин А. В. // Вопросы философии. — 1996. — № 8. — С. 137–139.
5. Величковский Б. Т. // Вестник РАМН. — 2003. — № 3. — С. 3–8.
6. Волков А. И., Шабунина Е. И., Назарова Е. В. // Рос. мед. журнал. — 2005. — № 6. — С. 3–5.
7. Воронцов И. М. // Рос. педиатр. журнал. — 1999. — № 2. — С. 6–13.
8. Гресь Н. А., Аринчин А. Н. // Мед. знания. — 2001. — № 5. — С. 9–10.
9. Гришин И. А., Резник М. И. // Медицина катастроф. — 2000. — № 3. — С. 47–51.
10. Крыжановский Г. Н. // Патол. физиология и эксперим. терапия. — 2002. — № 3. — С. 2–19.
11. Ленская Р. В., Зубрихина Г. Н., Чернов В. М. и др. // Гематология и трансфузиология. — 1999. — Т. 44, № 2. — С. 34–37.
12. Магарилл Е. // Рос. мед. журнал. — 2005. — № 5. — С. 38–40.
13. Малов Ю. С. // Клин. медицина. — 2001. — № 12. — С. 61–63.
14. Черешнев В. А., Кеворков Н. Н., Бахметьев Б. А. и др. // Иммунология. — 2001. — № 3. — С. 12–16.
15. Шафеев М. Ш. // Казанский мед. журнал. — 2000. — Т. 81, № 5. — С. 436–440.
16. Щеплягина Л. А. // Рос. педиатр. журнал. — 2002. — № 2. — С. 4–6.

КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Кузнецов Владимир Юрьевич

*доктор философских наук, профессор, доцент кафедры философии
МарГТУ, г. Йошкар-Ола
E-mail: wladimirkuz21@mail.ru*

Оленкин Юрий Владимирович

*кандидат философских наук, доцент кафедры физической культуры
и спорта ЧГУ, г. Чебоксары
E-mail: olenkin69@ramler.ru*

Здоровье является многоаспектным, многоуровневым, интегральным понятием, сущностными характеристиками которого являются физическое, психическое, духовное и ментальное благополучие человека. К главным психофизиологическим и социально-психологическим факторам здоровья часто относят биологическую надежность организма; надежность личности, показателем которой является постоянство активных отношений и способность к реализации поставленных целей; здоровое поведение, сущность которого заключается в активном созидательном отношении к своему здоровью.

Интерес ученых к культуре здоровья человека в современном обществе вызван теми происходящими изменениями, которые происходят в социальной и образовательной сферах, связанных с полноценным использованием социальных институтов в обеспечении здоровья, качества жизни и воспитания полноценной личности. Изучая критерии и показатели культуры здоровья личности, О. А. Ахвердова, В. А. Магин [1], сделали вывод, что культура здоровья представляет собой интегративное личностное образование, состоящее из когнитивно-мотивационного, эмоционального и конативно-волевого компонентов, которые в свою очередь, отражают объем знаний, коммуникативную толерантность, эмоциональную устойчивость, активность и волевые качества, являющиеся неотъемлемой частью образа жизни личности в его индивидуальной культуре.

Однако, несмотря на понимание значимости ценности культуры здоровья общество не торопится осуществлять соответствующие действия, направленные на развитие того, что можно было бы обозначить как здоровьеобеспечивающих социальных и индивидуальных практик, направленных на формирование, поддержание, укрепление здоровья.

На отношение к здоровью оказывают влияние не только материально-технические и экономические показатели, развитие инфраструктуры медицинской отрасли. Но так же и то, какое место ценность здоровья занимает на аксиологической (ценностной) шкале общества, группы, отдельной личности, сложившиеся культурные традиции, стереотипы, модели поведения, связанные с вопросами здоровья, а также идеалы, нормы образа жизни, которые задаются соответствующей идеологией общества.

Позитивно-ценностное или негативно-незаинтересованное отношение к проблемам здоровья, тесно связаны с широким мировоззренческим, социально-культурным контекстом, с культурными традициями, отражающими этническую, гендерную, возрастную, конфессиональную, социально-территориальную принадлежность субъекта.

Культура здоровья как полноправная, социально-значимая составляющая культуры общества и личности, как один из жизнеобеспечивающих компонентов существования человека культурного, по мнению И. М. Быховской, может быть определена как совокупность знаний, ценностей, норм, идеалов, установок, связанных с представлениями о здоровье как ценности, выполняющих регулятивно-ориентирующие функции в отношении тех видов деятельности, которые обеспечивают формирование, поддержание и укрепление здоровья. Результаты этой деятельности, включая и последствия деятельности непосредственного характера (объективное состояние здоровья), и опосредованного, символического толка — здоровый или нездоровый [2].

Под культурой здоровья человека, В.Н. Ирхин понимает сложноструктурное образование личности, характеризующееся определенным уровнем валеологической образованности и развития личности, овладением опытом человечества по сохранению и укреплению своего здоровья, принятием и повседневным ведением здорового образа жизни [3].

О. Л. Трещева рассматривает культуру здоровья личности как важнейшую составляющую общей составляющей культуры — одну из основных форм освоения человеком внешней и внутренней природы, способ создания гармонии своего существования в самом широком смысле [5].

В своем определении культуры здоровья авторы характеризуют ее как целостную практико ориентированную систему валеологических знаний и умений физического и психического саморазвития, совокупность норм и ценностей, обеспечивающих представление о роли и месте культуры здоровья в системе общественных отношений.

Аналитический взгляд на проблему здоровья как социокультурный феномен, позволяет выделить следующие проблемные блоки:

- объективные воздействия на состояние здоровья человека, включая экологические факторы; особенности образа жизни, связанные преимущественно с социально-экономическим укладом изучаемых социальных групп;
- образы, модели, нормативные представления о здоровье/нездоровье человека — как в структуре обыденных представлений, массового сознания, так и специализированного знания, характерного для изучаемого социокультурного среза;
- особенности сложившихся в обществе подходов к формированию валеологического сознания и поведения человека;
- деятельно-практическое отношение к характеристикам здоровья как актуализация содержания, смысла, направленности валеологических представлений и ориентаций, их объективизация: контроль, ограничения, «дисциплинирование» (М. Фуко) тела человека в социальной практике; инструментальное и экспрессивное использование двигательных характеристик человека; целенаправленное формирование показателей здоровья, двигательных навыков на основе принятых ценностей, норм, идеалов, образцов.

Культура здоровья включает в себя потребность и способность индивида к максимальной самореализации в качестве социально и индивидуально-значимого субъекта на основе использования средств, отпущенных природой (телесно-двигательных характеристик) и преобразованных в соответствии с этими целями и принципами культуросообразности, в пределах их нормального функционирования.

Предметным основанием культуры здоровья и спорта как социальных механизмов служит культура двигательной деятельности Л.И. Лубышева [4]. Обычно под культурой понимают все, что создано человечеством, как совокупность условий, способов и результатов формирования, развития и сохранения потребностей и свойств «человека общественного». Как общественная система культура разворачивается в трех формах своего существования: культура условий жизни, культура деятельности и культура личности. Круговорот форм культуры свойственен и для феноменов культуры здоровья. Условия жизнедеятельности обеспечивают развертывание процессов формирования культуры двигательной деятельности, которая развивает процесс формирования физической и спортивной культуры личности.

Социальная значимость культуры здоровья состоит в той огромной роли, которую она играет в развитии, сохранении и поддержании телесного, психического, нравственного и духовного здоровья человека. Как справедливо отмечают многие ученые в современной критической ситуации, в сложившейся социальной сфере, культура здоровья должна стать важнейшим фактором способным помочь людям противостоять сложным условиям жизни.

Значимость ценностного потенциала культуры здоровья не исчерпывается отмеченными характеристиками. В ходе развития общества культура здоровья наряду с другими социальными явлениями непрерывно расширяют границы своего влияния на жизнь людей.

Физическое и духовное совершенствование личности, полнокровная и активная человеческая жизнь, здоровье, здоровый образ жизни, дух соперничества, уважения и сопереживания — вот те человеческие ценности, которые заложены в основе культуры здоровья.

Специалистам, работающим в области физической культуры, необходимо в первую очередь самим осознать все богатство этих социальных явлений, и в последующем вносить в общественное сознание философское, а не утилитарное понимание, которое на сегодняшний день еще господствует в современном обществе. И только таким путем действительно можно поднять авторитет и престиж занятий физической культурой, добиться подлинной массовости физкультурного движения в нашем обществе.

Основная задача духовного воспитания заключается в том, чтобы дать человеку правильное представление о наивысшем в данных конкретно-исторических условиях уровне сознания, выработать у него устойчивую потребность в соответствии с этим представлением. Необходимо отметить, что сегодня многие, занимаясь физическим и духовным воспитанием, не только понимают необходимость сознательного применения различных видов укрепления физического и психического здоровья, но и в той или иной мере используют их. Однако далеко не все понимают важную роль регулярных занятий при овладении духовными ценностями ради духовного совершенствования и самосовершенствования. Поэтому, телесное совершенствование и здоровье, с одной стороны, и формирование духовного здоровья — с другой, не только должны исключать, но и дополнять друг друга.

Таким образом, проблему формирования культуры здоровья можно плодотворно решать только на основе идеи единства и взаимообусловленности социального и биологического, духовного и телесного начал. Телесная культура в отличие от других сфер

культуры соединяет эти компоненты в человеке в единое целое и является сферой их гармонизации, областью ценностно-ориентированного разрешения постоянно воспроизводимых противоречий между ними.

Еще с древности нам известна истина: «Здоровый дух в здоровом теле», в которой подчеркивается именно таким порядком слов приоритетность здоровья духовного, которому сопутствует и здоровье физическое; другими словами — если человек культурен в широком смысле этого понятия, духовен, то и за своим физическим здоровьем он не сможет не следить. Но в практику нашего современного сознания эта древняя мудрость пришла в искаженном, перевернутом виде, что и сказалось на некоторых концептуальных просчетах. В современности она звучит, как «в здоровом теле — здоровый дух», а значит, телесное как бы ставится, выпячивается на первый план, являясь гарантом того, что телесное здоровье может служить залогом духовного здоровья, что, как мы тому имеем множество свидетельств совсем не так.

В заключении отметим, что для современного этапа развития общества характерно возрастание роли духовных ценностей в обеспечении полноценного физического развития и здоровья человека, освещение их «функции» как посредников восхождения человека из ниже — в выше организованные макросферы своего бытия; а также их атрибута как необходимого условия достижения человеком самореализации своего духовного потенциала. В современном обществе цель духовного воспитания должна состоять в том, чтобы дать человеку верное представление о наивысшем в данных конкретно-исторических условиях типе сознания, выработать у него устойчивую потребность в соответствии с этим представлением. Формирование культуры здоровья можно плодотворно решать только на основе идеи диалектического единства и взаимообусловленности социального и биологического, духовного и телесного начал.

Список литературы:

1. Ахвердова О. А., Магин В. А. К исследованию феномена «культура здоровья» в области профессионального физкультурного образования. // Теория и практика физической культуры. 2002, № 9. С. 5-7.
2. Быховская И. М. Образование и культура здоровья // Дети России образованы и здоровы Материалы III Всероссийской научно-практической конференции г. Москва, 28-29 октября 2005 г. М.: 2005. С. 28-32.
3. Ирхин В. Н. Теоретические основы построения школы здоровья в контексте гуманистической парадигмы образования и воспитания // Проблемы образования и воспитания в контексте гуманистической

парадигмы педагогики (конец XIX в. — 90-е гг. XX в.): Монография: В 2-х т. // Под ред. З. И. Равкина. М., 2000. С. 139 — 172.

4. Лубышева Л. И. Физическая и спортивная культура: теоретический взгляд и технологические решения // Дети России образованы и здоровы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции г. Москва, 28-29 октября 2005 г. М.: 2005. С. 38-42.
5. Трещева О. Л. К вопросу системного обоснования индивидуального здоровья и его компонентов // Здоровье и образование: Матер. Международного конгресса валеологов. СПб, 1999. С. 176-177.

НАУКА И ТЕХНИКА КАК ВАЖНЕЙШИЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рубенкова Лидия Николаевна

аспиранта НИУ Белгородский Государственный Университет,

г. Белгород

E-mail: Rybenkova@yandex.ru

Культура современного общества как сфера воплощения идей его индивидов в материальных и духовных ценностях претерпевает значительные изменения. Процессы модернизации и глобализации постепенно ведут к нивелированию национальных, государственных, индивидуально-личностных ценностей и провозглашению единых общемировых идей и моральных принципов в системе человек—общество.

Культ науки и превращение технологии в одну из главных ценностей XX столетия позволяет говорить о закономерности утверждения сциентистского мировоззрения. Сциентизм (от лат. scientia — знание, наука) рассматривает науку как некий комплексный культурно-мировоззренческий образец [6], предписывая ориентироваться на методы естественных и технических наук, распространяя критерии научности на все виды человеческих взаимоотношений с миром, на все типы знания и человеческое общение, абсолютизируя роль науки.

Возникающий одновременно с ним антисциентизм провозглашает противоположные установки, исходя из негативных последствий научных экспериментов, и требуя ограничения экспансии науки. Так, во взглядах Герберта Маркузе — яркого представителя

антисциентизма, выраженных в концепции «одномерного человека», подчеркивается, что подавление индивидуальности сводит многообразие всех проявлений человека к технократическому параметру. Маркузе доказывает, что технология не может быть отделена от ее использования, а «технологическое общество является системой господства», поскольку последнее определяется самой структурой техники [3, С. 14]. Сферы общества сливаются в одну общую систему, в которой нет места каким-либо альтернативам, а присущие этой системе возможности производства сохраняют социум в стадии стагнации и удерживают технический прогресс в рамках господства.

Все происходящее в рамках технического и технологического процесса непосредственно влияет на судьбы общества, меняет его приоритеты и социальную природу. Наука с самого начала своего существования пыталась дать ясный ответ на вопрос, какова сущность мира, независимо от наложенных на него напластований культурно-знаковых систем, идеологии, культурных ограничений, от самого субъекта познания. Поскольку цель науки — это получение универсального автономного знания, существующего благодаря возможностям человека, но в относительной свободе от влияния человека.

«Современный ученый — это продукт многовековой традиции, берущей начало от абстрактного римского права, схоластических дискуссий в средневековых монастырях, от христианского протестантизма, от опытов в алхимических лабораториях и т. п. В определенном смысле в нашу эпоху наука производит всех нас, в том смысле, что все мы верим в то, что наука — последняя инстанция на пути к истине» [2, С. 303].

Если развернуть дискуссию о месте и роли науки в современном обществе, мы придем к противоречивым мнениям. «Наука одновременно и божественное и дьявольское оружие, доставшееся в руки человеку, наука и созданная ею техника стали глобальной силой, сравнимой с силами природы, а потому проблемы этики научных исследований, нравственной ответственности ученого стоят ныне так остро, как никогда ранее» [2, С. 304].

Современные исследования настолько перевернули представление о мире, о Вселенной в сознании человека, изменили наше отношение к миру, что мы рассматриваем окружающую нас природу и мир в целом только как наличное постоянство с некой совокупностью предметов. Результат этой установки — выявление некоего материального костяка, на котором держатся и природа, и

каждая вещь в отдельности. Этот костяк есть образ открытия природы. Открывая природу как взаимосвязь материальных первофактов, человек стремится не познавать, а покорять ее. Преобладание такой предметно-технической установки приводит человека ко все большему отчуждению от бытийственного смысла мира, от того, что не улавливается предметным представлением и, тем не менее, является определяющим в человеке, истории, языке, природе. В естественных науках это постепенно осознается как кризис собственных оснований, в истории проявляется через возникновение теорий о конце истории, о закате цивилизации и др., в человеке — как возрастание отчуждения и потерянности, ожидание опасности» [2, С. 304].

В «планетарном империализме технически организованного человека» человеческий субъективизм достигает, по Хайдеггеру, высшего развития, которое рано или поздно может закончиться полным техническим господством человека над землей [8].

Герберт Маркузе, напротив, призывает относиться к природе не как к объекту возможного технического распоряжения, а как к партнеру возможной интеракции. Таким образом, вместо переработки человечество могло бы вступить с природой в коммуникацию. Но лишь коммуникация без принуждения и признание в другом себя, признание природы как субъекта поможет человечеству увидеть природу не как Иное по отношению к себе, но себя как Иное этого субъекта [7, С. 61].

Итак, человек открывает природу как взаимосвязь материальных первофактов (условно говоря, совокупности предметов), вследствие чего он уже не стремится жить с ней в гармонии, а стремится к покорению, к присвоению себе права начинать историю и создавать историю. Однако вскоре человеческий гений сталкивается с интереснейшим следствием усиления своей мощи: сам активный субъект превращается лишь в придаток техники. Это происходит, как мы выяснили выше, из-за упрощения процесса познания и объяснения мира. Человек больше не находит ответов на свои вопросы в философии или религии, не стремится выразить себя в искусстве (т. к. оно недолговечно и ценность его относительна).

Вследствие чего происходят такие изменения в мировоззрении и идеологических установках в меняющемся обществе?

По мнению известного немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, традиционные картины мира утрачивают свою силу и значимость в качестве мифа, официальной религии, ритуала, в качестве оправданной метафизики и бесспорной традиции. Вместо этого они преобразуются в субъективную веру и этику, которые

обеспечивают частную обязательность современных ценностных ориентаций («протестантская этика»), а также перерабатываются в конструкции, позволяющие добиваться одновременно двух целей: критиковать традицию и реорганизовывать освободившийся материал этой традиции в соответствии с принципами формального права и эквивалентного обмена (рациональное естественное право). Ставшие хрупкими легитимации заменяются новыми, которые, с одной стороны, возникают из критики догматики традиционных интерпретаций мира и претендуют на научный характер, но, с другой стороны, сохраняют функции легитимации и тем самым выводят фактические отношения насилия за рамки, как анализа, так и общественного сознания. Лишь таким способом, по мнению Ю. Хабермаса, возникают идеологии в строгом смысле этого слова [7]. Они заменяют традиционные легитимации господства, выступая с притязаниями современной науки, и получают свое оправдание из критики идеологии. Таким образом, изначально идеологии равнозначны с критикой идеологии.

В этой связи наука приобретает специфическую функцию: она производит знание, по своей форме являющееся технически применимым знанием, однако в целом, возможности технического применения этого знания проявляются лишь впоследствии. «Никакой взаимозависимости науки и техники до конца XIX века не существовало. До этого периода наука Нового времени не вносила ускорение в техническое развитие» [7, С. 79].

Совершенствование техники — системы искусственных органов деятельности общества, развивающейся посредством исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта и знаний путем познания и использования сил и закономерностей природы [4, С. 712] — радикально меняет повседневную жизнь человека в окружающей его среде. Техника насильственно переместила трудовой процесс и общество в иную сферу, в сферу массового производства, превратила все существование в действие некоего технического механизма, всю планету — в единую фабрику. Тем самым произошел — и происходит сейчас — полный отрыв человека от его почвы. Человек становится жителем земли без родины, теряет последовательность традиции. Дух сводится к способности обучаться и выполнять полезные функции.

Эта эпоха преобразований носит разрушительный характер. Сегодня мы живем, как полагал К. Ясперс, ощущая невозможность найти нужную нам форму жизни [9, С. 116]. Мир предлагает теперь не много истинного и прочного, на что отдельный человек мог бы

опереться в своем самосознании. Поэтому человек либо живет в состоянии глубокой неудовлетворенности собой, либо отказывается от самого себя, чтобы превратиться в функционирующую деталь машины, не размышляя, предаться своему витальному существованию, теряя свою индивидуальность, перспективу прошлого и будущего, и ограничиться узкой полоской настоящего, чтобы, изменяя себе, стать легко заменяемым и пригодным для любой поставленной перед ним цели, пребывать в плену раз и навсегда данных, непроверенных, неподвижных, недиалектических, легко сменяющих друг друга иллюзорных достоверностей. Тот же, кто таит в себе неудовлетворенность, проявляющуюся в вечном беспокойстве, постоянно ощущает внутренний разлад. Он вынужден всегда носить маску, менять эту маску в зависимости от ситуации и от людей, с которыми он общается, и тогда он перестает постигать самого себя.

«Если человек лишен почвы, отзвука своего подлинного бытия, если он не пользуется больше уважением — ведь маски и оболочки не вызывают уважения, допускают лишь обожествление фетишей, — если люди не возвышают мне душу скрытым в их существовании вызывающим ко мне требованием из глубины внутреннего бытия, тогда беспокойство превращается в отчаяние, пророчески прочувствованно и ярко высказанное Кьеркегором и Ницше в их интерпретации современной эпохи» [10, С. 147].

В таких условиях тотального господства научной парадигмы мышления происходят и тотальные изменения в культурной парадигме жизни.

Культура каждого народа или государства стремится переработать идеи и мысли своей эпохи и выразить их через произведения искусства, чтобы оставить потомкам определенное представление о ценностях и целях своей жизни. Отказ от культуры, даже если его назвать культурной революцией, ведет к торжеству насилия [1, С. 440]. Современные дизайнеры и ваятели устанавливают статуи человеческим порокам и бездуховным сущностям, поют гимны аморальности и пошлости. Говоря об искусстве в целом, такую тенденцию отмечал еще Питирим Сорокин в середине XX века: «Как коммерческий товар для развлечений, искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды... Подобная ситуация творит из коммерческих дельцов высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязываемым вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации» [5, С. 69].

Однако в обществе информационных технологий, как ни парадоксально это звучит, главным действующим лицом остается Человек. Именно человек как носитель главной ценности современного социума — интеллекта, участвует в производственной деятельности, обучается сам и обучает других, делает научные открытия и моделирует новую реальность, т. е. создает продукты, необходимые для существования этого самого информационного общества.

И здесь важно пояснить, почему для обобщения, казалось бы, таких несовместимых понятий было взято слово «продукт». В современных условиях понятие «продукт» (не идея, не мысль и не ценность!) приобретает черты целого концепта, т. е. всеобщего объекта действительности, объединяющего многие культурные смыслы и значения. Сейчас всё можно с уверенностью называть «продуктом», будь то товары или услуги, и даже сами субъекты деятельности зачастую становятся вещью, которую можно продать, купить. Так, даже говоря о современном искусстве, многие журналисты отождествляют предметы и объекты труда писателей, художников, артистов, исполнителей, дизайнеров продуктом, который «must have» (от англ. «обязательно» должно быть»), вошло в общее употребление из сленга дизайнеров, покупателей и тех, кто связан с индустрией моды), т. е. тем, что было сделано по заказу покупателей, а не для реализации духовного порыва. «Народ хочет шоу, народ получит шоу» [11].

Итак, в результате неограниченного господства науки и техники происходит: 1) установка на господство человека над природой, при которой природа рассматривается только как совокупность нужных или бесполезных вещей; 2) сведение всего производства к добыче, обработке и изготовлению продукта; 3) функционализация, умаляющая индивидуальную самостоятельность вещи; 4) утилизация всего и вся и замещение природных вещей эрзацами; 5) нарастание риска от технического прогресса и опасность техники для всей цивилизации; 6) технизация естествознания и всей науки, которая приводит к технизации мира [2].

Важнейшие изменения, произошедшие на протяжении XX века и продолжающиеся в XXI, коснулись не столько технологий или принципов хозяйствования, сколько мироощущения людей и стереотипов поведения. В условиях развертывания информатизации, каждое из диалектически взаимосвязанных начал человека: физическое, психическое и социальное — требует особого внимания, так как только в этом случае новые возможности информационного

общества могут быть в полной мере использованы для всестороннего развития человека. Реалии информационного общества предъявляют человеку новые требования, прежде всего наличие способности и готовности к перемене деятельности, мобильности, переобучению, овладению новой профессией.

В XXI в. человечество оказалось перед необходимостью задуматься о целях и перспективах технического развития, о мерах его возможного ограничения. Настало время, когда человечество должно отказаться от количества в пользу качества.

Список литературы:

1. Борзова Е. П. История мировой культуры. 3-е изд., стер. — СПб.: Издательство «Лань», 2004. — 672 с.
2. Губин В. Д. основы этики: учеб. пособие — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2010. — 368 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек/ Герберт Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — С.14
4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. — Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. — 896 с.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
6. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. — 836 с.
7. Хабермас Юрген. Техника и наука как «идеология»/ Пер. с нем. М. Л. Хорькова. — М.: Практика, 2007. — 208 стр. С. 61.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с немецкого В. В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
9. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 113-140.
10. Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986. — С. 121.
11. Электронное периодическое издание [KM.RU](http://km.ru) . [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://km.ru:8080/magazin/view.asp?id=98AA4F7AC7B44003B14FE5585CD0571C>

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Сатурин Алексей Александрович

*аспирант кафедры «Социальная философия» КГУ им. Н.А. Некрасова,
г. Кострома
E-mail: saturin1986@mail.ru*

Взаимодействие форм общественного сознания меняется исторически. На рубеже XX-XXI вв. в условиях глубинных социально-экономических и общественно-политических преобразований российского общества в его духовной культуре проявилась тенденция роста активности обыденного сознания. Все основные сферы духовной культуры испытывают сильнейшее влияние обыденного сознания масс.

В философии XX века остро встал вопрос об обыденном сознании. Это было связано как с утерей современным человеком первенства духовных ценностей (Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе и др.), так и со становлением постнеклассической и постмодернистской парадигмы социального знания (Э. Гуссерль, А. Шюц, Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Лиотар и др.). В отечественной философской литературе систематическое исследование проблемы обыденного сознания начинается с 1960-х гг. Историю исследований обыденного сознания в отечественной литературе принято делить на три этапа 1960 — 1970-е гг., 1980—1990-е гг., конец 1990-х — 2000-е гг. [9].

На первом этапе этих исследований обыденное сознание рассматривалось в русле марксистской традиции и отождествлялось с массовым сознанием и общественной психологией. Источником возникновения обыденного сознания называлась повседневная практика людей. Термин трактовался, как правило, в контексте категориальных противопоставлений. Одним из первых об обыденном сознании заговорил Б.А. Грушин [2], несколько позже на данную проблему обратили внимание Г.Г. Дилигенский [4], который с тех пор постоянно возвращался в своих работах к данной проблематике, и А.К. Улелов [11], а середины 70-х годов появился ряд кандидатских диссертаций [2, с. 5]. На данном этапе удалось выявить узкопрактическую специфику обыденного сознания, позволяющую субъекту осваивать окружающий мир и ориентироваться в повседневной жизни.

Второй этап 1980—1990-е гг. характеризуется резким повышением научного интереса к данной проблеме, расширился круг исследуемых вопросов, увеличилось количество публикаций по теме. Обыденное

сознание становится одним из центральных понятий философских исследований духовной культуры. Подобный всплеск интереса к проблематике обыденного сознания детерминирован с одной стороны начавшимся кризисом господствующей идеологии, а с другой был связан с усвоением отечественными исследователями идей западной постмодернистской и постнеклассической философии. Теоретическое поле анализа проблемы обыденного сознания значительно расширилось (Б.А. Грушин, И.А. Бутенко, Л.Г. Гуслиякова, В.А. Черняк, К.Т. Талипов, Б.Я. Пукшанский, В.Н. Горелова, В.Г. Федотова, Л.И. Насонова, Л.Я. Гозман, Е.В. Улыбина и др.). Обыденное сознание стало рассматриваться в отношении к бессознательному [1], как мир повседневности [6], как специфическая языковая картина мира [15], выражающаяся как в вербальных, так и не в вербальных формах коммуникации и т. д. Стало ясно, что обыденное сознание является самостоятельной, имеющей свои фундаментальные культурологические основания сферой духовной жизни общества, принципиально отличной от массового сознания [9].

Таким образом, на данном этапе обыденное сознание стало рассматриваться как универсальная культурно-историческая категория, функционирующая и развивающаяся по специфическим только ей свойственным законам. В то же время, сущность обыденного сознания не была прояснена в должной мере. Интенсивные научные поиски источников теоретического знания в сфере практически-ориентированного обыденного сознания могли также говорить о кризисе марксистской идеологии, с одной стороны, и о стремлении преодолеть этот кризис, — с другой.

Для современного этапа исследований (1990-х гг. — 2000-е гг.) характерно расширение концептуального поля анализа обыденного сознания. Внимание исследователей сместилось в область определения специфических типов и исторических парадигм обыденного сознания. Проанализирована роль практического сознания в стихийно-изменяющемся глобальном мире [13], тема массового сознания раскрыта сквозь призму повседневности [6], связи практического и обыденного мышления и т. д. Корни данных процессов следует искать, как в традициях отечественной психологической и марксистской школы, трактовавшей обыденное сознание в качестве определяемого историческими типами практики (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, Спиркин А.Г., Фролов И.Т. и др.), так и в активном усвоении идей западных постмодернистских философов [12], усматривавших специфику исторических типов обыденного сознания

в особенностях тех или иных дискурсивных практик (Ж. Деррида и Ю. Кристева, М. Фуко и др.).

В настоящее время выделались совершенно новые, ранее мало исследовавшиеся аспекты проблемы обыденного сознания. Среди них особый интерес вызывает проблемы трансформации обыденного сознания в современном глобализирующемся мире. Как отмечает А.И. Шендрик, для мирового глобализационного процесса свойственны две тенденции изменения обыденного сознания, с одной стороны практическое сознание разных локальных групп всё более становится унифицированным, с другой наблюдается обратная реакция, рождающая кризисы общественного сознания и замыкание культур в собственных границах [14, с. 60].

С 80-х гг. XX века обыденное сознание современной России менялось как минимум дважды. Перестройка вызвала оживление обыденного знания. Однако надежда изменить сложившуюся ситуацию довольно быстро сменилась разочарованием, породив чувство тревоги и безысходности, продолжавшееся до нулевых годов [5, с. 163]. Следующий этап развития обыденного сознания современной России можно связать с процессами формирования среднего класса, с присущей ему специфической формой прагматического сознания. Как отмечает Н.Г. Козин на рубеже 1980 — 90-х гг. Россия пережила цивилизационный раскол, который разделил страну на традиционалистов и «новых западников» [7, с. 28], оформившихся к начала XXI столетия в набирающий силы средний класс. В жертву реформам была принесена российская цивилизация и культура. Насаждаемая извне идеология индивидуализма, обогащения, потребления и конкуренции не могла не встретить должного сопротивления традиционалистских пластов общественного сознания. Так как экономика живёт и подчиняет свое бытие более общим по отношению к ней законам культуры [7, с. 30], видоизменяя и специфицируя себя в зависимости от господствующих в данной культуре принципов и экзистенциальных смыслов, под ударом глобализации оказались традиционные русские ценности кооперации, общежитности и взаимопомощи. Вследствие особенностей экономического сознания русского человека, которое, в своей основе есть общинно-кооперативное, в субстанции русского этноса и российского суперэтноса индивидуалистическая, рыночно-капиталистическая экономика невозможна [10, с. 255]. Тем не мене, господствующая идеология неуклонно придерживается курса на вестернизацию страны. Чтобы заработала рыночная экономика, следует изменить обыденное сознание людей, возвращенных в иных

экономических условиях, с иными формами повседневной практики и стереотипов поведения.

Начавшийся мировой экономический кризис замедлил становление среднего класса, практическое сознание которого способствовало реализации в России проекта экономической глобализации, в тоже время укрепились пласты традиционалистски-настроенных слоев российского общества, с присущими им правыми и левыми идеологиями. Всё это породило системный всеохватывающий кризис обыденного сознания в России, который трансформировался к концу 2011 года в форму открытого идеологического противостояния. Намечающийся системный кризис характеризуется двумя тенденциями в изменении обыденного сознания россиян. С одной стороны, налицо виртуализация среднего класса, с другой — мифологизация традиционалистски-настроенных кругов.

Говоря о «глобальном человеке», о проблеме самоидентификации в обществе «реальной виртуальности» мы постоянно сталкиваемся с антропологическими детерминантами. Ряд современных философов (В.А. Кутырев, В.И. Самохвалова, Э.М. Спинова и другие) с тревогой отмечают угрозу утраты людьми своей идентичности вследствие виртуализации общества. В силу того, что обыденное сознание возникает в процессе повседневной практики людей, стихийно, как эмпирическое отражение внешней стороны действительности — частичная утрата повседневности вследствие виртуализации общества может означать изменения обыденного сознания.

Таким образом, говоря об обыденном сознании современной России, мы можем говорить о двух его типах — реальном обыденном и виртуальном обыденном. Первое питается от мощных пластов дискурсивных практик, уходящих своими корнями в русскую историю и мифологию, второе характерно для космополитичного высокоурбанизированного информационного общества. Оба сознания в своей основе мифологичны [9]. Ситуация усугубляется тем, что традиционно в условиях упадка обыденное сознание обычно спасалось своим прагматическим настроем и связью с жизнью, которая, как правило, возрождала его [13, с. 11]. Однако сегодня этот естественный фактор, как это ни парадоксально, лишь усугубил ситуацию духовного кризиса обыденного сознания. В рамках «фаустовской» цивилизации давно эксплуатируется практический настрой обыденного сознания. Теоретически данная идеология оформилась к началу XX в.в связи с возникновением философии прагматизма. Эта сознательная ставка общества преимущественно на прагматизм обыденного сознания

усилила господство материальных «вещных» отношений и привела к общечеловеческому перманентному духовному кризису.

Как отмечают авторы монографии «Пределы роста. 30 лет спустя» человечество на рубеже тысячелетий, вследствие истощения ресурсов и выхода за пределы самоподдержания Земли, стоит на пороге глобальной экологической катастрофы. Избежать мировых экономических, политических, социальных и культурных потрясений возможно лишь в случае скоординированных антикризисных действий ведущих мировых держав, и самое главное, преобразования самого глобального общества [8, с. 21]. Речь идет о качественном, революционном изменении общества на обыденном уровне сознания. Перед нами стоит задача выживания, на одной чаше весов которой находятся ценности «общества потребления», а на другой — возможность самого существования на планете.

Говоря об обыденном сознании современной России, мы можем констатировать, что его развитие имеет ряд принципиальных противоречий. Диалектически это означает одно — качественный переход к чему-то принципиально новому.

Список литературы:

1. Бессознательное. Сборник статей. Т. 1. Новочеркасск. : Геликон, 1994. — 221 с.
2. Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М. : Политиздат, 1987. — 368 с.
3. Делокаров К.Х. Ценности глобализирующегося мира. М. : Scientific Press Ltd, 2002. — 189 с.
4. Дилигенский Г.Г. «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата// Мировая экономика и международные отношения. 1965. № 7.
5. Кальной И. И. От какого наследия мы отказываемся в результате потери исторической памяти // Век глобализации. 2010. № 5.
6. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М. : Канон +, 2004. — 432 с.
7. Козин Н.Г. Бегство от России. Саратов. : Надежда, 1996. — 168 с.
8. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М. : Академкнига, 2007. — 342 с.
9. Найдьш О. В. Разработка проблемы обыденного сознания в отечественной философской традиции послеоктябрьского периода // Runivers.ru — Россия в подлиннике: [сайт]. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/140187/> (дата обращения 03.12.2011).
10. Субетто А.И. Критика «экономического разума». СПб.-Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. — 508 с.

11. Уледов А. К. Структура общественного сознания. М. : Мысль, 1968. — 367 с.
12. Фуко М. Археология знания. М. : Гуманитарная Академия, 2004. —416 с.
13. Чельшев П.В. Обыденное сознание или не хлебом единым жив человек. М. : МГГУ, 2007. —359 с.
14. Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.
15. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. — 344 с.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРУКТУРЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ГЛОБАЛЬНОЙ

Тильченко Максим Сергеевич

*соискатель, Санкт-Петербургский Государственный Аграрный
Университет, кафедра государственного, муниципального управления
и истории,
г. Санкт-Петербург
E-mail: mtilchenko@yandex.ru*

Со второй половины XX века начинается глубокое осознание и изучение процесса глобализации. В изучение этого явления внесли вклад такие ученые как У. Бек, Д. Белл, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, М. Дойл, М. Кастельс, Р. Робертсон, Л. Склэр, Дж. Сорос, Г. Томпсон, О. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д. Хелд, П. Хэрст и др. Однако, они рассматривают глобализацию как новацию, как процесс, не имеющий аналогов в истории и исключительный для нового времени. Автор данной статьи склонен считать, что процесс глобализации имеет очень давнюю историю и является сопутствующим эволюции социума в направлении становления глобальной цивилизации. Глобализация неотъемлема от общего хода развития цивилизации и может быть осмыслена только в контексте эволюции цивилизации. В этом утверждении автор опирается на работы таких ученых как В.И. Пантин, Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец, Ю.В. Кузовков, которые рассматривают глобализацию с данных позиций. Чтобы наиболее

полно осветить данный подход необходимо более подробно остановится непосредственно на эволюции цивилизации.

На сегодняшний момент преобладают два противоположных взгляда на вопрос периодизации исторического процесса. Первая точка зрения связана с формационным подходом. В ее основе лежит линейно-прогрессивная траектория развития общества, прямое восхождение его от ступени к ступени. Вторая опирается на цивилизационный подход и представляет развитие общества в виде сменяющих друг друга циклов локальных цивилизаций. Российские ученые Б. Н. Кузык и Ю. В. Яковец смогли преодолеть этот антагонизм во взглядах. Они считают, что развитие общества имеет поступательно-циклическое движение и полагают, что на современном уровне познания правомерно говорить о трехмерном измерении цивилизационно-исторического времени-пространства, о единстве и многообразии глобальной, мировых и локальных цивилизаций [1, с. 27]. Локальные цивилизации своим циклическим развитием и сменой поколений обеспечивают поступательное движение мировых цивилизаций в общем векторе эволюции глобальной цивилизации. Данному процессу может служить иллюстрацией образ, созданный А. Дж. Тойнби на страницах своего фундаментального труда «Исследование истории»: «Циклические движения в человеческой истории, подобно физическим поворотам тележного колеса, способствуют посредством собственного монотонно повторяющегося циркулярного движения другому движению с более длительным ритмом. Это второе движение, в противоположность первому, как можно увидеть, является совокупным прогрессом в одном направлении, который, в конце концов, достигает своей цели и, достигнув ее, завершает этот ряд» [4, с. 359]. «Постоянное вращение колеса не является пустым повторением, если при каждом повороте оно перемещает вперед телегу, приближая ее к цели» [3, с. 387].

Глобальная цивилизация выражает единство человеческого рода, его судьбы. Началом ее становления можно считать момент, когда человек перешел от присваивающего хозяйства (охоты, собирательства) к производящему (скотоводству, земледелию). Именно тогда он начал творить собственную историю, и мы уже можем говорить о существовании общества как такового, о единстве материального и духовного воспроизводства. Началом формирования предпосылок глобальной цивилизации можно считать неолитическую революцию в VIII тыс. до н. э. Таким образом, на протяжении десяти тысяч лет идет процесс становления глобальной общности, который завершается в наши дни. За этот период глобальная цивилизация

прошла определенные стадии своего развития, меняя внутреннюю структуру и внешний облик.

Мировые цивилизации представляют собой периодически сменяющие друг друга фазы формирования и развития глобальной цивилизации и отличаются одна от другой социокультурным строем, численностью, структурой и динамикой народонаселения, степенью воздействия на природно-экологические процессы, технологическим и экономическим способами производства, общественно — политическим устройством. В основе теории мировых цивилизаций лежит формационная модель К.Маркса, но с учетом значимости социокультурной сферы в развитии общества.

Локальные цивилизации, представляют собой большие общности людей, этносов и народов, объединяемых единством социокультурных ценностей, исторических судеб, экономических и геополитических интересов, выражающих многообразие и изменчивость структуры глобальной и мировой цивилизации. Время от времени локальные цивилизации сменяют друг друга. Происходит изменение их состава, форм и связей. Это приводит к столкновению между ними, вследствие чего, нарушается процесс их диалога и взаимообогащения. Локальные цивилизации воплощают богатство и разнообразие человечества как единой системы, гарантируют ее устойчивость и обеспечивают целесообразную изменчивость при смене эпох, передачу культурного наследия и обогащения социального гено типа человечества. Периодически локальные цивилизации сходят с исторической сцены, другие на ней появляются, третьи разделяются, четвертые объединяются. Каждая из них имеет свой жизненный цикл, свою судьбу, но вместе они образуют богатую палитру многокрасочного мира глобальной цивилизации [1, с. 24-27]. Таким образом, на современном этапе познания можно говорить о триединстве цивилизационного измерения. И на всем протяжении развития человеческой общности эволюция глобальной цивилизации сопровождается процессами интеграции в различных сферах жизнедеятельности социума, которые на современном этапе принято называть глобализацией.

Глобализация в виде процессов интеграции и унификации имела место быть в различные исторические периоды, что выражалось в обмене информацией, культурными и духовными ценностями между различными цивилизациями. Еще у примитивных обществ на доцивилизационном этапе развития имелись различного рода контакты, которые приводили к возникновению единых стандартов жизнедеятельности. В античный период, благодаря широкому

развитию торговых связей между цивилизациями, осуществляется колоссальный не только вещественный обмен, но и также обмен знаниями, информацией, культурой. Примером может служить знаменитый «шелковый путь» из Китая в Римскую империю и другие цивилизации. В средние века не меньшее значение имел торговый путь «из варяг в греки», связывающий Русь с Византийской империей. Таким образом, на всех этапах развития глобальной цивилизации присутствуют глобализационные процессы, выражающиеся в форме интеграции и унификации различных сторон жизнедеятельности общества. Никогда в истории развитие цивилизаций не происходило обособленно от ее соседей, всегда существовали различного рода взаимосвязи. Ярким примером этому может служить распространение мировых религий. Возникнув в локальных центрах, они, спустя некоторое время, распространились на всей территории планеты.

Естественно на различных этапах исторического развития глобализация имеет свои специфические черты. Специфика современного этапа глобализации обусловлена наличием высокой плотности экономических и культурных связей между цивилизациями, что стало возможным благодаря стремительному технологическому развитию, а также наличием тяжелейших глобальных проблем. Но, не смотря на различие, интеграционные процессы сопровождают развитие глобальной цивилизации на всем ее пути. По сути, глобализация — это механизм развития глобальной общности.

Вместе с тем глобализация противоречивый процесс нелинейного характера. Логично предположить, что глобализация, как процесс эволюции глобальной цивилизации, имеет не только поступательную, но и волновую (циклическую) составляющую, которая описывает подъемы и спады глобальной интеграции. Волны интеграции сменяются волнами дифференциации. Наглядным примером этому процессу служат периоды смены поколений локальных цивилизаций. Одни крупные цивилизации распадаются, и на их месте появляется несколько новых менее крупных — это характерно для периодов дифференциации, другие наоборот сливаются, образуя обширные качественно новые общности. Эта тенденция отчетливо прослеживается в периоды интеграции. Циклы и волны глобализации не отменяют ее поступательного развития, а, делают возможным обновление форм и содержания глобализации, возникновение новых ее механизмов. Иными словами, циклы развития глобализации, включающие разные его фазы, не отменяют самой глобализации, но, напротив, делают ее устойчивым и действительно всеобщим процессом, все более глубоко охватывающим самые различные

общества и цивилизации. Возникшие важные изменения и нововведения в результате прохождения социальной системой эволюционного цикла, «отсеивающего» все лишнее, закрепляются в ней и формируют новые механизмы ее развития [2, с. 6].

Мы живем во время очередной смены поколений локальных цивилизаций, перехода от индустриальной мировой цивилизации к постиндустриальной «информационной» цивилизации и возможно завершающемся этапе построения глобальной цивилизации. Все эти процессы сопровождаются глобализацией всех сфер жизнедеятельности. Возможно, мы будем свидетелями очередной волны дифференциации, распада одних цивилизаций и образования других. В любом случае в ближайшее время нас ждут большие перемены не только политической карты и геополитических реалий, но и также изменения мировоззрения и духовные трансформации человечества.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что недопустимо рассмотрение и изучение процесса глобализации и эволюции человеческой цивилизации отдельно друг от друга как обособленные процессы. Это единый, органически связанный процесс. Глобализация может быть осмысленна исключительно в контексте эволюции глобальной цивилизации, а попытки вырвать ее из данного контекста приводят к потере ее истинной сущности и утрате взаимосвязей с другими значимыми событиями, позволяющими в полной мере осознать значение данного процесса и его роли в развитии человеческой общности.

Список литературы:

1. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1 Теория и история цивилизаций. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — 786 с.
2. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. — М., 2003. — 276 с.
3. Тойнби А.Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 2. — СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та: «Издательство Олега Абышко», 2006. — 446 с.
4. Тойнби А.Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 3. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Издательство Олега Абышко», 2006. — 479 с.

3.3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

МЕСТО ЭСТЕТИКИ В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ И. КАНТА

Загороднева Юлия Александровна

*аспирант, Саратовский Государственный Технический Университет,
г. Саратов*

E-mail: milenakc@yandex.ru

Философская система И.Канта состоит из таких составляющих как: знание, религия, этика и эстетика. Для того чтобы понять какое место отведено эстетике, мы вкратце рассмотрим все составляющие его философской системы. Если эмпирическое знание по средствам получения есть знание, возникающее в результате применения категорий к созерцаниям в опыте, то теоретическое знание — в результате применения категорий помимо опыта. Оно — продукт построения умозаключений разумом.

Во-вторых, теоретическое знание противоречиво, а потому иллюзорно. Оно не может претендовать на истину, а является лишь предметом веры. Следовательно, Кант отрицал познавательную ценность теоретического знания.

В-третьих, особенность такой формы знания, как теоретическая система, Кант видел в том, что она есть именно система знания, основанная на принципе, который придаёт ей единство и завершённость.

В-четвёртых, нахождение принципа для теоретической системы осуществляется с помощью построения умозаключений, а само развёртывание теоретической системы — с помощью заключений из принципа.

В-пятых, хотя теоретическая система и возникает на материале эмпирического знания, однако её основополагающий принцип, или, иначе, идея, есть порождения разума. Кант противопоставляет идею эмпирическому знанию, отрывает её от объективной реальности. Идеи, согласно его взглядам, не имеют конститутивного значения, но выполняют лишь регулятивную роль.

В-шестых, Кант полагал, что мышление может, как действовать в пределах опыта (рассудок), так и выходить за его пределы (разум). Это действие мышления в пределах опыта и выход его за пределы опыта

есть его реальное применение в отличие от формального, которое никак не связано с опытом.

И, наконец, в-седьмых, он поставил проблему о свободе действий субъекта и обосновал её, противопоставив теоретическое знание эмпирическому. Идеи, которые не имеют никакого отношения к явлениям опыта, к природе, создаются для того, чтобы действовать, и действовать свободно.

Уже И. Кант показал, что могут быть различные подходы к изучению научного знания. Первый подход — формально-логический — был уже в достаточной мере исследован Аристотелем, когда Кант сосредоточил своё внимание на изучении второго подхода — исследовании проблемы происхождения научного знания на основе опытного отношения субъекта к объекту. Этот подход мы можем назвать классическим, ибо изучение научного знания в таком направлении продолжил Гегель.

Воображение, интуиция, фантазия как средства получения научного знания могут быть поняты как моменты категориального синтеза, то есть приводимые суждения естествоиспытателей идут в фарватере теории научного знания И. Канта. И это произошло потому, И. Кант касался таких вечных вопросов человеческой мысли, о которых никогда не может быть сказано последнее слово. Надо согласиться, что никакая теория не может быть подтверждена во всем ее содержании, важно, чтобы какие-то ее существенные положения подтверждались. Новое понимание мышления, развитое в теории научного знания И. Канта, подтверждено современной наукой.

Русское кантианство, возросшее на почве немецкого неокантианства, в своих основных проявлениях всегда стремилось к национальной независимости и самостоятельности. Значительную роль дальнейшей эволюции философских взглядов русских неокантианцев сыграло так же такое крупное культурно-идеологическое явление России — русский религиозный ренессанс.

Учение Канта продолжает оставаться современным и возбуждать творческую мысль не только современных философов, но и представителей сравнительно молодой науки, возникшей полтора века назад, — религиоведения. Они по-прежнему задают кантовские вопросы и стремятся обладать смелостью мудрости в их решении.

«Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство — всё это плоды необщительности, которая в силу собственной природы сама заставляет дисциплинировать себя и тем самым посредством вынужденного искусства полностью развить природные задатки» [4. С. 245].

Эстетика Канта выполняла исторически назревшую и благодарную задачу. Она стремилась очертить своеобразную область прекрасного и искусства, не сводимую к пограничным с нею областям. В то же время эстетика эта была — в самых истоках своих — поражена противоречием. Задачу преодоления рационализма она решала рационалистическими средствами. Средства эти она черпала из идеалистического мировоззрения. Поэтому в лице Канта она не только ищет для искусства и прекрасного автономную сферу, но убеждена в том, что сферу эту можно найти только как сферу субъективную, среди «способностей души». Она не только исследует самостоятельный принцип, на котором основывается эстетическое суждение, но полагает, что принцип этот необходимо должен быть априорным, предшествующим опыту и от опыта независимым.

Взгляд Канта на эстетические категории и на искусство стал изменяться лишь с того времени, когда Кант подвёл эстетическую способность суждения под одну точку зрения со способностью суждения о целесообразности. Целесообразность в продукте изящных искусств, по мнению Канта, хотя даётся и предумышленно, должна казаться непредумышленной. Таким образом, на изящные искусства надо смотреть как на природу, но при этом надо осознавать, что это всё-таки искусство. Эстетическая разработка И. Кантом проблем искусства в итоге разрешает основную антиномию его философии — обосновывает возможность к моральному интересу без какого-либо насильственного скачка. Универсальная природа произведения искусства обнаруживает способность к примирению противоположных начал бытия — идеального и реального, эмоционального и разумного, теоретического и практического, необходимости и свободы. И. Кант делает вывод, что «изящные искусства и науки, которые через удовольствие, обладающие всеобщей сообщаемостью и через отточенность и утонченность для общества, хотя и не делают людей нравственно лучше, но делают их более цивилизованными, много отвоевывают у тирании чувственного влечения и этим подготавливают человека к тому устройству, при котором властвовать должен только разум» [2. С. 467]. И Шестаков В. В связи с этим выводом пишет, что «этот вывод кантовской эстетики очень важен. Вся эстетика Канта, с ее сложным логическим аппаратом приводит к идее практической, преобразующей силы искусства. В этом заключается одно из важнейших завоеваний эстетики великого немецкого мыслителя» [5. С. 302].

Именно в разработке философского учения о познании, об искусстве, о бытии, И. Кант неоднократно касался значения игры.

Сравнивая искусство и ремесло, И. Кант отмечает, что «первое называется свободным, а второе можно также назвать искусством для заработка. На первое смотрят так, как если бы оно могло оказаться целесообразно, как игра, то есть как на занятие, которое приятно само по себе» [3. С. 319]. На второе смотрят как на работу, то есть как на занятие, которое само по себе неприятно и привлекает только своим результатом (например, заработком). И. Кант, несмотря на выдвигаемый им тезис о «необходимости свободы в искусстве», указывает на обязательное присутствие принуждения. Он отмечает, что «во всех свободных искусствах все-таки требуется нечто принудительное, или, как это называют, механизм, без чего дух, который должен быть в искусстве свободным ...вообще не имел бы тела и должен был бы полностью испариться...» [2. С. 176].

Наиболее глубокий анализ эстетической теории Канта дал Гегель. Разобрав кантовское суждение о прекрасном по качеству, количеству, отношению и модальности, Гегель заключает: «Таковы основные выводы кантовской критики, поскольку она может нас заинтересовать. Она представляет собою исходную точку для истинного понимания прекрасного в искусстве. Однако, лишь преодолевая недостатки кантовской философии, это понимание могло проложить себе путь и прийти к осознанию подлинного единства необходимости и свободы, особенного и всеобщего, чувственного и разумного». Гегель подверг критике кантовский агностицизм и субъективизм в теории познания. Он вскрыл несостоятельность кантовской теории морали, так как она базируется на принципе антиисторизма и морального формализма. И он критикует главные положения «Критики способности суждения» [1. С. 74]. В отличие от Канта он рассматривал искусство как форму познания, относя его к сфере абсолютного духа.

Таким образом, мы рассмотрели вкратце философскую систему И.Канта, в которую входит: теория познания, учение о религии, эстетическая и этическая концепции. И отвечая на поставленный вопрос, отмечаем, что в философии Канта эстетика рассматривается как завершающая часть общей философской системы. Рефлектирующая способность суждения («Критика способности суждения», 1790) в системе познавательных способностей снимает противоречия между рассудком и разумом, основываясь на чувстве удовольствия/неудовольствия. Кант тесно связал сферу эстетического с субъектом, с его восприятием объекта, т. е. с субъект-объектным отношением.

Искусство становится важнейшим средством проникновения в мир сверхчувственного. Этими положениями Кант открыл путь к

культу искусства, возвышающему его над философией и религией. Вскоре по нему двинулись, существенно расширяя его, романтики. В эстетике Канта эстетическое фактически осознается как трансцендентальный посредник между имманентным и трансцендентным. Принципиальная недоступность эстетического опыта для логического истолкования служит Канту одним из убедительных доказательств бытия сферы трансцендентных идей, в том числе и в сфере морали, является истоком «категорического императива», в частности. Человек с развитым эстетическим чувством необходимо обладает и нравственным чувством, ибо имеет внутренний доступ к сфере трансцендентного.

Подводя итог, мы можем отметить, что философская система И. Канта состоит из: «Критики чистого разума» — где рассматривается теория познания, «Критики практического разума» - где анализируется этика. Не хватает связующего звена и им становится мир красоты, то есть работа «Критика способности суждения». Эстетика И. Канта — это учение о чувственности. Таким образом, система И. Канта тесно связана со способностями человеческой психики, а именно: познавательной, оценочной и волевой. К оценочной И. Кант относит чувства удовольствия/неудовольствия, к волевой — способность желать. К «Критике чистого разума» и «Критике практического разума» И. Кант относит познавательную и оценочную способности. А к оценочной он относит теологию, а в последствии и учение о красоте. К познавательной способности относится рассудок, к оценочной способность суждения, к волевой — разум (в том числе сюда входит и этика). И соответственно И. Кант применяет их к природе, теологии, искусству и к свободе.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии / Г.В.Ф. Гегель. Пер. с нем. Ваден А. М. — М.: Наука, 2005. 479 с.
2. Кант И. Критика способности суждения. / И. Кант. Пер. с нем. Гулыга А. С. — М.: Изд-во, 1994. 365 с.
3. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах / И. Кант. Пер. с нем. Гулыга А.С. — М.: Юбил. Изд. Т. 5. 1994. 428 с.
4. Лайзанс П. Этика Канта и современность / П. Лайзанс — М.: Авотс, 1989. 225 с.
5. Шестаков В. Очерки по истории эстетики. От Сократа до Гегеля. / В. Шестаков — М.: Мысль. 1979. 372 с

СООТНОШЕНИЕ «ПРИЯТНЫХ» И «ИЗЯЩНЫХ» ИСКУССТВ В СТРУКТУРЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Загороднева Юлия Александровна

аспирант, Саратовский Государственный Технический Университет,

г. Саратов

E-mail: milenakc@yandex.ru

Искусства могут быть классифицированы по разным критериям. Первые классификации искусств берут свое начало в Древней Греции, а именно у софистов, которые разделили искусства на те, что жизненно необходимы и те, что являются приятным добавлением к жизни. Детальное разделение искусств на «приятные» и «изящные» в XVIII веке произвел И. Кант. Однако поскольку с того момента прошло достаточно много времени, мы вправе предположить, что соотношение приятных и изящных искусств изменилось. Рассмотрим современные изобразительные искусства с точки зрения классификации И. Канта.

Изобразительное искусство объединяет несколько близких друг другу видов искусства — живопись, графику, скульптуру. При всех различиях, существующих между живописью, графикой, скульптурой, всем им свойственны некоторые общие черты: они не могут развернуть изображаемые события во времени, но они придают воспроизводимым ими явлениям жизни непосредственную зримость. «Изобразительное искусство — это прекрасный, удивительный, притягательный мир. Не всегда можно просто, сразу же войти в него. Мир этот — часть нашей жизни, но живет он по своим особым законам. Не чувствуя их, не пытаюсь в них разобраться, нелегко воспринимать всю красоту и сложность изобразительного искусства. Те начала, на которых оно основано, становятся, как правило, и законами восприятия картины, скульптуры, графического листа» [7. С. 3].

«Живопись — есть искусство, и искусство в целом не есть бессмысленное созидание произведений, расплывающихся в пустоте, а целеустремленная сила; она призвана служить развитию и совершенствованию человеческой души» [3. С. 102].

Живописец накладывает краски на подготовленную поверхность. Таким образом, мы видим на полотне игру оттенков, светотени, разнообразие палитры цвета и все это воссоздает реальный мир. Лессинг писал: «живопись в своих подражаниях действительности уподобляет тела и краски, взятые в пространстве... Предметы, которые сами по себе или части которых сосуществуют друг подле друга, называются телами,

следовательно, тела с их видимыми свойствами и составляют предмет живописи...» [5. С. 186-187]. Так же Лессинг пишет, что «...пространство — область живописца» [5. С. 210]. Но С.Даниэль отмечает, что «живопись имеет дело не столько с физическими телами и действиями, сколько с образами их восприятия и представления. .... живопись существует только в процессе восприятия» [2. С. 126].

Графика — это искусство рисунка. Изобразительно выразительные средства графики во многом те же, что и у живописи. Но, в отличие от живописи, цвет в графике существенного значения не имеет. Пользуясь своими собственными скупыми, лаконичными, но очень выразительными средствами, графика создает свою собственную художественную форму, в которой с большей силой раскрываются столь же важные и значительные стороны человеческой жизни, как и в форме живописной. «Станковая графика, рисунок, графика выставок, как и иллюстрация, во многих отношениях близки живописи. Целый ряд художественных техник, например, гуашь и в особенности акварель часто понимаются как своеобразный мост между живописью и графикой» [7. С. 23].

Графика — в высшей степени современное и необычайно оперативное искусство, оно идет по горячим следам событий самой жизни. «График обладает простыми и разнообразными материалами, потому что в пределах каждого есть выбор. Например, простой карандаш — от жесткого до очень мягкого, или обилие цветных с большей или меньшей сочностью. Богатейшие цветные наборы пастели, всевозможные фломастеры и другие перечисленные материалы, позволяют художникам работать линией, пятном, штриховками, что зависит от основного содержания и главной цели работы» [1. С. 65]. Далее Алексеева В.В. отмечает, что «Живопись и графика отличаются от скульптуры, как сон, воображение отличается от предмета, который держишь в руках. ....Закрой глаза — и картины нет, а статуя все равно передает через осязание наших рук особенность своих изобразительных форм» [1. С. 65].

Скульптура воспроизводит явления жизни в объемной форме. Главная задача, которая стоит перед пластическим искусством - объемное воспроизведения человека в материале. И в связи с этим к основным средствам скульптуры относят объем, силуэт, пластика. Они нужны для того чтобы художник создавая свое произведение рассчитывал на то, что должно просматриваться со всех сторон. В скульптуре принято отдельно выделять монументальную скульптуру. Скульптура, как правило, устанавливается на открытом месте, чтобы ее можно было рассмотреть со всех сторон. Здесь, как правило, не ставится акцент на отображении деталей, так как она не рассчитана на близкое рассматривание. Акцент на отображении деталей, ставится в скульптуре произведений, так как они

находятся в помещениях и их можно близко рассмотреть. «Канонические моменты выражены в скульптуре и в росписи настолько не принужденно, настолько «от себя», что всегда кажутся взятыми из жизни, создавая покоряющее чувство непосредственности и легкости творчества, что можно сравнить лишь с тем, как поется песня, как бы она не была знакома, она всегда воспринимается, словно заново в интерпретации разных лиц» [6. С. 236].

Архитектура занимает особое место в семье искусств. В отличие от других видов искусства, которые принадлежат исключительно к сфере духовной культуры и представляют собой лишь воспроизведение действительности, архитектура относится как к духовной, так и к материальной культуре. Архитектурные сооружения — это не только яркие образы эпохи, а сама действительность, идейно-эстетически выраженная. В архитектуре искусство сочетается с практически полезной деятельностью: со строительством сооружений, отдельных зданий и их комплексов, ансамблей, призванных удовлетворять потребности людей, образующих материальную среду, в которой протекает их жизнедеятельность.

Архитектуру и строительное дело можно сблизить на том основании, что как архитектурное сооружение, так и обычное здание создаются с утилитарной целью, несут практически полезный характер. Но если для простого строения этого вполне достаточно, то для архитектурного сооружения или комплекса сооружений этого мало — практически полезное должно стать художественной ценностью, приобрести идейно-эстетический характер. Громадное количество жилых домов, выстроенных на протяжении веков в различных странах мира, чаще всего значения архитектурных сооружений не имели. И дело здесь не в том, что эти дома не красивы, а в том, прежде всего, что они не создавали образа времени, в них не отражалось общественное создание эпохи.

«Культурная значимость сооружения его способность выражать дух и идентичность города, нации — это функции которые оно должно выполнять; и по отношению к которым эстетический функционализм с его узкой техно-экономической направленностью оказывается дисфункциональным» [4. С. 158]. «С конца 50-х годов архитектура чаще обращается к почти скульптурной пластической форме исходя из принципа единства архитектуры, ее форм с формами природы Перемены во взглядах на внутренние взаимоотношения эстетических моментов архитектуры меняют ее стилистическую направленность» [7. С. 40]. Для архитектуры характерно использование таких выразительных средств как симметрия, пропорциональность образующих сооружение элементов,

ритм, масштабные соотношения с человеком, связь со средой и пространством. А так же очень важно эстетическое воздействие света, цвета, фактуры строительного материала. Не рациональное использование выразительных средств, которые не соответствуют архитектурному назначению сооружения занижает или обесценивает художественные качества данного сооружения. Одной из наиболее сложных форм архитектуры является градостроительство. В градостроительстве воплощаются архитектурные идеи строительства целых городов, расположения магистралей и площадей, парков и зеленых массивов, жилых домов, промышленных сооружений, общественных зданий и т.д. Привнесение изобразительных мотивов усиливает идеологическое содержание и эмоциональное воздействие сооружения. «Архитектура всегда была не только местом жилья, средством защиты от природы, но и выражала характер культуры народа. Архитектурные сооружения разных эпох сами по себе часто воспринимаются как памятники» [7. С. 31].

Рассмотрим искусство изготовления мебели. Это искусство предлагает нам огромный ассортимент мебели, который разнообразен как по видам изделий различного назначения, так и по материалам и способам изготовления. Развитие данного искусства связано также с ростом эстетических потребностей покупателей в области формообразования, колористического решения и стилового соответствия мебели. Появление новых материалов и способов их обработки влечет за собой изменение многих показателей качества мебели – прочности, устойчивости к бытовым воздействиям и долговечности, безопасности, удобства эксплуатации и др. Для отделки мебели, посуды используют декоративно-прикладное искусство.

Произведения декоративно-прикладного искусства отражают культурный уровень народа той или иной эпохи. Они не только помогают людям жить, но и формируют их вкусы: обостряют художественное зрение, воспитывают чувство цвета, ритма, учат понимать замысел произведения, его образность.

Первую и главную особенность декоративно-прикладного искусства отражает само название — это искусство носит прикладной характер. Произведения декоративно-прикладного искусства имеют художественно-образное содержание, тогда когда они взаимодействуют с окружающей обстановкой. Таким образом, можно сделать вывод, что цель декоративно-прикладного искусства — это создание изделий, которые имеют практическое значение для человека. Произведение декоративно-прикладного искусства — это часть предметной среды, которая окружает человека, при этом эстетически ее обогащает.

Декоративная живопись учит видеть и познавать мир. К. Юон считал, что «декоративная мысль всегда лежала в основе образования больших историко-художественных стилей», «чувство декоративного является выражением национального самосознания, народного понимания красоты реального мира» [8.]

Декоративность как необходимое качество изделий декоративно-прикладного искусства, как эстетическая ценность закреплена в их значимой форме. Внутренняя органичная декоративность отличается от внешней декоративности — декора как украшения и дополнительного свойства, не имеющего самостоятельной эстетической значимости в силу необязательности присутствия данной вещи. Исходя из выше рассмотренного, учитывая, что по И. Канту, приятные искусства — те, цель которых — только доставлять наслаждение к ним относится то привлекательное, что может развлечь общество за трапезой: занимательный рассказ, умение вызвать свободную оживленную беседу, настроить шутками и смехом на веселый лад, когда можно, как говорят, многое сболтнуть и никто не отвечает за сказанное, так как это рассчитано на минутное развлечение, а не на то, чтобы служить материалом для размышления и повторения и вторая подгруппа по И.Канту — это искусство, которое приносит пользу. А изящное искусство содействует «культуре способностей души» оно дает особое «удовольствие рефлексии», приближая сферу эстетического к сфере познания. В изящных искусствах цель искусства — в том, чтобы удовольствие сопровождало наши представления как виды познания. Мы можем сделать вывод, что современное искусство можно разделить на «приятное» и «изящное». В XXI веке к «приятному» искусству можно отнести: искусство изготовления стекла, посуды, мебели, сервировка стола, искусство речи, искусство общения, декоративно-прикладное искусство. Современное искусство изготовления посуды достигло такого уровня, что мы видим разнообразную посуду по форме, цвету, с разными элементами украшения. Покупая такую посуду, люди во-первых наслаждаются ее внешним видом, а во-вторых: они из нее едят, таким образом, принося пользу она является необходимым элементом существования. Мы рассмотрели искусство изготовления мебели. Она постоянно совершенствуется по функциям и дизайну, разнообразна по форме, размеру, цвету. Приносит уют, украшает комнату и в тоже время находится в постоянном использовании человека, то есть приносит пользу. Декоративно-прикладное искусство относится к «приятному» искусству исходя из названия и так как цель данного искусства — это создание изделий, которые имеют практическое назначение в общественном или частном быту, например, художественная обработка

мебели, ткани и т. д. Производство декоративно-прикладного искусства — это часть предметной среды, которая окружает человека, при этом эстетически ее обогащает. Эти искусства мы относим к «приятному искусству», исходя из их пользы. А к «изящному» искусству относятся: архитектура, живопись, скульптура. Живописец воссоздает реальный мир, используя для этой цели краски, накладываемые на специально подготовленную поверхность. Рассматривая работу художника, зритель получает эстетическое наслаждение. В искусстве скульптуры можно выделить два вида: монументальную (например, памятники) и скульптуру произведений находящуюся в помещениях. Скульптура, как и живопись, дает человеку только эстетическое наслаждение, не принося никакой пользы. И обратимся к такому виду искусства — как архитектура. Архитектурные сооружения — это не только яркие образы эпохи, архитектура — это не обычное отражение действительности, а сама действительность, идейно-эстетически выраженная. Архитектура с нашей точки зрения занимает пограничную зону между «изящным» и «приятным» искусствами, так как с одной стороны, мы наслаждаемся ее произведениями и не более того. А с другой стороны, в архитектуре выделяют градостроение, которое удовлетворяет потребности людей, образуя материальную среду, в которой протекает их жизнедеятельность. И, следовательно, относится и к «приятному» искусству. Таким образом, отвечая на вопрос: дисбаланс «приятных» и «изящных» искусств в структуре постмодернистской культуры? Мы можем сделать вывод, что исходя из рассмотренных видов искусств в структуре постмодернистской культуры, дисбаланс не прослеживается. А, следовательно, «приятные» и «изящные» искусства находятся в равновесии.

Список литературы:

1. Алексеева В. В. Что такое искусство / В. В. Алексеева — М.: 1991. 236 с.
2. Даниэль С. Искусство видеть / С. Даниэль — СПб: Амфора. 207 с.
3. Кандинский В. В. О духовном в искусстве / В.В. Кандинский — М.: Архимед. 1992. 109 с.
4. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. / П. Козловски — М.: Респ-ка, 1997. 240 с.
5. Лессинг Г.-Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. / Г.-Э. Лессинг — М.: 1957. — С. 186-187. 520 с.
6. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры / М.А. Некрасова — М.: Изобразительное искусство. 1983. 344 с.
7. Ракигин В. И. Искусство видеть. / В.И. Ракигин — М.: Знание. 1972. 128 с.
8. Юон К. О композиции в живописи / К. Юон // Искусство — 1952.

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Чернухина Марина Анатольевна

*аспирант кафедры культурологии, философии и социальных наук
Нижегородского государственного гуманитарного университета,
г. Нижегородск
E-mail: 691932@mail.ru*

Особое внимание к теме пространства в творчестве М.И. Цветаевой связано с остро переживаемыми изменениями, выпавшими на ее долю. Здесь следует учитывать и те эпохальные перемены, которые поэту пришлось пережить вместе со своей страной и общеевропейскую глобальную смену мировоззренческих парадигм начала века, и личную трагедию.

Переход в «инобытие» лирической героини — характерная особенность поэтики «трех миров» М.И. Цветаевой, проявляющаяся уже в раннем творчестве. Как отмечает Н.О. Осипова, «Попытка заглянуть «в смерть», посмотреть обратным взглядом «оттуда» на землю — довольно устойчивый мотив в лирике М. Цветаевой» [3, с. 57]. Еще более отчетливо эти мотивы развиваются в прозе эмигрантского периода, в которой М.И. Цветаева воссоздает ощущения детства, естественно, по принципу «двойного зрения», когда на непосредственно детские впечатления накладывается философия прожитых лет.

М.И. Цветаева в своем творчестве создает сакральную картину мира, в которой пространство неба играет особую роль. Своим существованием Небо открывает человеку бесконечность, запредельность, силу, Вечность. Бесконечный простор Неба выявлял в божественной природе глубину и совершенство, могущество и вечность. Небо словно источало из себя энергию творения, небесные тела обнаруживали строгую иерархию: царственные Солнце и Луна среди сонма звездных миров, формирующие образ и идею Власти, надмирности божественной четы. Вместе с тем Небо пугало своей непредсказуемостью и сокрушительной мощью, проявляющейся в громах, молниях, грозах и ураганах, солнечных затмениях, метеоритных падениях и прочих небесных иерофаниях. Небо являлось идеальным пространством возбуждения религиозного чувства, сопряженного с восхищением чистотой замысла — идеи Мира, гармонией божественного творения и поклонением высшей и абсолютной Власти Создателя. Только там, в Небесах, может быть

Царство Бога и творимой им идеальной реальности, жалким подобием которой является реальность земная [1, с. 98].

Древние славяне не различалирая и ада (эти представления, видимо, пришли с принятием христианства), а верили в единый загробный мир, который мог находиться и далеко за морем, и на небесах, и в подземном царстве. Под влиянием христианства представления о «том свете» стали более определенными. Нижний, подземный мир (преисподнюю) стали воспринимать как место пребывания отрицательного духовного начала, нечистой силы.

М. Л. Серяков отмечает, что у славян достаточно сложная теологическая картина мира. Наиболее значимые элементы Вселенной (солнце, луна, земля и др.) представлялись язычникам — славянам одновременно и как отдельные божества, и как части тела единого Прабожества, этого бога богов, от частей тела или крови которого произошли первые [4, с. 155].

Косарев А. считает, что, утверждая космический и общественный порядок, миф и обряд моделируют в то же время поведение человека, предписывая как ему поступать в той или иной жизненной ситуации [2, с. 34]. Мифология — универсальная модель Вселенной.<...> Человек стремится жить в безопасном и комфортном мире, и он создает для себя такой мир в своем воображении. М.И. Цветаева воссоздает свою мифологическую картину мира, таким миром для нее являются её произведения.

По древним славянским представлениям о мироздании небо напоминало натянутую над землей бычью шкуру. На нем пребывали солнце, луна и звезды. Небес насчитывали около семи, которые растворялись в исключительных случаях и в особые дни (ночи), а также во время большой грозы.

Все места, близкие к нижнему миру, — болота, ямы овраги, подвалы «насеяли» враждебными и темными существами, противостоящими силе «крестной». Соответственно верхний, небесный мир — стали воспринимать как место обитания «сил праведных и божественных», светлых, преисполненных святости.

Бескрайним просторам России М.И. Цветаева противопоставляет образ Горы, созданный поэтом в пражский период. О горе, являющейся знаком высоты, много упоминаний в письмах, записках, стихах. Вероятно, высокие холмы Вшенор, которые так часто преодолевала М.И. Цветаева, психологически подействовали и утвердили в ней чувство высоты, свободы, независимой от быта и приземленности атмосферы чешских деревень. Жизнь среди русских эмигрантов, распадающихся на разные партии, общества и группы,

раздражала ее. Их времени, лишенному цельности, она — пассивно в личном общении — и с большей страстью — в своем творчестве — противопоставляет духовную высоту. В это время появляется образ человека-горы.

В мифопоэтической традиции Гора — распространенное место мифологических событий и мотивов, связанных как с космогонией, так и с идеей страданий и жертвенности (многочисленные сюжеты культового характера, образы Этноы, Синая, Сиона, Кавказских гор), составивших историко-культурный миф. На фоне этой традиции Гора в одноименной поэме М. И. Цветаевой персонифицируется, становясь образным стержнем произведения с очень разветвленной и сложной системой символики. Важно при этом отметить, что «горная» символика в цветаевском стиле мышления проникает в ее творчество в 1920-е годы особенно активно, включаясь в общую систему поэтического космоса, — и как воплощение высоты и чистой духовности, и как мера страданий и горя, и как синоним жизни.

Смысловая наполненность образа Горы в «Поэме Горы» определяется его местом в художественном пространстве произведения, соотносительностью с другими мифопоэтическими категориями. Связь Горы с высшим миром — это связь с идеей высоты, божественного начала, а потому она становится в один ряд с лестницей, мировым деревом, храмом (примечательно, что храмы архаические поначалу возводились в горах, культ которых распространен у многих народов). Сакральный смысл Горы как символа духовности имеет в культуре и библейские истоки, ассоциативно присутствующие в поэме в образе Синая, где, как известно, Моисею были открыты знаменитые скрижали с десятью заповедями (мотив заповеди настойчиво акцентируется в «Поэме Горы»).

В «Поэме Горы» М.И. Цветаева, сохраняя традиционно-романтическое звучание образа, раздвигает его мифологические границы. Гора как географическая реалья, лишаясь своих земных и материальных признаков, становится одновременно воплощением двойной идеи — святости и греха. Символика горы наполняется амбивалентным смыслом: с одной стороны, это выражение высшего «я» лирической героини, с другой — элемент «низового» мира, связанный с мотивом падения «во грех» («Говорят — тягую к пропасти/ Измеряют уровень гор»). Поэтому образ Горы попадает попеременно то в контекст небесных ориентиров («небожители любви», «кратер, пущенный в оборот», «та гора была — миры» и т. д.), то в контекст ориентиров земных («Как бы титана лапами/

Кустарников и хвой — /Гора хватала за полы, /Приказывала: стой!») [3, с. 154].

Оппозиция святости/греховности наполняется в поэме особым смыслом, воплощаясь в мифологических реминисценциях, восходящих к мотиву грехопадения (архетипический мотив ослушания, нарушения запрета): «Персефоны зерно гранатовое», «Атлас, титан стонущий»... Включаясь в более широкое звучание оппозиции высокое/низкое, образ Горы в таком понимании проникает и в библейский пласт, с которым соотносится, в частности, и мифологема рая. Общекультурная параллель здесь — горный рай, Эдем, связанный с культом гор. И в то же время образ Рая в поэме не вписывается в традиционную семантику рая-сада или Геликона (райского подобия обитания муз), в обитель небожителей («Потерянного рая» Дж. Мильтона, произведения, близкого к поэме М.И. Цветаевой синтезом лирической темы и религиозно-философского сюжета. Кроме того здесь прочитывается и близость к нищенским мотивам, в частности, к символике горных пейзажей в «Заратустре», показывающих восхождение героя, подъем его над «нечистым» миром, уход к холодным и безлюдным вершинам.

В качестве персональной мифологемы мир Эдема, первозданного, утраченного и вновь обретенного рая, выступает и в философии русского космизма (П. Флоренский), для которой характерно было родство с древними, праисторическими типами сознания. «Горный» миф оказался настолько устойчивым в своей культурной традиции, что почти без изменения вошел и в контекст культуры XX века.

Список литературы

1. Апрелева В. А. Сакральный Космос Руси Изначальной: мифология, философия, символизм. Ч. 2. Нижневартонск, 2005. С. 98.
2. Косарев А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М., СПб., 2000. С. 34.
3. Осипова Н. О. Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. С. 57.
4. Серяков М. Л. «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М., 2001. С. 155.

3.4. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАСТИ И СВОБОДЫ

Воробьев Дмитрий Олегович

*аспирант 2 курса, Оренбургский государственный педагогический университет, кафедра философии и религиоведения, г. Оренбург
E-mail: dratsolonchack@mail.ru*

Одной из самых сложных и актуальных проблем современной онтологии и теории познания является взаимодействие феноменов страсти и свободы.

Эти феномены противоречат друг другу, часто это приводит к возникновению острого антагонизма, когда они становятся двумя полюсами бытия субъекта, признающими стремление только к одному полюсу, отвергая смысл другого.

Страсть — сильнейшее чувство, полностью захватывающее субъекта и сосредотачивающее его на получении желанного слияния с объектом страсти и ожидаемого удовольствия.

Свобода — явленная в действительности возможность выбора.

Исходя из онтологического объяснения определений бытийственных феноменов, выявляются их различия и особенности. Так страсть предполагает крушение личной свободы, временного отказа от собственного бытия, стремления и помышления направлены на получение желаемого, и желаемое, путь его обретения, как правило, безальтернативны. Страсть на своём пике навязчива, она отрицает желание быть свободным, отсекая их и заполняя всё жадой получения объекта страсти. Кроме того, субъективная природа желания такова, сто зародившись, она посягает не только на свободу субъекта, но и на свободу объекта желания. Субъект жаждет заполнить бытие объекта своим бытием, слить с собой в единое целое, растворить в потоке своей страсти [2, с. 217].

Когда бушуют страсти желание свободы, её обретение становится редким гостем сознательных побуждений субъекта [1, с. 7-15]. Это сильное чувство боится свободы, выбора, возможного непризнания, понимания того, что объект не испытывает ответных чувств и не считает субъект привлекательным и притягательным. Но сама страсть противоречива, действие её механизмов ситуативно, субъективно. Поглощая свободу собственного бытия, внедряясь в бытие субъекта,

становясь всеобъемлющей, она начинает испытывать онтологический кризис, достигнув своего предела.

В ситуации возникшего онтологического кризиса, когда дальнейшее развитие невозможно и грозит страсти её катастрофическим крушением, спасти её может только свобода.

Страсть деформирует отношения, они испытывают постоянное давление эмоционально-чувственной сферы, её непостоянства. Она ищет объект, ищет удовлетворения и удовольствия, внутренняя свобода бытия наоборот вступает в конфликт, страшась диктата желанного объекта, могущего её аннулировать.

Порой страсть не так сильна, субъекта или объекта одолевают сомнения, оказывают давление внешние обстоятельства. Постепенно человек ощущает, что одновременно с чувством притяжения к объекту страсти сосуществует паническое желание убежать от него, спрятать не только себя, но и своё Я, не впускать больше в себя, отрешившись от связи и слияния. Отрицая ранее свою свободу человек, отказывая себе в объективных суждениях, когнитивных операциях и актах относительно объекта страсти, теперь же угасающая страсть вместе с чувством свободы освободила сомнения, возможность осуществления объективных практик познания, позволив взглянуть на своё временное безличное состояние, когда два Я слились в Мы, и оттолкнуться от него [2, с. 210].

Свобода старается прорваться сквозь эмоционально-чувственное через резкие вспышки осознания себя и ситуации, острого желания обрести независимость собственного бытия, в неожиданных желаниях, что мы не реализуем, отказывая им, в возникающих острых вопросах, появляющихся в процессе когитации бытия объекта страсти. Она становится не просто возможностью выбора, она выступает в роли своеобразного стоп-кадра, выхватывающим субъекта из пучины страсти, заставляя остановиться и осознать ситуацию, реальный характер чувств и сущность отношений, познать себя, осуществить необходимые когнитивные акты [1, с. 137-145].

Стремление к свободе пробуждает прошлое в наших помышлениях, если человек завяз в своих страстях, и не видит выхода для себя. Настоящая объективная реальность после того как пелена страсти спала болезненно ощущается субъектом, ему приходится познавать её заново, и прошлое, в котором не было объекта страсти, существование до него приобретает нарочито позитивный оттенок. В случае негативного всплеска эмоционально-чувственной реакции путь к свободе лежит через отрицание страсти и отторжения объекта страсти, отталкивания субъекта от осознания того, что совсем недавно

объект страсти представлялся ему идеальным. Прошлое, если субъект не станет на нём концентрироваться, а внесёт его в свой гносеологический опыт, станет проводником в будущее, воплощаясь в реальных действиях и помышлениях субъекта.

Кроме того, проблема страсти и свободы связана с таким важнейшим аспектом бытия человека как ответственность. Страсть по своей природе безответственна, она не несёт в себе зёрна стабильности или постоянства. Все действия, решения, обещания происходят в большей степени из-за действия аффекта страсти (партнёр должен быть очарован любыми способами, в том числе и определённого рода словесными заверениями, которые желает услышать объект от субъекта). Как только аффект проходит, горячие обещания становятся ужасной обузой, им находят различные объяснения, когда субъект постарается отдалить собственное Я и обвинить своего партнёра в неприемлемости его действий.

Так или иначе, свобода возвращается в бытие субъекта и объекта, и это происходит после того как страсть погасает, с крушением желанного идеала, с размышлений о правильности и допустимости отношений, в желании отвоевать свою свободу. Внутреннее бытие не желает больше покоряться воле страсти и эмоций, тем более, если сама страсть не была взаимной, когда с одной стороны был океан горячих чувств и стремлений, с другой стороны приязнь [3, с. 344].

И то какая это будет свобода, то ли как горькое осознание неправильности своих действий и ложности стремлений, то ли как осознанная необходимость, зависит от качества и сущности конкретных отношений.

Потому страсть нуждается в свободе, прежде всего, в свободе от эмоционально-чувственного капкана затмевающего возможности рассудочных действий, рационального познания. Кроме того, сосредоточение внимания субъекта на исполнении желания и достижении удовольствия рождает скорую пресыщенность от постоянной жажды поиска желанного вместо развития собственной страсти, появляется тенденция неадекватной оценки собственных чувств и чувств объекта, усиливается конфликт, и отношения переходят с конструктивной стадии в неадекватную форму [1, с. 137-145].

Сохраняя необходимый баланс двух феноменов страсти и свободы, сочетая их, субъект и объект могут онтологически и гносеологически обогатить отношения, своё бытие, сменив ярко выраженный антагонизм этих феноменов на их конструктивное взаимодействие.

Таким образом, страсть и свобода являются взаимозависимыми феноменами, влияющими на течение друг друга. Их различия носят онтологический характер, но из-за внутренних противоречий, содержащихся в их природе их антагонизм не абсолютен, и из противостоящих структур человеческого бытия они могут стать взаимодействующими, и позитивно влиять на онтологическую природу человека, на его гносеологические возможности.

Список литературы:

1. Делис К. Дин, К. Филипс. Парадокс страсти — она его любит, а он её нет / пер. с англ. К. Савельев. М.: МирТ, 1994.
2. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 207-228.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ (1958 – 1966 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дягилева Татьяна Павловна

*аспирант кафедры «История России» КГУ им. Н.А. Некрасова,
г. Кострома*

E-mail: tatjana.diagileva@yandex.ru

В связи с тем, что в последнее десятилетие активно продолжается реформирование основ советского классического образования, в отечественной историографии вновь возник интерес к проблеме учительской интеллигенции периода реформы образования 1958—1964 гг. Н.С. Хрущева. Началом реформы стала речь Н.С. Хрущева на XIII съезде ВЛКСМ в апреле 1958 года, в которой в частности говорилось об отрыве школы от жизни общества: «...юноши и девушки, в силу оторванности программы обучения в средней школе от жизни, не знают производства» [30, с. 17]. Затем последовала его записка в Президиум ЦК КПСС [31], в которой он описывает реформу более подробно, и в которой давались уже более определенные рекомендации по перестройке школы. Затем предлагаемые меры приняли форму тезисов ЦК КПСС и СМ СССР «Об укреплении связи школы с жизнью...» [32]. Перед принятием непосредственного закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [10] 24 декабря 1958 года Верховным Советом СССР, предлагалось публично обсудить его в прессе. Таким образом, Н.С. Хрущев стремился привлечь представителей разных слоев общества к участию в реформе. Учительская интеллигенция являлась крупнейшим отрядом советской интеллигенции и была одной из тех, кто откликнулась на этот призыв. Учителя были и теми, кому приходилось в последствии воплощать реформу в жизнь и сталкиваться с трудностями ее противоречий.

Проблема учительской интеллигенции периода реформирования образования 1958—1964 гг. представляет значительный научный интерес. В исторической литературе по данной теме следует выделить несколько этапов. Критериями выделения данных этапов являются социально-политические изменения в стране, повлиявшие на тематику и акценты, задаваемые исследователями.

Первый этап (середина 1960-х — середина 1980-х). Период хрущевской «оттепели» ознаменовал собой некое «освобождение» исторической науки от идеологических установок сталинской эпохи. Вместе с тем, потребовалось время на осмысление нового поворота в общественной жизни, на подготовку и публикацию серьезных исследований об учительской интеллигенции в условиях реформирования школы (1958—1964). Вступление страны в период «развитого социализма» создавало объективные предпосылки для качественно нового этапа в развитии исторической науки, который четко обозначился в 60-е годы. В рамках концепции «развитого социализма», обращалось внимание в большинстве своем на положительные моменты общественной жизни, в том числе и сферы образования. Что в свою очередь оказало влияние на разработку проблемы учительской интеллигенции рассматриваемого периода.

В качестве критерия классификации литературы об учительстве периода школьной реформы мы использовали проблемный подход, что позволяет разделить ее на ряд больших групп. К первой группе следует отнести работы по общим проблемам культурной революции (В.Т. Ермаков, П.И. Кабанов и др.) [9; 14; 17; 15; 18] и истории советской интеллигенции (В.И. Астахова, М. Е. Главацкий и др.) [2; 7; 25; 26]. Авторы косвенно затрагивают тему педагогической интеллигенции. Рассматривается политика советского государства и правящей партии в отношении учителей и их деятельности. Перед ними ставятся конкретные цели и задачи в вопросах обучения, воспитания и идеологической деятельности. Учительство определяется как самая многочисленная часть научно-культурной интеллигенции, роль которой заключается в формировании ценностных ориентаций молодежи.

Вторую группу составляют исследования представителей философской науки (В.Н. Турченко, Л.Г. Борисова и др.) [29; 21] касающиеся школьной проблематики. Достоинство их работ в том, что в процессе конкретно-социологических исследований ими были получены весьма ценные фактические данные о положении учительских кадров в советском обществе, их происхождении,

жизненных планах, которые не всегда можно найти в статистических сборниках и документах.

Третью большую группу составляет специальная литература о советском учителе, которую можно разделить в зависимости от тематики на ряд блоков. Во-первых, это исследования, посвященные идеологической работе КПСС среди учителей. Здесь следует отметить работу М.И. Сысоева [27]. По существу он дает анализ вопросов партийного руководства по подготовке и использованию учительских кадров. Начало нового этапа в политике КПСС в области народного образования он связывает с принятием закона о школе 1958 года. Сысоев показал деятельность партии по реорганизации учительских институтов, совершенствованию учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе, внимание партии и правительства к материально-бытовым условиям жизни советских учителей. Во-вторых, работы по подготовке и воспитанию учительских кадров. Основные проблемы подготовки и переподготовки учителей раскрывает Ф.Г. Паначин [19] и В.П. Худоминский [33]. Конкретнее эта тема освещалась в статьях Н.М. Часовниковой [34; 35; 36] и Л.В. Ярушиной [40; 41; 42]. На основе конкретно-социологического анализа они дали характеристику уровня квалификации учительских кадров, показали взаимодействие высшей и средней школы, их место в системе общественных отношений. В-третьих, труды, в которых рассматриваются педагогические и психологические проблемы формирования личности учителя (Э.А. Гришина, Н.В. Кузьминой, В.А. Слостенин, В.Н. Чернокозов, И.И. Чернокозова, А.И. Щербакова) [8; 16; 24; 37; 39]. Четвертая группа включает в себя исследования посвященные реформе 1958—1964 гг. (Ф.В. Герасин, С.Г. Шаповаленко) [5; 38], в которых говорится о перестройке образования на основе нового закона о школе. В условиях реформы выдвигались конкретные требования по подготовке кадров, оснащению школ, а так же образовательные и воспитательные цели и задачи, которые должны быть достигнуты учителями.

Второй этап (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.). С началом перестройки ситуация в исторической науке начинает кардинально меняться. Активно велся пересмотр подходов к оценке исторических явлений, делались первые попытки освобождения исторической науки от идеологического однообразия. В 1990-е гг. открываются новые источники, появляется возможность работы с трудами зарубежных историков. На фоне продолжающейся деидеологизации исторического знания ведется критика односторонних позитивных оценок авторов советского периода. В исследованиях проблемы интеллигенции

происходит отход от рассмотрения частных вопросов, в пользу общих. Ведется работа в области историографии и источниковедения отечественной истории школы и педагогики [1; 13], культуры [4] и интеллигенции [6; 20; 23]. Это позволило выявить достоинства и недостатки исследований проведенных ранее и определить перспективы дальнейших изысканий, в том числе и в вопросах учительской интеллигенции. В этот период происходит переосмысление многих проблем отечественной интеллигенции, а также учительского корпуса [11; 12].

Третий этап (2000-е годы). На современном этапе продолжается изучение учительской интеллигенции в контексте общих вопросов интеллигентоведения. Исследователи пытаются определить роль интеллигенции в жизни общества, проследить ее взаимоотношения с властью, а так же рассмотреть вопрос формирования кадров [3]. Нулевые годы были обозначены возрастающим интересом к вопросу реформированию школьного образования 1958—1964 гг. в связи с началом преобразования классической советской системы школьного образования. В работах и диссертациях [22; 28] посвященных данной теме, так или иначе, затрагивается проблема учительства в годы школьной реформы, однако она не была освещена должным образом.

Таким образом, тема учительской интеллигенции в период школьной реформы 1958—1964 гг. на первом этапе получила сравнительно большее освещение в исторической и социально-педагогической литературе. Были рассмотрены такие вопросы, как обеспечение школ учительскими кадрами, идейно-политическое воспитание педагогов, общий анализ уровня педагогической квалификации и общественно-политической деятельности и т. д. На втором и третьем этапах наблюдается рост аналитических трудов по интеллигентоведению общего характера, а так же работ по вопросу реформирования школьного образования в период хрущевской «оттепели». В связи с этим следует заметить, что, не смотря на огромное количество публикаций по теме об учительстве, интеллигенции, образовании, педагогике некоторые существенные проблемы учительства в период реформирования образования 1958—1964 гг. остались не раскрытыми или не затронутыми. Не раскрыты такие важные вопросы, как участие учительской интеллигенции в обсуждении реформы, столкновение учителей с трудностями воплощения властной инициативы в жизнь, проблемы переподготовки и т. д. Слабо освещен процесс подбора преподавателей. Необходимо также дать характеристику учебных планов и программ составленных в условиях реформы. Мы можем констатировать, что проблема

учительства в рассматриваемый период не получила необходимого освещения — специальных фундаментальных работ по теме учительской интеллигенции периода школьной реформы 1958—1964 гг. не появилось.

Список литературы:

1. Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики. М.: Изд-во АПН СССР, 1986. —230 с.
2. Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1976. —154 с.
3. Будник В.А. Высшая школа и интеллигенция. Советский воспитательный и образовательный эксперимент. 1945—1985 гг. Иваново: Арт Виста, 2003. —251 с.
4. Вопросы истории и историографии социалистической культуры. М.: Просвещение, 1987. —290 с.
5. Герасин Ф.В. Деятельность партийных организаций по укреплению связи школы с жизнью. М.: Мысль, 1964. —190 с.
6. Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987. —270 с.
7. Главацкий М.Е. Советская историческая литература о формировании производственно-технической интеллигенции // Культурная революция в СССР (1917—1965). М.: Наука, 1965. —405 с.
8. Гришин Э.А. Социально-экономические и педагогические проблемы подготовки учителя. Ростов н/Д, 1970. -143 с.
9. Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М.: Мысль, 1968. —151 с.
10. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». 24 декабря 1958 г. // Документы и материалы по перестройке школы. М: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения, 1960. С. 86-102.
11. Интеллигенция в системе социальной структуры и отношений советского общества. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Кемерово. 19-21 марта 1991. —433 с.
12. Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». Тезисы докладов и сообщений Всероссийской конференции. Екатеринбург. 24-25 декабря 1998. —399 с.
13. Историографические и методологические проблемы изучения отечественной школы и педагогики. М.: Педагогика, 1989. —323 с.
14. Кабанов П.И. История культурной революции в СССР. М.: Высш. шк., 1971. —271 с.

15. КПСС во главе культурной революции в СССР. М.: Политиздат, 1971. — 376 с.
16. Кузьмина Н.В. Очерки психологии труда учителя. Л.: ЛГУ, 1967. -183 с.
17. Культурная революция в СССР (1917—1965 гг.) М.: Наука, 1967. —405 с.
18. Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск: УрГУ, 1974. —159 с.
19. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР. М.: Педагогика, 1975. —218 с.
20. Поиски новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1993. — 390 с.
21. Профессиональная деятельность молодого учителя. М.: Педагогика, 1982. —157 с.
22. Романова Г.А. Реформирование системы школьного образования в 1958—1964 гг. (на материалах куйбышевской области). Самара: Изд-во СамГУ, 2003. —36 с.
23. Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1996. — 403 с.
24. Сластенин В.А. Формирование личности учителя советской школы в процессе профессиональной подготовки. М.: Просвещение, 1976. —160 с.
25. Советская интеллигенция. История формирования роста (1917 — 1965). М.: Мысль, 1968, —183 с.
26. Советская интеллигенция: краткий очерк истории (1917—1977). М.: Политиздат, 1977. —318 с.
27. Сысоев М.И. Учительство в условиях развитого социализма. Л.: ЛГПИ, 1975. —159 с.
28. Трофимов В.А. Реформирование советской системы школьного образования в 1958—1964 гг. (на материалах кемеровской области): Дисс... канд. ист. Наук. Кемерово, 2006.
29. Турченко В.Н., Борисова Л.Г. Социально-педагогические проблемы учительского труда. М.: Знание, 1975. —173 с.
30. Хрущев Н.С. «Воспитание активных и сознательных строителей коммунистического общества». Речь на XIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 г. // Документы и материалы по перестройке школы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 1131.
31. Хрущев Н.С. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». Записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС // Документы и материалы по

- перестройке школы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения, 1960. С. 32-48.
32. Хрущев Н.С. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР 12 ноября 1958 г. // Документы и материалы по перестройке школы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения, 1960. С. 53-85.
  33. Худоминский В.П. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы. 1917—1981. М.: Педагогика, 1986. —184 с.
  34. Часовникова Н.М. Особенности формирования учительских кадров в СССР в годы семилетки (1959—1965 гг.) // Вестник МГУ. Сер.: История. 1966. № 6. С. 3-17.
  35. Часовникова Н.М. Пути ликвидации различий между интеллигенцией города и деревни. // Культурная революция в СССР (1917—1965). М.: Наука, 1967. —405 с.
  36. Часовникова Н.М. Советское учительство в период строительства коммунизма (1959—1965 гг.). М.: МГУ, 1966. —203 с.
  37. Чернокозов В.Н., Чернокозова И.И. Этика учителя. Киев: Киев, 1973. — 176 с.
  38. Шаповаленко Г.С. Политехническое образование в советской школе на современном этапе. М.: Просвещение, 1958. —351 с.
  39. Щербakov А.И. Психологические основы формирования личности советского учителя в системе педагогического образования. Л.: Просвещение, 1967. —266 с.
  40. Ярушина Л.В. Подготовка и состав учительских кадров в РСФСР в 1959—1970 гг. // История СССР. 1972. № 3. С. 113-117.
  41. Ярушина Л.В. Подготовка педагогических кадров в РСФСР в годы семилетки (1959—1965) // Культурная революция в СССР (1917—1965). М.: Наука, 1967. —405 с.
  42. Ярушина Л.В. Подготовка учительских кадров в РСФСР в педагогических институтах в 1959—1970 гг. М.: МГУ, 1976. —207 с.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (1939 – МАЙ 1941 гг.)

Котельников Геннадий Петрович

*ректор СамГМУ, академик РАМН, г. Самара
Email: irena_nis@mail.ru*

Гридасов Геннадий Николаевич

*министр здравоохранения и социального развития Самарской области
Email: irena_nis@mail.ru*

Федорина Татьяна Александровна

*д-р. мед. наук, профессор, проректор по учебно-методической работе
и связями с общественностью СамГМУ, г. Самара
Email: irena_nis@mail.ru*

Павлов Василий Васильевич

*д-р. мед. наук, профессор, зав. кафедрой контроля качества
СамГМУ, г. Самара.
Email: irena_nis@mail.ru*

Кузьмин Владимир Юрьевич

*д-р. ист. наук, старший научный сотрудник, доцент СамГМУ,
г. Самара
Email: irena_nis@mail.ru*

Краснов Александр Никодимович

*канд. мед. наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, психологии и
психолингвистики СамГМУ, г. Самара
Email: irena_nis@mail.ru*

История здравоохранения Самарской области является одной из интересных страницы региональной истории. В предвоенные годы развитие медицины края достигло значительных успехов.

В 1939 году в Самаре были открыты областной научно-практический институт по туберкулезу, физиотерапевтический институт имени М.И. Калинина, различные лечебницы, лабораторный центр, противокоревой пункт и два детских санатория. В этих и других учреждениях разрабатывались и внедрялись во врачебную практику новые, перспективные методы лечения и обследования больных. Так, в

городской больнице № 1 имени Н.И. Пирогова в 1940 г. коечный фонд был увеличен до 630 кроватей. Таким образом, появилась возможность оказывать помощь не сотням, а тысячам пациентов. В связи с надвигающейся военной угрозой Куйбышевский медицинский институт в срочном порядке был переведен в ранг Военно-медицинской академии, которая функционировала до 1942 года. При ведущих стратегических промышленных предприятиях — заводе имени Масленникова и карбюраторном заводе открыты медико-санитарные части для медицинского обслуживания рабочих и другого служебного персонала [5, с. 5-6].

Куйбышевский областной отдел здравоохранения подчинялся облисполкому, регулярно отчитывался о проделанной работе вышестоящей организации. Так, на основании выводов облисполкома, сделанных по докладу заведующего облздравотделом т. Васильева, в области произошли некоторые положительные изменения в здравоохранении: отмечалось повышение качества работы лечебно-профилактических учреждений, завершена укомплектованность врачами сельских врачебных участков, и снижение временной нетрудоспособности. Однако, здравоохранение, несмотря на все это, отставала от нужд времени. В довоенные годы (1940 г.) в области продолжалась сохраняться высокая детская смертность, слабость борьбы с абортными и социальными болезнями (туберкулез и трахома). Ощущался недостаток врачей узких специальностей.

Куйбышевский облисполком постановил:

- Обязать заведующего облздравом т. Васильева равномерно перераспределить врачебные кадры в городах и сельской местности;
- Укомплектовать руководство райздравов квалифицированными медицинскими работниками;
- Улучшить качество обслуживания трудящихся путем создания межрайонных лечебно-профилактических центров на базе крупных районных больниц и так далее.

Облздравотдел для улучшения распознавания болезни направлял в лечебные учреждения диагностическую аппаратуру, готовил специалистов, которые должны были ею заниматься. Например, в 1939 году при участии Куйбышевского областного отдела здравоохранения за первое полугодие открыто на селе три рентгенологических кабинета, девять клинично-диагностических лабораторий, а 24 врача были направлены на специализацию. Выделены долгосрочные ссуды для специалистов высшей медицинской квалификации на сумму 400 тыс. рублей.

В Куйбышевской области в 1940 году функционировали 83 больницы, а через 10 лет — 164, то есть рост лечебных учреждений составил 50%. По данным другого архивного документа имелось 104 медицинских заведения, включая родильные дома стационары [10].

Состояние здравоохранения в отдельных районах Куйбышевской области перед началом Великой Отечественной войны было следующим.

В конце 30-х годов в Сергиевской больнице открылось хирургическое отделение на 5 кроватей, которым заведовал хирург Б.М. Хромов, ставший в последующем профессором Астраханского медицинского института, появился глазной кабинет, противотрахоматозный стационар, инфекционное отделение, а в 1941 году и зубоврачебный кабинет.

Накануне советско-финской войны в Шенталинском районе были распространены сифилис, брюшной тиф и трахома. Поражение трахомой составляло 25—75%. Практически каждый третий житель был носителем указанного заболевания. При этом в 62 населенных пунктах проживало всего 20,5 тысяч человек. На борьбу с болезнью были мобилизованы, из вновь выстроенной в 1938 году больницы, врачи Н.А. Знаменская и А.И. Инчина. Сформированы трахоматозные группы сестер, получивших медицинские навыки. Неко торых больных с трахомой госпитализировали и оперировали. Трахома была ликвидирована к началу Великой Отечественной войны, а сифилис — к 1939 г [5, с. 233-235].

В городе Чапаевске к концу 1940 года работали 6 больниц, имевших стационарные отделения, 3 поликлиники, амбулатория и здравпункты. Рядом с поликлиникой построен единственный в городе родильный дом. В этом же населенном пункте была открыта школа по подготовке средних медицинских работников и сестер.

В Большечерниговском районе в 1940 году имелись две больницы на 10 и 25 коек, пять фельдшерских, семь фельдшерско-акушерских пунктов и три аптеки. В указанном году количество стационарных коек было доведено до 60, вместо 35. В начале 1941 года введены в строй детская консультация и районный малярийный пункт.

В самом крупном селе страны Кинель-Черкассах функционировала больница, построенная еще в 1912 году земством. К 1939 году она имела 50 коек. Это единственное лечебное учреждение в сельской местности, которое с 10 февраля 1941 года пользовалась бирочным учетом явки на работу. Кстати, бирочные ящики действовали на протяжении только пяти минут (открывали в 7:55 и

закрывались в 8:00). При больнице было огородное хозяйство, выращивали овощи и фрукты. Содержали скот, получая мясо и молочные продукты. Строго по графику в марте — апреле 1941 года заготовили дрова. Медицинский персонал, сестры, с 23 апреля по 30 мая обучались на курсах, где повышали профессиональные знания. Медицинский персонал амбулатории после 14 часов выезжал в колхозы для организации профилактической работы. Однако, эпидемиологическая ситуация на селе была неблагоприятной.

В рабочем поселке станции Похвистнево, а в последующем на территории будущего района работало 4 больницы с общей численностью коек 110. С организацией райздравотдела, при его прямом участии в период с 1937 по 1940 гг. была построена поликлиника, располагавшая четырьмя кабинетами и родильно-гинекологическим отделением. В начале 1941 года открыты терапевтическое с детскими кроватями и хирургическое отделения [4, с. 180, 187, с. 206-208, с. 225].

Куйбышевский областной исполнительный комитет и областной отдел здравоохранения активно принимали срочные меры по обеспечению лечебных учреждений высококвалифицированными врачами и другими категориями медицинских работников. Если в 1913 году в Самарской губернии служили 120 врачей и 400 фельдшеров, то в 1939 г. — 1123 специалиста высшей медицинской квалификации и 1831 — среднего медицинского персонала [6, 4].

Данные статического бюро облздравотдела сообщают несколько другие сведения по медицинскому персоналу на 1940 год. Оказалось, что в указанном году больницам было выделено 720 штатных должностей. Фактически работали 449 врачей и 1741 служащих среднего медицинского персонала. В итоге, показатели 1939 и 1940 годов по врачам, фельдшерам и медицинским сестрам различные. Соотношение врачей и их помощников было 1:4 [12].

Медицинский персонал прикреплялся к общежитиям, баракам, землянкам. Населению делались прививки против указанных заболеваний. Смертность населения от тифа и дизентерии в 1942 году составляла 3.8 на 1000 жителей против 9.5 в 1941 году [1].

Эпидемиологическая обстановка и смертность в Куйбышевской области, особенно среди детей, в 1939—1941 годы вызвала тревогу у медицинской общественности. Несмотря на то, что констатировалось снижение по некоторым инфекционным заболеваниям и даже их ликвидация. Данная ситуация находилась на контроле областного отдела здравоохранения.

Облздравом принимались меры по снижению детской летальности. Областная комиссия по изучению причин заболеваемости и смертности до войны среди детей на заседании 7 апреля 1941 года постановила:

- Создать в яслях карантинные группы;
- Для детей, инфицированных туберкулезом организовать санаторные группы при яслях [11].

Органами советской власти проводились мероприятия, направленные на полную ликвидацию остро-опасных для жизни большого эпидемических заболеваний. В 1939 году на снижение пошла скарлатина — заболевание детского возраста. Однако пораженность ею оставалась на очень высоких показателях: в городах области — 85%, а в сельской местности — 51% [8].

В целом, в 1939 году на снижение пошли все эпидемические заболевания, кроме дифтерии. В 1938 году в Куйбышевской области сделано 65 тыс. вакцинаций. Госпитализировано в инфекционные больницы 60% больных [9].

К началу 1941 года в сельской местности были полностью ликвидированы случаи заболевания трахомой. Достигнуты большие успехи в борьбе с малярией и в деле снижения детской смертности [2].

В 1939 году успешно применялось санаторно-курортное лечение. 90% прошедших его больных выбыли из санаториев с хорошими показателями [7].

В связи с окончанием войны с Финляндией в 1940 году началось расформирование эвакогоспиталей. На основании распоряжений заместителя наркома обороны, начальника ГУКА, Военсовета ПРИВО № 42/11796 от 22 мая 1940 года, штаба ПРИВО № 42/11943 от июня с. г. приказом по облздраву №№ 1с — 5с с 27 апреля по 7 июня 1940 года они были расформированы.

Таким образом, к маю 1941 г. Великой Отечественной войны был создан прочный фундамент советского здравоохранения. На новый уровень выведены лечебное дело и организация подготовки высококвалифицированных медицинских кадров, значительно улучшена эпидемиологическая обстановка в Куйбышевской области и отработаны система профилактики и лечения острозаразных заболеваний, снижена детская смертность. Определенная заслуга в этом принадлежала областному исполнительному комитету и областному отделу здравоохранения.

Список литературы:

1. Абрамова Н. А. В борьбе с эпидемиями// Самарская газета. — 2004. — 28 октября.

2. Богородицкий Н. Записки старого врача // Волжская Коммуна. 1941. — 19 февраля.
3. Здравоохранению Самарской области — 80. — Самара, 1998. — 5-6 с.
4. Здравоохранению Самарской области — 80. — Самара, 1998. — 180, 187, 206-208, 225 с.
5. Здравоохранению Самарской области — 80. — Самара, 1998. — 233-235 с.
6. Холадовский В. К. К дальнейшим победам Советской медицины // Волжская Коммуна. 1939. — 28 февраля.
7. ЦГАСО.Ф.4054.Оп.1.Д.63.Л. 15.
8. ЦГАСО.Ф.4054.Оп.1.Д.63.Л. 19 об.
9. ЦГАСО.Ф.4054.Оп.1.Д. 63.Л. 40 — 42.
10. ЦГАСО.Ф.4054.Оп.1.Д.149.Л. 1.
11. ЦГАСО.Ф.4054.Оп.1.Д.150.Л. 4.
12. ЦГАСО.Ф.4054.Оп.14.Д.199.Л.40;Д.233.Л. 1—2.

ВЛИЯНИЕ НАРОДОВ МИРА НА РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Кузьмин Владимир Юрьевич

*д-р. ист. наук, старший научный сотрудник, доцент СамГМУ,
г. Самара*

Email: irena_nis@mail.ru

Аникина Валентина Петровна

*канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой социально политических наук
СамГМУ, г. Самара*

Email: irena_nis@mail.ru

Краснов Александр Никодимович

*канд. мед. наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, психологии
и психолингвистики СамГМУ, г. Самара*

Email: irena_nis@mail.ru

Славянские племена стояли у истоков образования древнерусской государственности. Данный процесс происходил в результате их взаимодействия с тюркскими, скандинавскими и

другими племенными союзами. Вектор их расселения имел при этом достаточно важное значение.

Так во II веке до н. э. значительная часть праславян и скифов отступили на запад на территории, на которых жили кельты, прогерманцы, вены. Между данными миграциями происходили столкновения. Возникла необходимость поиска новых территорий для заселения [18, с. 202].

Существовала языковая и религиозная близость славянских и прогерманских племен. В германских языках окончание «зон» означает сын. У потомков ализонов-уличей окончание заменилось на славянское «чи». Оно имело то же самое значение принадлежности к роду: «Мономашичи», «Олеговичи» [18, с. 203].

На их религиозные сходства указывает «Велесова книга». «И мы славу поющие богам так и называемся славянами, мы никогда не просили ничего, лишь славу пели», «ибо мы происходили от Дажьбога и стали славны, слава богов наших и никогда не просили их и не молили о благе своем». Данный принцип был характерен для древней языческой религии, в которой прославление богов осуществлялось в гимнах, плясках и ритуалах в их честь [8, с. 213].

Как свидетельствует, содержащееся в Киевской летописи «Сказание о колыбели славян на Дунае», славяне изначально жили на Дунае, в Болгарской и Угорской землях, а затем расселились в Чехии, Моравии, Восточной Германии, Польше и России [20].

А. Баварский считал, что все славяне вышли из страны Зеруян, которая располагалась в Закарпатье.

При этом упоминание Болгарской земли как самостоятельного государственного образования было возможно ещё до 1018 г. — времени её окончательного завоевания Византией [8, с. 438].

Гипотезы происхождения славян изложены Нестором в «Повести временных лет». Он, выстраивая их, обратился к библейской мифологии. В 342 г. до н. э. случился «Всемирный потоп». Ной разделил землю между своими сыновьями. Симу он отдал Азию, Хаму — Африку, Иафету — Европу.

В иафетовой части жили русь, чудь, меря, мурома, весь, мордва, перель, печера, язь, угра, литва, корсь, мось. Позднее чудь переселилась к морю варяжскому [11, с. 10].

Великий ученый академик А.А. Шахматов пришел к выводу о том, что древние славяне зародились в верховьях Вислы на берегах Тисы и на склонах Карпат. Это современная Восточная Венгрия и Южная Польша [4, с. 19].

Данные современной исторической лингвистики свидетельствуют о том, что современная балто-славянская языковая общность сохранялась достаточно долго и лишь к V веку она разделилась на славянские и балтские диалекты. Картину дополняет геополитика. Её данные позволяют говорить о значительном пласте названий неславянского происхождения на территории Восточной Европы. На её территории славяне появились в VII—VIII веках. И.И. Ляпушкин считал, что они продвигались двумя путями. Приднепровье заселялось выходцами с Карпат, а север с побережья Балтийского моря. Также существует мнение о том, что заселение Новгородской земли относится к более раннему времени, чем заселение Приднепровья. Однако данная точка зрения не стала общепризнанной.

Согласно концепции Б.А. Рыбакова праславяне принадлежали к древнему индоевропейскому единству, сложившемуся в V—IV тысячелетии до н. э. в северо-восточной части Балкан и на территории Малой Азии. На рубеже III—II тысячелетия до н. э. произошло разделение индоевропейцев на языковые группы. Среди них выделились романская (славянская) и балтийская [13, с. 13, 36, 38].

Поляне в древности находились в зависимости от половцев. Они платили дань половецкому князю [13, с. 16].

В целом, более или менее систематические сведения о нерусских народах, соседях Руси содержит вводная часть «Повести временных лет»: «А её суть ихнии языци, иже дань даготь Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мръдва, першь, печера, ять, литва, зимигола, корсь, норма, либь» [10, с. 13].

«Словенську языку, икоже рекохом, живуццю на Дунае, придоша от скиф, рекъше от козар рекомни болгари и сидома по Дунаеви и насильници словеном была» [19, с. 11].

Определенное воздействие на процесс образования государства у восточных славян оказали норманны (варяги).

Однако выявлено отсутствие следов Скандинавии в Киевских погребениях X века. Антропологический материал приводит к заключению о том, что ни одна из германских групп не отличается в такой мере от норманских как население Киева [2, с. 12, 81].

Под термином варяги понимались дружины, состоящие из людей, покинувших своё Отечество и вынужденных искать счастье на морях или в «странах чужих» [16, с. 126].

Влияние норманов не оказало значительного воздействия на развитие населения Северо-Западной Руси. Оно повлияло на его физический облик [1].

Для славян-мужчин были характерны крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях. Они любили трудиться, легко переносили изменения погодных условий. Славяне мало заботились о своем быте. Они не следили за внешностью.

Греки не принимали нечистоплотность славян. Однако они ценили их стройность, высокий рост и мужественную прилежность лица. От сильных лучей славяне казались смуглыми. Однако они все без исключения были русыми, подобно другим коренным европейцам [5, с. 34].

В VI-VII вв. в Среднем Преднепровье сложился мощный союз славянских племен. Иноземцы называли его «Рос» или «Рус». В середине X в. Русью стали называть как все восточнославянские земли, платившие дань Руси, так и наемные отряды варягов, принимавших участие в её делах [12, с. 61].

Варяги служили в дружинах русских князей под тем же названием «рос» [3, с. 61]. Норманы были наставниками наших предков в искусстве войны. Они научили киевлян быстрому и дружному нападению и согласованным движениям, в итоге, приносящим победу. Древнерусские воины заимствовали от норманов защитные племенные латы, обручи, высокие шлемы [6, с. 84].

По данным археологов в IX в. имелись отдельные Норманнские погребения. В X в. численность варягов в отдельных местностях составляла не менее 13% населения. При этом в Ярославском Поволжье численность варягов, возможно и превышала численность славян. В других регионах численность соотношения со славянами произвести не удалось [15 с. 369].

В период княжения Игоря в Византию в 945 г. прибыли 25 послов. Все они были варяги. Из 25 известных купцов только два были славянами [15, с. 180].

В период монголо-татарского нашествия изменилось лицо старого боярства. Княжеские дружины понесли катастрофические потери. Знать варяжского происхождения исчезла почти целиком [14, с. 138]. Варяги оказывали некоторое воздействие на развитие культуры древних славян. Скандинавские фибулы активно использовались в женских головных уборах как подвески [7].

«Влияние варягов было более наружное. Такое же влияние могли оказать и поморские славяне, такие же храбрые и предприимчивые, как и дружины скандинавские» [7, с. 275].

Археологические материалы выделяют руссов из общей массы славянских племен и главным образом по принципу общения с южными центрами. Это косвенно подтверждают находки, найденные у

села Мартыновка. Скифская посуда, мужские вещи, женские украшения, уникальные серебряные фигурки и так далее [13, с. 18].

Историком Иорданом упоминаются народы «росомоны» и «майя». Их войны в низовьях Днепра в союзе со славянами принимали участие в боях с Германарихом [13].

Начиная с раннего средневековья усиливалось торгово-экономическое взаимодействие между западными славянами — представителями «греческого мира» и славянами балтийскими, проникающими в качестве торговцев и товаропроизводителей в Северную Русь. Языковые сходства в значительной степени облегчали данные контакты [9, с. 146].

К Северо-Востоку от Карпат среди славян ассимилировались кельты. Кельтское влияние касалось исключительно материальной культуры. Оно почти не затронуло идеологии. В этом заключалось его отличие от иранского влияния, которое в первую очередь затронуло идеологическую, религиозную и социальную сферу жизни праславян. Оно не касалось их материальной культуры [17].

Таким образом, различные народы мира оказали конкретное влияние на политическое, экономическое и духовное развитие восточных славян.

Список литературы:

1. Алексеева Т. А. Славяне и Германцы в свете антропологических данных// Вопросы истории. 1974. №3.
2. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков — Л. 1978. 12 с.; Алексеева Т. Ч., Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы / расогенетические процессы этнической истории. — М., 1974. — 81 с.
3. Васильевский В. Г. Ваяго-русская и Ваяго-английская дружина в Константинополе. — СПб., 1908. Т.1.
4. Гумилев Л. Н. Цит. От Руси до России. — СПб. 2002. — «Кристалл», 19 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т.1. — М., «Книга, 1988. — 3 с.
6. Карамзин Н. М. Ук. Соч. Т.1. 84 с.
7. Карггер М. К. Древний Киев. — М. —Л., 1958. Т.1; 275 с.
8. Кузьмин А. Г. Руги и Русы на Дунае// Славяне и Русь М., 2007. — 438 с.
9. Лецевич В. Балтийские славяне и Северная Русь в раннем Средневековье. Несколько дискуссионных замечаний. // Славяне и Русь. Проблемы и идеи. М., 2001. — 146 с.

10. Повесть временных лет. — М.-Л., 1950. Издательство академии наук СССР. Ч. 1. 10 с.
11. Повесть временных лет. Ч. 1. — М.: Наука. 1950. — 13 с.
12. Рыбаков Б. А. Ук. Соч. 61 с.
13. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982. — 13, 15, 16, 36, 38 с.
14. Скрынников Р. Г. История Российская. IX-XVII вв. — 138 с.
15. Славяне и Русь: проблемы и идеи. — М., 2001— 180, 369 с.
16. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1959. Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. 1. Т. 1. 126 с.
17. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние Славяне по данным этимологии и опомастики// Вопросы языкознания. 1982. № 4-5.
18. Шамбаров В. Е. Великие Империи Древней Руси. — М., 2007. — 202, 203, 212 с.
19. Шахматова А. Аэ Повесть временных лет. — М.: Наука, 1951. — 11 с.
20. Цит-та: Их славянских древностей Любора Шудерина. — Киев, 1904.

СУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АСТРАХАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В ПЕРСИДСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Кулаков Владимир Олегович

канд. ист. наук, доцент АГУ, г. Астрахань

E-mail: jahondor@mail.ru

Пограничное положение астраханской губернии, образованной по указу Петра I в 1717 г. обуславливало предоставление руководителям региона, губернаторам, широких внешнеполитических полномочий. Персидский вопрос занимал важнейшее место в восточной политике Петра I, и, начиная с предпринятого им Персидского похода 1722—1723 гг., в обязанности астраханских губернаторов входило обеспечение и активное проведение на месте российской государственной политики в отношении Персии. Этот круг обязанностей был довольно обширным и связан в первую очередь с тем, что многие дела, вследствие своей срочности, требовали быстрого рассмотрения и принятия соответствующего решения. Тогда как направление их в столицу империи приводило бы к значительным

временным задержкам из-за отдаленности региона от центра и отсутствия хорошо налаженного почтового сообщения. С другой стороны выполнение астраханским губернатором многих внешнеполитических функций, касающихся российско-персидских отношений, было обусловлено его широкой осведомленностью о складывающейся внутренней обстановке в Персии и обо всех происшествиях, которые там случались. Это подтверждают многочисленные указы и инструкции, дававшиеся из коллегии иностранных дел и коммерц-коллегии, российским консулам и вице-консулам, работавшим в Персии в XVIII веке. Анализ этих документов показывает, что в круг полномочий астраханских губернаторов и главного органа управления, губернской канцелярии, входили совершенно разные функции, касающиеся российского присутствия в Персии.

Одной из них было ведение судопроизводства по многочисленным спорным вопросам, возникающим между российскими гражданами в Персии. Вопросы, связанные с осуществлением суда над россиянами в Персии были возложены на консулов, которые туда назначались, начиная с 1720 г. Задачи русских консулов в Персии сводились, в том числе к изъятию споров между русскими и персидскими подданными из непосредственного ведения персидских властей, причем в основе их полномочий лежали общепринятые в других государствах права консулов. Эти права были сформулированы в данных коммерц-коллегией инструкциях первому консулу Семену Аврамову и вице-консулу Алексею Баскакову [3, с. 184]. Относительно этих инструкций нужно заметить, что в виду, вероятно ожидавшейся уже войны, Петр торопился с получением нужных ему сведений о Кавказе, и Баскаков был отправлен от канцелярии иностранных дел к своему посту даже без уведомления об этом коммерц-коллегии.

Кстати грамоты о назначении Баскакова и его полномочиях были переданы Артемию Вольнскому в октябре 1720 г, который уже являлся в это время астраханским губернатором, и позже, 21 декабря, он получил новые грамоты об Авраоме и Баскакове. Это говорит о том, что уже с самого начала Петр связывал деятельность российских дипломатических представителей в Персии с местным астраханским руководством.

Поэтому в некоторых случаях консулы должны были координировать свою работу в судебной сфере с астраханскими губернаторами, часто предоставляя в их распоряжение рассмотрение тех или вопросов. Так согласно инструкции данной из

государственной коммерц-коллегии определенному в Исфахан консулу Аврамову, последний был уполномочен высылать из Персии всех русских подданных, совершивших там преступление и под караулом отправлять их в Россию. Одной из причин таких действий консула могло служить то, что российский подданный совершит убийство над другим российским гражданином проживающим в Персии или исполняющем там царскую службу. В таком случае консул был обязан взять этого человека «под караул и для указа к астраханскому губернатору отослать» [2, с. 165]. Если же убийство будет совершено против персидского гражданина или другого иностранца, то преступник подлежал местному суду. Подобные же инструкции получил и российский вице-консул в Шемахе Баскаков, который также должен был отправлять в Астрахань для дальнейшего судебного разбирательства российских людей, совершивших убийство своих сограждан в Персии.

Вторым случаем, когда в судебное разбирательство между российскими представителями в Персии вступал астраханский губернатор, являлись различные купеческие тяжбы. Так в соответствии с инструкцией полученной консулом в Реште Семеном Араповым от генерала Василия Левашова в 1735 г. при случающихся ссорах между российскими купцами, если один из них другого оклеветает и будет в своем утверждении упорствовать, то при невозможности решить дело на месте консул должен был отправить участников процесса в Астрахань: «если кто из них скажет слово [противное] и сказатель при объявлении своем держаться будет, таковых к астраханскому губернатору под караул отсылать» [1, д. 7, л. 2]. Однако даже если представляется возможным решить указанное дело на месте, все равно консул должен был во всех подробностях сообщить о нем астраханскому губернатору: «Ежели кто сказав слово после объявит, что сказал его спьяну или напрасно, собрав лучших российских купцов человек до шести, его ответ при собрании письменно записать и его рукою подписать, и о том обо всем для ведома астраханскому губернатору писать и с записок точные копии посылать, а напрасносказателя при собрании российских купцов в своей квартире батожем бить» [1, д. 7, л. 3]. При этом добавлялось, что при подобных следственных мероприятиях и наказаниях ни в коем случае не должны присутствовать персидские подданные.

Наконец не последнее место в судебных разбирательствах русских консулов в Персии занимали случаи разбоя и пиратства, совершаемого российскими подданными в прибрежной зоне Каспийского моря. И также как и в предыдущих ситуациях

определенная доля ответственности за расследование таких преступлений и наказание виновных ложилась на астраханское руководство. Одно из таких событий произошло в 1736 г. и было зафиксировано в документах переписки консула Арапова с коллегией иностранных дел. Вследствие появления на Каспийском море разбойничьей шайки русских подданных и просьбы персидского правительства о содействии в их поимке летом 1736 г. из Астрахани были отправлены в море 3 гекбота под командованием майора Пазухина для их розыска и обезвреживания. Согласно данному ему приказанию Пазухин пришел со своими судами в Энзели и просил распоряжения относительно совместных с ним действий персидских военных властей по поимке разбойников. В результате проведенной операции 12 человек попали в руки шемахинского персидского начальника, 10 человек бежали в Астрахань и там были схвачены, остальным 10 удалось уйти. Тогда Арапов и Пазухин обратились к персиянам воров для проведения над ними следствия и наказания. Но правитель ответил, что поскольку они пойманы шемахинским начальником и об этом донесено шаху, то без указа шаха они не могут быть выданы. Также правитель требовал смертной казни для них здесь на месте. Арапов же не имел на это соответствующих распоряжений. Он предлагал их наказать «батожьем» и отослать в Астрахань, где их казнят. После чего просил у коллегии иностранных дел указаний, что делать, если он получит шахский указ их ему отдать: казнить на месте или нет? Поскольку на тот момент у него был только ордер от генерал-аншефа Василия Левашова о том, что пойманных воров при персиянах жестоко бить «батожьем», а после отослать их в Астрахань.

На что коллегия отвечала, что лучше отослать их в Астрахань для предварительного их допроса, розыска об их товарищах, очных ставок с последними и вообще для полного расследования этого дела, а затем уже учинения им казни: «Тебе надлежит по получении сего указа гилиянскому командиру представить, что ты о тех ворах получил ея императорского величества указ о наказании, которым в Персии или в Астрахани за едино почитается. Только за лучшее признается, чтоб оных в Астрахань отослать для того, чтобы оными еще разыскивать и товарищей их, которые как в твоём доношении показано бежали в Астрахань. И как по слухам уже там переловлены» [1, д. 12, л. 6]. Если же эти доводы останутся без ответа и в отправке разбойников в Астрахань консулу будет отказано, а персидские власти будут настаивать на их суде и казне на месте, то ему было поручено, по крайней мере, стараться, чтобы для проведения казни разбойники

были отданы ему, а не в руки персидского правосудия: «Если же твои представления у гилянского командира никакого успеха не возымеют и на отсылку тех воров в Астрахань не поступят, и будут стоять на том, чтоб те воры в Персии казнены будут, то надлежит тебе, по крайней мере, стараться, чтоб они для наказания тебе отданы были, а не персияне их наказывали и казнили» [1, д. 12, л. 8-9].

Таким образом, на основе проанализированных архивных материалов можно прийти к выводу о том, что, для более эффективного осуществления различных мероприятий государственной политики России в Персии центральная власть делегировала обширные судебные полномочия астраханским руководителям, справедливо полагая, что многие вопросы будет проще и быстрее решать на месте. Ключевое географическое положение Астрахани на персидском направлении обусловило это решение. Поэтому, уже начиная с первого губернатора Волынского, астраханские власти напрямую были задействованы в обеспечении российских интересов в отношениях с Персией.

Список литературы:

1. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА) Ф. 77, Оп. 1, Д. 7, 10, 12, 14, 15, 16, 18, 29, 32, 41.
2. Уляницкий В. А. Русские консульства за границю в XVIII в. Ч. 1. / Уляницкий В. А. — М., Издательство Г. Лисснера и А. Гешеля. 1899 г. — 560 с.
3. Чулков М. Д. Историческое описание Российской Коммерции. Т. 2. Ч. 3 / Чулков М. Д. — СПб., Издательство типографии Императорской Академии Наук. 1781—1786 г. — 620 с.

РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Куликова Светлана Геннадьевна

*кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Московского областного филиала Московского университета МВД России
E-mail: cvetlana-1977@mail.ru*

Проблемы консервативной политической идеологии и гендерной истории в России является сегодня приоритетными направлениями науки. Попытка рассмотреть взаимовлияние их друг на друга и на развитие исторического процесса в контексте российской модернизации второй половины XIX — начала XX вв., с учётом использования междисциплинарных подходов представляет несомненный интерес для исследователей. Следует отметить, что попытки изучения российского консерватизма в рамках дихотомии «традиция — модернизация» успешно предпринимаются исследователями-историками с 90-х гг. XX в., однако проблема отношения консерваторов к женскому движению осталась в стороне от «исследовательской тропы». Ряд исследователей-историков, занимающихся изучением гендерной теории, заметили, что социальные движения возникают там, где «невозможно решить традиционными средствами политической власти» серьёзные проблемы, т.е. указывали на неспособность власти создать целостную социальную программу-ответ на модернизационный вызов [4, с. 58; 19, 17]. У власти, в данный период исторического развития, находилось «консервативное большинство», следовательно, выпадам и упрекам, иногда оправданным, иногда нет, подвергалась именно консервативная политическая мысль. Зачастую отношение к консерваторам как к «ретроградам» и реакционерам основывалось на их отношении к «женскому вопросу», подтвердить или опровергнуть эту точку зрения нам поможет обращение к изучению консервативно-ориентированной публицистики, наследию теоретиков консерватизма и анализ полемики, развернувшейся между представителями правящей идеологии и видными представительницами женского движения в России [17, с. 677; 22, с. 230].

В 60-70-е гг. XIX в. российская общественность столкнулась с совершенно новым типом социального движения — женским движением [5, с. 45-54; 10, с. 145-154]. Доказательством чему стало

появление на страницах журнала «Отечественные записки» целого ряда статей, в которых отстаивалось право женщин на получение образования, ставился вопрос о необходимости наделения женщин избирательными правами, муссировалась мысль об экономической самостоятельности женщин [6, с. 234-245; 7, с. 327-338; 8, с. 180-187; 20, с. 209-217; 21, с. 24-34]. Важно, что помимо призывов в этих статьях наглядно демонстрировались достижения женщин других стран в борьбе за их права. Эти статьи бередили сердца и умы российских женщин, что не могло остаться незамеченным со стороны консервативной публицистики.

При общем негативном отношении к эмансипации консервативно-ориентированные авторы выдвигали против женщин иногда самые нелепые обвинения. Так, И. Апрелов увязывал взятничество со стремлением жен чиновников к роскоши. В анонимном сочинении «Мужчины и женщины, врозь и вместе в различные эпохи их жизни...», распространённом в Петербургском университете в 60-х гг. XIX в., когда там появились первые женщины-студентки, обосновывалась «пагубность образования для женщин», которое «отвлекает жизненные силы к мозгу и ... лишает половые органы их естественной силы», поэтому «учёные женщины обыкновенно бывают или бесплодны, или подвержены опаснейшим припадкам во время беременности». Эту точку зрения разделял и врач М. Кривошапкин на страницах «Светоца» [18, с. 125]. Позицию по проблеме высказал и К.П. Победоносцев, который в предисловии к изданной в 1861 г. на русском языке работе магдебургского профессора богословия Тирша категорически заявил, что «только при помощи религиозной идеи новейшее общество может найти правду нравственную и жизненную свободу, которых так усиленно и так бесплодно ищет» [18, с. 125]. Обозначенные идеи найдут своё отношение в творчестве князя В.П. Мещерского. Уже в первый год издания ультраконсервативной газеты-журнала «Гражданин» он опубликует свою статью «Наш женский вопрос», позднее, в 1876 году, он подробно изложит свои воззрения на проблему в работе «Речи консерватора», благодаря чему войдёт в историю как «флюгер консервативно-реакционной мысли» [13, с. 8; 14, с. 3].

Князь Мещерский, будучи одним из виднейших представителей государственно-охранительного типа русской консервативной политико-философской мысли он не мог не высказать своей позиции на женское движение, которое он рассматривал как одно из «проявлений нравственного хаотичного состояния общества», привнесённое французской системой воспитания [14, с. 3]. «Ни в

одном государстве мира женщина не поставлена в положение, ограждающее и обеспечивающее все её права в такой полноте, как в России», — писал В.П. Мещерский. В качестве причины возникновения женского вопроса он указывает стремление женщины соответствовать ««духу времени» или прогрессу с проявлениями мнимого торжества над предрассудками», на самом деле, по убеждению В.П. Мещерского, женское движение следует воспринимать, как протест женщин жить для семьи и для дома [14, с. 8-10]. По его убеждению, попытка приобретения новых прав правомерна лишь там, где, либо при помощи юридических норм, либо при помощи обычаев, нарушается равновесие между мужчиной и женщиной, что в свою очередь приводит к ограничению прав женщин. Так в древней Руси женщина была стеснена в правах: как жена унижена до роли хозяйки-ключницы; как мать — ограничена в воспитательном влиянии на детей, т. к. не имела возможности научить их чему-то из-за затворнического образа жизни; как дочь — всецело зависела от воли отца. Однако, ситуация изменилась после Петра I, который разрушил предрассудки, введя женщину в светское общество, указав ей поприще деятельности — семью [14, с. 13-14]. Семья — колыбель государства, исходное начало а недрах которого вызревает важная составляющая государства — гражданин. Воспитывая детей, женщина становится душой и двигателем семьи, нравственным авторитетом. Согласно его концепции каждый должен был занимать свою нишу: мужчина — являться экономическим центром семьи, женщина — духовным. Именно женщина прививает идеи патриотизма, чести и долга свои детям, следовательно, от неё зависит мощь государства. В этой связи Мещерский затрагивает проблему женского образования. Безусловно, для воспитания детей женщина должна иметь достойное образование, но оно, по его убеждению, должно быть получено дома, чтобы девушка не имела возможности набраться вредных идей [14, 15]. Отрицательное отношение большей части российского общества к женскому образованию он связывает с тем, что отцы и мужья чувствуют «нехороший духовный настрой женщин», пытающихся вместо жен стать учёными [14, 18]. «Попробуйте заговорить с высокообразованной женщиной о науке», — пишет он, — «она поразит вас знаниями, но если вы спросите о любви в христианском смысле этого слова — она засмеётся, глядя вам в глаза». «Что может быть страшнее женщины, ум которой развит в ущерб её сердцу!» — восклицает князь. Кроме того, князь Мещерский всерьёз пытался доказать, что обучение в гимназиях вредно влияет на мозг 13 - 14 летних девушек. По его

мнению, размышления их над такими темами как «Значение Гоголя в литературе» приводит к тому, что «сердце девушки начинает грубеть, а мысль — раздражаться!» [14, 13]. В доказательство своей правоты он приводит в пример патетический рассказ о том, как одна «бездушная дочь», попав под влияние модных идей, отправилась в Петербург «искать самостоятельного труда», получив должность наборщицы, она так увлеклась идеями экономической независимости, что оставила 70-летнего отца умирать на руках у наёмщицы. Прежде чем приступить к решению женского вопроса он предлагает «разложить его на все составные части» и ответить на главный вопрос: «Нужны ли нам матери, хозяйки, жёны, дочери, ... или нужны женщины-профессора, женщины — члены дум и управ, женщины-адвокаты?» [14, 13]. Это было немыслимо в условиях традиционного общества. В итоге своих размышлений он приходит к выводу: «область женщины есть семья, цель её — воспитание, сила её — любовь». Пытаясь доказать свою позицию он создаёт следующую логическую схему: «В детстве она [женщина — С. К.] любит куклу, выйдя замуж ... своих детей и мужа, состарившись — она посвящает себя богу. Назначение её всегда любить!» [14, 18].

Несмотря на то, что в высказываниях Мещерского не содержится никаких реакционных выпадов, его статьи вызвали бурю негодования у передовых женщин. Одной из осмелившихся вступить в полемику стала баронесса Мария Корф — жена Николая Александровича Корфа — известного русского педагога, методиста начального обучения, организатора земских школ, видного общественного деятеля пореформенной России [2, с. 635; 23, с. 355-356]. Свою позицию относительно воззрений князя Мещерского она изложила в статье «Мрачный публицист женского вопроса» [11, с. 449-454]. Баронесса Корф резко отрицательно отнеслась к предложению Мещерского всячески сохранять систему домашнего образования женщин, которой она противопоставляет обучение в гимназиях. Не согласна она и с предложением воспитывать девушку исключительно как будущую мать и жену. «Неужели от того, что женщина изучит естественные науки», — восклицает М. Корф, — «она станет худшей матерью, а зная физиологию, будет хуже заботиться о здоровье членов семьи» [11, с. 454]. Если встать на позицию В.П. Мещерского, отмечает М. Корф, то легко дойти до убеждения, что идеал матери представляет собой «невежественная крестьянка, сохранившая своё сердце во всей первозданной чистоте» [11, с. 454]. «Крайнее раздражение г-на Мещерского против стриженных женщин доходят до таких размеров, что он, не стесняясь, готов взвалить всё дурное ... на

бедные головы, которые лишены своего лучшего украшения — волос, и потому утратили для него всякую прелесть навеки...», — заявила М. Корф. На самом деле, справедливо заметила она, причины отказа женщинам в образовании и даровании избирательных прав кроются в другом. Мужчины поняли, что женщины желают свободы и независимости, то есть женщина стремится стать человеком, а не куклой для украшения гостиной, какой её хотел бы видеть князь Мещерский. Новая женщина жаждет деятельности, хочет сама распоряжаться своей судьбой, не желает быть зависимой от мужчин, вот что приводит мужчин в ужас!

Аналогичные мысли содержатся в статьях Марии Константиновны Цебриковой — племянницы декабриста Николая Романовича Цебрикова, известной русской публицистке [12, с. 34; 24, с. 884]. Она чётко уловила, что главнейшим аргументом мужчин против идеи равноправия является несогласие с тем, что женщины начали требовать права тогда, когда мужчины — основные носители прогресса, получили их не в полной мере. Следовательно, консервативно-настроенная часть общества усмотрела в женском движении стремление стать носителями прогресса [8, с. 182]. Между тем, по мнению М. Цебриковой положение женщин в России «невыносимо тяжело» — на протяжении всей жизни она зависима: в детстве — она раба родителей, от этой зависимости её освобождает новая — замужество, от неё — смерть [20, с. 209]. К сожалению, отмечает она, вопрос о свободе женщин возник после других. Несмотря на то, женское население превосходит мужское в количественном соотношении, женщинами реже совершаются преступления, они более сдержанны и менее порочны в своих привычках, им отказано в правах, которыми наделены мужчины [6, с. 244]. Мария Константиновна справедливо задаётся вопросом о том, с чем связано ущемление женщин в России и приходит к мысли о том, что виной всему является воспитание — женщинам с рождения внушается мысль о том, что её участь быть хранительницей домашнего очага. Мужчин, в том числе г-на Мещерского устраивает образ Татьяны из «Евгения Онегина», которая нелепа и глупа [20, с. 215]. Цебрикова убеждена, что героиней нового времени должна быть не простодушная деревенская девочка, которая росла как цветочек в поле, а женщина, которая знает, чего она хочет, такая, как героиня Вера в романе Гончарова «Обрыв», которой «тесно и неловко в искусственной форме, в которую так долго отливали склад её ума нравы, традиции, образование и всё воспитание девушки до замужества» [21, с. 30]. В итоге своих рассуждений

Цебрикова подмечает, что, несмотря на различные препятствия со стороны властей и консервативно-настроенной части, общества женское движение завоёвывает всё больше сторонников [6, с. 235].

Накал, с которым проходили дискуссии, вполне отражал настроения в обществе второй половины XIX — начала XX вв., которые были характерные не только для России. Идеи, на которые опирался консервативный лагерь в своей борьбе с женским движением, можно встретить в трудах видных русских и зарубежных философов. Так, Ф. Ницше писал: «сореволюция за свои права, женщина теряет стыд, ... она перестаёт бояться мужчин ... и при этом вырождается» [16, с. 147]. О. Вейнингер объяснял второстепенное положение женщины в обществе тем, что у них «отсутствует самоценность человеческой личности» и уверял, что женщина как существо безвольное, аморальное, лишённое логики, не может рассматриваться как субъект, а может служить лишь объектом воздействия [3, с. 69]. В России выразителем аналогичных идей был Н. А. Бердяев, который считал, что «женское эмансипационное движение по существу своему карикатурно, ... в нём есть гермафродитическое уродство» [1, с. 418]. Кроме того, консервативный лагерь активно апеллировал к христианскому учению, в соответствии с которым женщина рассматривалась как верный помощник мужчины — Ева была сотворена из ребра Адама. В научной сфере всерьёз рассуждали о том, что кровь женщины содержала больше воды, чем у мужчины, мозг её был слабее, а функция материнства истощала организм [15, с. 7]. Консервативно настроенная часть общества, прежде всего мужчины, всерьёз опасались, что женщина двинется на поприще общественной деятельности, боялась ломать традиционные стереотипы. «Революция не страшна, — заявлял В.М. Пуришкевич, — до тех пор, пока женщина находится у домашнего очага» [9, с. 47]. Именно с этим были связаны призывы консерваторов, а затем монархистов, возрождать лучшие черты россиянок — любовь к богу, царю, людям, кротость, послушание.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
2. Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 1.
3. Вейнингер О. Пол и характер. — М., 1992.
4. Вздорова Н. Б., Шнырова О. В. Женское движение в России и западный феминизм в конце XIX — начале XX века // Женщина и российское общество: научно-исторический аспект. — Иваново, 1995.

5. Городецкая М. Е., Морозова Л. А. Женское движение — важная часть массовых демократических движений // Научный коммунизм. — 1988. — № 1.
6. Е. Л. Женское движение у нас и за границей // Отечественные записки. — 1870. — № 4.
7. Е. Л. Избирательные права женщин в Англии // Отечественные записки. — 1871. — № 6.
8. Е. Л. Новости по женскому делу // Отечественные записки. — 1870. — № 1.
9. Женский вопрос в программах и деятельности монархических партий России 1905-1917 гг. // Женщина в российском обществе. XX век: История и современность. — М., 1996.
10. Зуйкова Е.М. Феминизм и его влияние на развитие международного женского движения // Женщины в общественном движении. — М., 1992.
11. Корф М. Мрачный публицист женского вопроса // Вестник Европы. — СПб., 1872. — Т. III.
12. Кулиш Ж. Племянница декабриста // Наука и религия. — 1984. — № 3.
13. Мещерский В. П. Наш женский вопрос // Гражданин. — 1872. — № 9, 10.
14. Мещерский В. П. Речи консерватора. — СПб., 1876. — Вып. 2.
15. Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение. - СПб., 1906.
16. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: К генеалогии общественной морали. — Минск, 1992.
17. Советская историческая энциклопедия. — М., 1963. — Т. IV.
18. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50-60-е гг. XIX в. — Л., 1984.
19. Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). — Иваново, 1994.
20. Цебрикова М. Гуманный защитник женских прав (по поводу романа г. Писемского «Люди сороковых годов») // Отечественные записки. — 1870. — № 2.
21. Цебрикова М. Псевдо-новая героиня («Обрыв», роман г. Гончарова. 1870) // Отечественные записки. — 1870. — № 5.
22. Энциклопедический словарь А.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона. — СПб., 1896. — Т. XIX.
23. Энциклопедический словарь А.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона. — СПб., 1895. — Т. XVI.
24. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. — СПб., 1903. — Т. XXXVII.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И СОЗДАНИЕ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

Лызлова Татьяна Сергеевна

*кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук
Филиал ФГБОУ ВПО «РГУТ(У)С» в г. Смоленске
E-mail: tanya-lyzlova@yandex.ru*

Дореволюционное законодательство по еврейскому вопросу создавалось более ста лет и к началу XX в. превратилось в самый сложный юридический механизм. Его отличительной чертой была противоречивость и непоследовательность, поэтому национальный вопрос, наряду с аграрным и рабочим, в многонациональной Российской империи приобрел к началу XX в. особую остроту.

Национальный вопрос в начале XX в. обсуждался не только российскими политическими организациями. Это было время возникновения в России национальных движений и партий. При этом еврейское население принимало в данном процессе наиболее активное участие.

Первые еврей-революционеры появились в середине 60-х годов XIX в. В 1862 г. в первой организации «Земля и воля» принимал участие Николай Утин, который, правда вскоре раскаялся и подал царю прошение о помиловании. В 1891 г. Н.В. Чайковский вместе со студентом Военно-медицинской академии Марком Натансоном создали кружок «чайковцев». А в 187 г. к «Земле и воле» примыкало уже несколько десятков евреев. К 90-м годам XIX в. евреев в революции было уже большое количество. По подсчетам американского историка Нормана Неймарка в начале XX в. среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи представляли 30 %; около 15 % членов партии эсеров были евреями, а некоторые «максималистские и анархистские террористические группы почти полностью были еврейскими» [2, с. 4]

Первая еврейская партия Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России) была создана в сентябре 1897 г. Организация вела довольно активную деятельность. Достаточно сказать, что только за первые два года своего существования (1898—1900) Бунд возглавил 312 забастовок. В начале XX в. его организации имелись во многих городах России, издавались газеты, листки на идиш, общий тираж которых достигал 45 тыс. экземпляров. Росло и число членов организации. Летом 1904 г. Бунд насчитывал около 23

тыс. человек, в 1905—1907 гг. — около 34 тыс. человек. Напомним, что членов РСДРП в начале 1905 г. было только 8400 человек [2, с. 4-5; 4, с. 66]

Наибольшая активность еврейских организаций наблюдалась в годы первой русской революции. В период с 1905 по 1907 гг. в Российской империи было создано около 20 различных еврейских партий и групп.

Чем же объясняется такая активность российских евреев?

Одна из причин лежала на поверхности. Ограничительное законодательство российского самодержавия толкало еврейскую молодежь бежать из замкнутой среды местечек и устремляться в революционные кружки, где все оказывались в равном положении. Неуклонно проводимые запреты задевали все слои еврейского населения. Правительство об этом знало и признавало, что «неудовлетворенность настоящим стесненным, в сравнении с остальным населением империи, положением и в связи с этим усиливающееся раздражение и ненависть к русскому правительству в России достигли крайних пределов, толкнув евреев на путь отчаянной борьбы с существующим государственным строем». [3, с. 30-31] Тем не менее, в 1906 г. правительственные круги пошли на отмену лишь наиболее одиозных ограничительных актов 90-х годов XIX в.

Однако были причины, которые лежали несколько глубже. Следует учитывать, что жители местечек, несмотря на нищету, представляли собой особую субкультуру, особый тип личности: более грамотный, чем российский рабочий и крестьянин, более предприимчивый, и уже в силу этого — более восприимчивый к новым идеалам. Кроме того, надо считаться с тем, что в сознании еврейской массы социал-демократические идеи уживались с представлением об особых страданиях еврейского народа. Не говоря о пресловутой черте оседлости, которая являлась пережитком средневековья, можно привести только один пример: если в центральной России один ремесленник приходился на 20 жителей, то в местечке — на 6. В результате возникла страшная конкуренция. Понятно, что в этих условиях у определенной группы возникла мысль о специфической судьбе еврейского пролетариата, трижды бесправного и гонимого, и о необходимости борьбы.

Не стоит также забывать, что, не имея возможность получить образование в России, молодые евреи выезжали за границу, где вращались в среде революционной эмиграции. Домой многие из них возвращались убежденными революционерами, вступали в соответствующие организации и вовлекали в них своих сверстников.

В годы реакции, последовавшей после поражения первой русской революции, активность еврейских партий сводится к минимуму. Например, количество членов Бунда к октябрю 1910 г. составило всего лишь около 2 тыс. человек. С другой стороны, наблюдавшийся в годы реакции рост антисемитизма, неизбежно толкал наиболее активных евреев в политику. Все это привело к тому, что на уровне 1911 г. понятия «революционер» и «еврей» были равны. Выработалась и формула: главные враги России — студенты, жида и поляки.

Несмотря на то, что в годы первой мировой войны под предлогом борьбы с «еврейским шпионажем» стало практиковаться взятие евреев-заложников, еврейские общественные организации получили новый импульс. Они сосредоточили свою деятельность в комитетах обороны, бюро труда, рабочих столовых, филантропических организациях и культурно-просветительских обществах.

Следующий всплеск еврейской активности наблюдался после Февральской революции. Одним из первых постановлений Временного правительства было принятое 20 марта 1917 г. «Постановление об отмене вероисповедальных и национальных ограничений». Одним разом были отменены все 140 законов и распоряжений, ограничивающих евреев во всех сферах гражданской жизни. В результате российские евреи получили равные гражданские, политические и национальные права с остальным населением. Весной-летом 1917 г. наблюдался невиданный ранее взрыв еврейской общественной и культурной активности: все еврейские партии вышли из подполья; появились десятки новых обществ и объединений (только в одном провинциальном Смоленске в этот период действовало около 25 различных еврейских организаций), издательств и периодических изданий; проводились партийные совещания и конференции; началась подготовка к Всероссийскому еврейскому съезду; стала достижимой идея национально-культурной автономии и национального представительства в органах власти и самоуправления.

Один из исследователей еврейской истории А.В. Блюм точно описал обстановку тех дней: «Люди были опьянены свободой, ощущением присутствия при рождении новой жизни, новой эпохи российской истории, в котором они видели себя уже не объектом государственной ненависти и законотворческих экспериментов, а полноправными строителями общего дома и общего будущего» [1, с. 10].

Подводя итог, можно констатировать, что в начале XX в. в программах практически всех политических партий разрабатывалось решение национального вопроса, что, несомненно, говорило о его

остроте. Монархические и либеральные партии выступали за сохранение унитарного государства. Национальная же программа РСДРП носила скорее не социалистический, а общедемократический характер: право наций на самоопределение, отмена национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и т. д. Однако именно ей после Октябрьской революции предстояло на практике решать национальный вопрос.

Кроме того, непродуманная политика царского правительства в отношении евреев и неполноправное их положение толкнула многих из них в революцию. Десятки тысяч евреев запомнили на генетическом уровне погромы, черту оседлости, запрещение поступать в высшие учебные заведения, торговую дискриминацию и многое другое. Некоторым из них, в силу природной сообразительности и умелости, удалось преодолеть запреты и достичь известности. Большинство же, не желая расставаться даже формально с верой отцов (а перехода в православие было достаточно для того, чтобы снять многие ограничения), предпочли при первом же удобном случае вступить в борьбу.

Список литературы:

1. Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917-1991. — СПб., 1996.
2. Будницкий О. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция / Евреи и революция. Материалы и исследования. — М. — Иерусалим, 1999.
3. Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. — М. 2000. № 1.
4. Овруцкий Л.В., Червякова М.М. Бунт известный и неизвестный // Родина. — М. 1991. № 9-10.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УКРАИНСКОЕ ПРИДУНАВЬЕ — СЛАВЯНО-РОМАНО- ТЮРКСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: БАЗОВЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Верховцева Ирина Геннадьевна

*кандидат исторических наук, доцент, Измаильский государственный
гуманитарный университет, г. Измаил, Украина*

E-mail: imail_box@mail.ru

Стремительное усложнение социального бытия в современном глобализирующемся мире с его новейшими способами коммуникации на основе цифровых технологий, безусловно, сказывается на процессах идентификации личности. По мере освоения общественной практикой новых форм интеграции людей (например, «сетевые сообщества») «размываются» некоторые базовые коллективные идентичности (родственная, этническая). Одновременно возрастает значимость одной из наиболее «материализованных» разновидностей социальной идентичности — региональной [6, с. 37]. Обществоведами региональная идентичность трактуется как отождествление человеком себя с воображаемым региональным сообществом. Ее формирование обусловлено психологическими потребностями индивидуума и потребностями социума, поскольку связано с местом рождения и социализации людей. Базируется эта разновидность коллективной идентичности на факторе территориально-культурного единства членов регионального сообщества и может служить цементирующей основой для целостности государства, ступенью в формировании идентичностей более высокого порядка (национальной, цивилизационной) [1, с. 136; 6, с. 136; 9].

Огромную роль в формировании региональной идентичности играет коллективная память. Г. Люббе утверждает: идентичность — это есть историческая индивидуальность, доступ к идентичности открывается через истории [12, с. 110]. Общие представления жителей края о своей истории способствуют интеграции местного социума: позитивные образы прошлого (герои, выдающиеся личности) позволяют людям ощущать сопричастность созидательным аспектам бытия, а миф общей судьбы и политой кровью предков родной земли

становится конституирующим фактором социальной солидарности. Как справедливо отмечает Н. Амельченко, образ «мы» и общая история должны резонировать с опытом многих людей [1]. Лишь при таком условии региональный социум способен мобилизоваться на решение актуальных для развития края задач.

Исследовательский интерес в этом контексте представляет Украинское Придунавье, расположенное на юге Одесской области, в нижней части Дунай-Днестровского междуречья, в северо-западном Причерноморье. Территория края является частью исторических областей Буджак и Бессарабия. В советской литературе после включения Придунавья в 1940 г. в состав УССР (в результате советско-германских договоренностей 1939 г.) регион стали называть «Южная Бессарабия», хотя с границами исторической Южной Бессарабии его границы не совпадали. С древнейших времен Придунавье является областью активных этнических и культурных контактов между народами, поскольку находится на берегу самой «интернациональной» европейской реки — Дунай, в непосредственной близости к Карпато-Дунайскому региону и относительно не в далеке от Балкан и Малой Азии. В физико-географическом отношении край расположен на Среднедунайской равнине, у западной окраины Великой Степи и является контактной зоной между европейскими и азиатскими народами. На отдельных этапах своего исторического бытия Придунавье находилось на пересечении цивилизационных потоков с востока на запад, с севера на юг [10, с. 4; 5, с. 223]. Здесь творились судьбы древних народов Евразии, шла активная коммуникация во времени и пространстве между представителями разных культур и этнических массивов, закладывался фундамент социокультурного развития населения западной и юго-западной частей континента. На заре евразийской истории Придунавье — пограничье между оседлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами. С началом Эпохи Великого переселения народов край пребывает на периферии христианской ойкумены, в орбите культурных влияний Римской, позднее — Византийской империй и становится пограничьем между миром варваров и миром христиан, между миром романских и миром славянских народов [4, с. 118; 10, с. 9; 13, с. 15].

В средневековье в условиях возрастающей активности тюрков Придунавье — чрезвычайно горячий в геополитическом отношении регион: соперничество за край в XV-XVI вв. между стремившимися укрепиться в Северном Причерноморье завоевателями (Половецкая Кумания, Русь, Литва, Польша, Венгрия, Молдавия, Валахия, Крымское ханство, ногайцы) в XVI в. закончилось победой Османской

Порты, под власть которой край переходит почти три столетия. До начала XIX в. тут хозяйничают турки. Так Придунавье становится славяно-романо-туркским пограничьем, культурные «следы» чего, по выражению В. Стецкевича, видны «вплоть до топонимов и остатков археологии» [14, с. 83; 19, с. 147]. В XIX — начале XX вв. край неоднократно меняет «политическую прописку», за обладание им соперничают Россия и Румыния. Правительство каждого из них способствует колонизации края, соответственно, славянскими или романскими народами. С включением Придунавья в состав УССР этническая пестрота населения региона усиливается: советский режим организовал переселение сюда партийных, технических, учительских, профсоюзных и других кадров из разных областей страны: Сибири, Дальнего Востока, восточной Украины [7, с. 5]. Волею исторических судеб сегодня в Придунавье сосуществуют представители более трех десятков этнических культур: кроме русских, украинцев румын, молдаван это маргинальные осколки бежавших от иноземного гнета с Балкан и Юга Европы албанцев, болгар, сербов, гагаузов, греков или добровольно прибывших немцев, швейцарских колонистов и многих других, для кого Придунавье стало новым Отечеством. Но по-прежнему, наиболее радикальные этнокультурные отличия в местном социуме очерчиваются треугольником «славяне — романские народы — туркские народы», поскольку в совокупности именно эти три этнические ветви составляют подавляющее большинство жителей края [11, с. 21].

Этнокультурное своеобразие Придунавья в категориях, которыми оперирует современное историческое знание, может быть описано как огромное количество вариаций коллективной памяти, волею исторических судеб соединившихся на этой земле. Социальные связи в местном социуме зыбки, а связи между поколениями на определенном этапе оказались пресечены. Строить общее будущее в условиях такой культурной полифонии осколкам огромного количества этносов — сродни труду строителей Вавилонской башни, поскольку человеку трудно ощутить себя звеном в цепочке поколений, живших на этой земле, идентифицировать с местным сообществом, не имея общих героев, вождей, общих позитивных, созидательных, пусть и символических, образов, общих прозрков этого будущего [5, с. 224]. К слову, как утверждают исследователи, коллективная память романских и славянских народов, относящихся к европейским, с одной стороны, и туркских, относящихся к восточным, азиатским, — с другой, характеризуются контрустановками, взаимоисключающими позициями в отношении границ идентичности [3, с. 225]. Казалось бы,

это разъединяет, разводит по разным идейным и духовным полюсам местных славян и романские этносы с тюркскими. Но в исторической памяти населения Придунавья не сохранилось информации о конфликтах на этнической почве, не знает их край и сейчас. Есть основания полагать, не будет и в будущем. В немалой степени благодаря тому, что культурной осью истории Придунавья является христианство с его миролюбивым отношением к человеку другой культуры, другой религии, толерантным и братским принятием другого не как чужого-чуждого, а как иного, но все-таки ближнего, того, кто рядом на этой земле. Для подавляющего большинства коренных и прибывших народов это родная вера, культуурообразующая традиция [6, с. 37; 8, с. 287]. К таковым относятся не только представители славянских и романских этнических культур, но и местные тюркские народы (гагаузы).

В силу своего специфического месторасположения еще на заре христианской истории, задолго до крещения Руси Владимиром Великим Придунавье стало частью христианского мира и оказалось в орбите византийского влияния. Уже в IV—V вв. край - один из каналов проникновения веры Христа в Северное Причерноморье. Тогда были сформированы базовые ценности местной культурной традиции, связанной с христианством. Традиция эта не пресеклась и после падения Византии: регион пребывает на стыке мусульманского и христианского миров, выполняет своего рода историческую миссию — быть пограничным духовным стражем перед лицом иноверцев, угрожавших основам европейского культурного пространства. В XVII в. эта миссия получила особое наполнение: столица Придунавья город Измаил стал центром православной митрополии в составе Константинопольского патриархата — Праилавской епархии. Российско-турецкое противостояние в Северо-Западном Причерноморье в XVIII в. для Придунавья, по сути, означало отстаивание своей христианской идентичности. Штурм Измаила в 1790 г. войсками под командованием А.В. Суворова знаменовал первую победу на этом пути. Личность великого полководца, манифестировавшего свои христианские убеждения, и жертвенный подвиг воинов, павших при штурме Измаила, стали образами героев из прошлого, с помощью которых «скреплялись» осколки коллективных идентичностей местных жителей, а в мультикультурном пространстве Придунавья формировалось единое культурное поле для общения людей [5, с. 226]. Как замечает Алиция Шерлонг, в условиях пограничья в формировании коллективной идентичности важную роль играет культурное наследие [16, с. 95]. Став интегрирующим фактором

местной культуры, христианство в Придунавье создало духовную базу, на основе которой формируется коллективная идентичность населения края и сегодня, идут процессы взаимообогащения в сфере культуры, этнопсихологии, социоментальных структурах местных жителей, в следствие чего в Придунавье сформировалось уникальное социокультурное пространство, безусловно, влияющее на процессы идентификации населения.

Список литературы:

1. Амельченко Н. А. Возрождение в Европе, или как возможна национальная идентичность в эпоху глобализации // <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers/2006/2006razd4/Amelychenko-2.htm>
2. Ангелов Г., Калашник В., Старовойтова І., Терзів В. Соціалізація та ідентифікація особистості. — Київ-Ізмаїл: СМІЛ, 2000. — 240 с.
3. Бахтызин А. М. Границы идентичности: западные и восточные традиции // Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность. Материалы VII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия “Symposium”. Выпуск 33. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. — С. 22-27 // [Электронный ресурс] http://anthropology.ru/ru/texts/bakhtyzin/east07_05.html
4. Бузук П. Историко-культурные взаимоотношения румын и южных славян. — М.: Синодальная тип-я, 1917. — 336 с.
5. Верховцева И. Г. Суворов и региональная идентичность населения Придунавья // Суворов в Измаиле: 220 лет. Материалы международной научно-практической конференции — М.: издатель СТЕПАНЕНКО, 2011. — С. 222-227.
6. Верховцева И. Г. Христианское наследие Украинского Придунавья и региональная идентичность населения края // Михаило-Архангельские чтения: Сб. материалов VI Международной научно-практической конференции 17 ноября 2011 г. — Рыбница, 2011. — С. 36-39.
7. Верховцева І. Г. Етнічні культури українського Подунав'я в умовах радянізації краю // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Вип. 29. — Ізмаїл, 2010. — С. 3-6.
8. Галкина А. В. Толерантность как обстоятельство культурного плюрализма. Феномен российско-османского приграничья: пример Буджака в XIX — XX вв. // Культурное многообразие: от прошлого к будущему: Второй Российский культурологический конгресс (Санкт-Петербург, 25-29 ноября 2008 г.). — С.-Петербург, 2008. — С. 286-287.
9. Григорьева Н. А. Социокультурная идентификация личности в условиях современного гуманитарного образования // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”. — Выпуск 29. —

- СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С.301-304.
(Электронный ресурс) http://anthropology.ru/ru/texts/grigorjeva_na/educinnov_37.html
10. Дергачев В. А. Украинское Причерноморье. — Одесса, 1996. — 12 с.
  11. Лебеденко О. М., Тичина А.К. Українське Подунав'я: минуле та сучасне. — Одеса, 2002. — 208 с.
  12. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. — 1994. — № 4. — С. 108 — 113. [Электронный ресурс] http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/lyubb_istid.php
  13. Мельникова Л. С. Східнослов'янська колонізація Південної Бессарабії (V — перша половина XIX ст.): автореф.дис....канд.іст.наук: спец. 07.00.01 «Історія України». — Одеса, 1999. — 19 с.
  14. Панкова О. Измайльская мечеть — памятник средневекового мусульманского зодчества // Суворовские чтения. — Вып. 3. — Измаил, 2003. — С. 80-89.
  15. Стецкевич В.В., Стецкевич Л.М. Буджак — поліетнічне прикордоння: спроби міждисциплінарних вимірів // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри: Матеріали III Міжнародної наукової конференції, присвяченої 70-й річниці героїчної оборони Одеси (м. Одеса, 2001 р.). — Одеса, 2011 — С. 145-149.
  16. Шерлонг А. Глобализация — локальность: возможности реализации межкультурного образования в практике многокультурного общества // Santalka. Filologija. — 2007. — Т. 15. — № 4. — С. 94—107. <http://www.ceeol.com/asp/issuedetails.aspx?issueid=c6dbc914-3182-4250-9dca-c7095f9570f2&articleId=287d1e1c-8282-4ad6-8047-7ba35665bda9>

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Усатюк Дмитрий Валерьевич

*канд. ист. наук, доцент ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
E-mail: sibdims@yandex.ru*

Англо-американские отношения являются важным элементом современной геополитики. Взаимодействие и расхождения США с Великобританией, проявляющиеся в различных аспектах мировой политики, оказывают заметное влияние, как на внешнеполитическую позицию Соединённых Штатов, так и на международно-политическую ситуацию в целом. Великобритания и Соединённые Штаты являются

союзниками и партнёрами по большинству вопросов международного характера. С подачи У. Черчилля англо-американские взаимоотношения получили определение «особых отношений».

Движение к взаимодействию и партнёрству атлантических соседей было сложным и многогранным. Основа современных англо-американских связей была заложена в начале XX века, когда в условиях крайнего обострения международно-политической ситуации США были вынуждены пересмотреть свои отношения с европейскими державами. Европа становилась чрезвычайно важным регионом для американской дипломатии. Развитие событий здесь многое определяло для США. Поддержание и развитие хороших отношений с Великобританией, которая, несмотря на ослабление своей мощи, продолжала играть ведущую роль в системе международных отношений, стало основной осью европейской политики Соединённых Штатов в предвоенный период.

Помимо политических и экономических соображений, на политику США в отношении Великобритании перед первой мировой войной значительное влияние оказывал и фактор принадлежности к англосаксонскому миру.

Общность языка и литературы, родство культур являлись значительной психологической подоплёкой благожелательного отношения к Англии и налаживания с ней более тесного взаимодействия в условиях усиливающейся европейской конфронтации. Англосаксонская идея, сторонники которой выводили американские общественные и политические институты непосредственно из английских, имела в этот период значительное влияние. Сторонники этой идеи подчёркивали общность этнического происхождения и тесную взаимосвязь США и Англии, в отличие от отношений других стран. [6, р. 26]

С самого начала американской истории английские поселенцы и их потомки стремились установить свой образ жизни как доминанту формирующейся общественной системы. В рамках этого процесса возникла идеология, ориентированная на национальную интеграцию (в дальнейшем — ассимиляцию) и сформулированная впоследствии как англоконформизм. Сторонники данной идеологической концепции сходились на том, что английские институты, английский язык, английская культура должны стать доминирующими и образцовыми для других переселенцев в Новый Свет. Количественный перевес и приоритет по времени массового освоения американского континента создали объективные предпосылки для утверждения выходцев с британских островов в качестве доминирующей силы в обществе

Нового Света и тем более в формирующейся нации американцев [2, с. 56-65].

В политике основателей Соединённых Штатов эта тенденция получила официальное выражение — прибывающие в страну иммигранты должны были отказаться от своего языка, образа жизни, системы ценностей и принять английский язык, англосаксонские нормы, традиции и приспособляться к существующим институтам и порядкам [5, с. 37].

Правящей элитой англосаксонского ядра американской нации — англичанами — была выработана система идеологических, политических и культурных ценностей. Был смоделирован тип WASP (White Anglo-Saxon Protestant — белый англосаксонский протестант), то есть истинного американца, в основу которого были положены черты англосакса. Англосаксонская модель развития американской нации реализовывалась на практике на протяжении длительного исторического времени. Англоязычные поселенцы и их потомки смогли сохранить контроль над властью в стране в целом, хотя их демографический вес во второй половине XIX — начале XX снизился в силу значительного уменьшения доли выходцев из собственно Англии в массе новых иммигрантов [17].

Несмотря на изменения национального состава иммигрантов, в начале XX века большая часть жителей США являлась либо выходцами из Англии, либо их потомками. Эти американцы предпочитали не думать об англосаксах как этнической группе, поскольку они в значительной степени контролировали правительство Соединённых Штатов и считали себя «истинными американцами» [16, р. 69; 1, с. 78] «Истинные американцы» рассматривались как прямые потомки англичан, как в общественном, так и в биологическом отношении.

В конце XIX — начале XX века англоконформизм был возведен в ранг государственной политики в сфере этно-национального развития США. Как обозначил американский социолог М. Гордон: «Англоконформизм — это обобщенное понятие, используемое для объяснения различных точек зрения на ассимиляцию и иммиграцию; все они предполагают требование поддержания английских институтов (определенных американской революцией), английского языка и английских культурных образцов как господствующие и стандарт в американской жизни» [5, с. 37]

Существенное значение для укрепления англо-американских отношений имело наличие значительных родственных связей между американцами и британцами. Многие представители политической и экономической элиты двух стран были связаны между собой

родственными узами. Американская элита приветствовала сближение между США и Великобританией, поскольку была обеспокоена «размыванием англосаксонского характера Америки» за счёт новых переселенцев, так как только 5% иммигрантов были из Англии [8, р. 47]. Эти новые переселенцы несли с собой другую — не англосаксонскую культуру. Вопрос о значении иммиграции в судьбе Америки стоял в начале XX века остро, он был предметом общественной борьбы [1, с. 82] «Истинные американцы» — WASP Americans (белые англосаксонские протестанты американцы), которые реально управляли Америкой, ощущали опасность для себя в связи с ростом политического влияния иммигрантских групп из Германии и Ирландии, которые находились в оппозиции доминированию в американском правительстве англичан по происхождению. Особенная опасность виделась со стороны американцев немецкого происхождения, стремившихся сохранить и развить свою культуру в противовес английской, сохраняя при этом тесные связи с родиной и следуя в значительной степени в фарватере кайзеровской политики, основанной на природном превосходстве немцев [8, р. 47]

Реакцией «истинных американцев» было инстинктивное стремление к сближению с Великобританией и попытка сохранить свою ведущую роль через ограничение иммиграции. В частности, сенатор Генри Кабот Лодж заявлял, что Британия и Америка должны стоять вместе в борьбе за сохранение англосаксонских позиций в Америке и во всём мире [8, р. 48]. Именно американцы англосаксонского происхождения, контролировавшие основную массу финансово-экономических структур страны и преобладавшие в правительстве, оказывали наибольшее влияние на внешнеэкономическую и внешнеполитическую позицию США, придавая ей проанглийскую окраску.

Американский автор М.Хант в связи с этим отмечает, что «благодаря трансатлантическому культу англосаксонства» и увеличившимся контактам между представителями обеих стран, «многие американцы смотрели на Британию с возросшим расположением» [13, р. 15], Германия же воспринималась в противоположном (негативном) ракурсе.

Известный оксфордский американист Г. Николас в свою очередь указывает на формирование общей для США и Великобритании особой «англосаксонской политической культуры», которая предопределила взаимопонимание обоих народов, поскольку она отражала единый склад мышления, схожий стиль действия и реакции на события, что проявилось, прежде всего, в изоляционизме, вере в

собственное предназначение и стремлении к моральному обоснованию своих внешнеполитических доктрин. [15, р. 83]

Немаловажным фактором, влиявшим на политику в отношении Великобритании в предвоенные годы, являлось и то, что президент США В. Вильсон был в значительной степени настроен проанглийски. Более того, некоторые исследователи склонны считать, что он был англофилом [16, р. 257] Действительно, как отмечает М. Хант, В. Вильсон, будучи потомком переселенцев из Англии, «признавал идею англосаксонской семьи, восхищался английскими культурными ценностями и политическими институтами, считая их моделью, которую Америка могла бы использовать» [13, р. 14] Более всего в американских демократических традициях Вильсону нравилось их значительное сходство с английскими. Англосаксонскую демократию он считал идеальной стадией развития, к которой медленно, но верно движется человечество [3, с. 188, 189, 568]. И хотя ко времени начала мировой войны проанглийская направленность Вильсона несколько ослабела, она, тем не менее, играла определённую роль при принятии им внешнеполитических решений, как на предвоенном этапе, так и в период войны. Ближайшее окружение Вильсона (Э. Хауз, Р. Лансинг и У. Пэйдж) было также в большой степени настроено проанглийски, [7, р. 292-293, 295] что весьма сильно сказывалось на их действиях при осуществлении политики Соединённых Штатов в отношении Англии и впоследствии в отношении разразившегося в 1914 г. европейского конфликта. Р. Грэгори в этой связи отмечает, что «англофилизм» в американском обществе оказал значительное влияние на распределение симпатий между воюющими державами и на политику руководства США [10, р. 35-36].

Наряду с многочисленными позитивными факторами, сближавшими США и Великобританию можно отметить и психологические факторы, игравшие негативную ролью. Они были в частности представлены воспоминаниями о колониальном господстве Англии и борьбе с ней за независимость североамериканских штатов, об англо-американской войне 1812 года.

Правда с точки зрения отдельных британских исследователей, обосновывавших идею англо-американского исторического и политического единства на основе расовой общности народов, противоречия, имевшие место в истории взаимоотношений двух стран, следует воспринимать не более чем «семейными ссорами» [6, р. 26].

Тем не менее, в американском обществе в начале XX века в какой-то мере ещё сохранялись давние антианглийские настроения, зародившиеся во времена войны за освобождение от Англии и ставшие одним из источников американского изоляционизма. По мнению

Р. Лансинга — госсекретаря администрации В. Вильсона в 1915-1920 годах, ослабляло симпатию к Великобритании то, что в школьных учебниках и курсах истории сохранялась идея, внедрявшаяся в сознание учащихся, согласно которой Англия являлась традиционным противником США [14, р. 23]. Это аргументировалось тем, что две основные внешние войны Соединённых Штатов — за независимость и 1812 года — велись против Великобритании. Этот укоренившийся подход было нелегко преодолеть.

Таким образом, помимо экономических и политических факторов, целый комплекс психологических и даже личностных факторов влиял на политику Вашингтона в отношении Великобритании. Эта политика в целом благоприятствовала проявлению различных форм политического взаимодействия и сотрудничества с Англией. Причем США, как, впрочем, и Великобритания, стремились сохранить и развить сложившиеся отношения и даже придать им более тесный характер.

Однако на данном этапе совпадали не столько интересы США и Великобритании, сколько точки зрения сторон по основным геополитическим вопросам, обусловленные потребностями времени. Американская политика сближения с Великобританией не вела к союзу или какой-либо другой форме объединения усилий на основе общих целей и задач. США реализовывали свои цели и задачи, но с учётом ситуации в мире и исходя из понимания необходимости взаимодействия с Англией для быстрого и успешного выхода на мировую арену в качестве заметной политической силы. Это была тактика «дружеского напора», которая, однако, не ставила целью ослабление партнёра, а стремилась к изменению статуса во взаимоотношениях с ним. Здесь можно привести высказывание американского посла в Англии У. Пэйджа перед войной (в письме президенту в мае 1914), отражающее видение желаемого будущего англо-американских отношений: «...в любое время, когда мы найдём целесообразным взять в свои руки руководство миром, они [англичане] постепенно уступят его нам и лояльно будут выполнять нашу волю» [11].

Таким образом, английская политика США в начале XX века, учитывая родство культур, общность литературы и языка, обширные финансово-экономические связи, содействовавшие политическому сближению между странами, была направлена на укрепление собственных позиций Соединённых Штатов мировой политике и экономике через взаимодействие с Великобританией.

Список литературы:

1. Богина Ш.А. Иммиграция в США в новое время. // Основные проблемы истории США в американской историографии. — М.: Наука, 1974. — С. 77-105.
2. Богина Ш.А. Начало американской нации (этнокультурные аспекты) //Советская этнография. 1980. — № 1. — С. 56-65.
3. Вильсон В. Государственный строй Соединённых Штатов. — С-Пб: Право, 1909. — 282 с.
4. Твен М. Мы — Англосаксы // Марк Твен. Собрание сочинений в 12 томах. Том 12. Из «Автобиографии». Из «Записных книжек». Избранные письма. — М.: Художественная литература, 1961. — С. 309-312.
5. Чертина З.С. Плавильный котел?: Парадигмы этн. развития США / РАН. Ин-т всеобщ. истории. — М., 2000. — 163 с.
6. Allen H. Anglo-American Relationship since 1783. — London: Black, 1959. — 247 p.
7. Cooper J.M. The warrior and the priest: Woodrow Wilson and Theodore Roosevelt. — Cambridge (Mass.): Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1983. — 442 p.
8. Dimpleby D., Reynolds D. An Ocean Apart. The relationship between Britain and America in the twentieth century. — N.Y.: Random House, 1988. — 415 p.
9. Ferrell R.H. American Diplomacy. The Twentieth Century. — N.Y.: Norton, 1988. — 427 p.
10. Gregory R. The Origins of American Intervention in the First World War. — N.Y.: Norton, 1971. — 162 p.
11. Hendrick B.J. The Life and Letters of Walter H. Page. — Garden City, N.Y.: Doubleday, Page & Co., 1923. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://wwi.lib.byu.edu/index.php/V_ENGLAND_BEFORE_THE_WAR
12. Hofstadter R.D. The American Political Tradition & the Men Who Made It. — N.Y.: Alfred A. Knopf, 1991. — 378 p.
13. Hunt M.H. Crises in U.S. Foreign Policy: an international history reader. — New Haven & London: Yale Univ. Press, 1996. — 447 p.
14. Lansing R. War memoirs. — London: Rich & Cowan, 1935. — 383 p.
15. Nicolas H.G. The United States and Britain. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1975. — 195 p.
16. Schulzinger R.D. American Diplomacy in the 20th century. — N.Y.: Oxford Univ. Press, 1994. — 437 p.
17. USA History: Immigration. English Emigration [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/USAEngland.htm>

4.3. ЭТНОЛОГИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Камалджанова Тахира Анваржановна

*канд. ист. наук, и.о. доцента кафедры истории и права
Семипалатинского государственного университета имени
Шакарима, г. Семей (Семипалатинск) Республика Казахстан
E-mail: Tahira1983@mail.ru*

Формирование восточнославянского этноса в Восточном Казахстане началось в XVIII в., когда на Иртыше были заложены крепости и редуты, образовались Иртышская и Кольвано-Воскресенская линии. Тогда же были образованы первые русские крестьянские деревни, а в конце XIX — начале XX веков — украинские, белорусские, эстонские. Так на территории Рудного Алтая вместе с казахами стали проживать и другие народы [1, с. 28].

Русское, шире «восточнославянское» население на территории Восточного Казахстана складывалось различными путями и из различных по происхождению групп. До середины XIX в. среди русского населения региона преобладало казачество, военные, немногочисленные жители городов (мещане, чиновники, ремесленники, торговцы и др.).

Увеличение русского населения Восточного Казахстана произошло за счет русских старообрядцев, бежавших в 1760-е гг. от религиозных преследований в Польшу и принудительно возвращенных в Россию (их стали называть «поляками»). «Поляки» поселились рядом с бухтарминскими старообрядцами - по течению р. Ульбы и р. Убы, правых притоков Иртыша, впадающих несколько севернее Бухтармы, ближе к г. Усть-Каменогорску. Бухтарминцы и «поляки» в силу общего происхождения и длительного совместного проживания сблизились в культурно-бытовом отношении.

Поселения бухтарминских старообрядцев - одни из первых русских крестьянских поселений на территории Казахстана. Эти поселения в труднодоступных горных долинах р. Бухтармы (по местной терминологии, «в камне», отчего все население называлось также «каменщиками») долго оставались неизвестными

правительству, и лишь с 1791 г. жители их были официально включены в русское подданство [2, с. 162].

В 1866 г. на реке Терс-Булак, левом притоке Бухтармы, появились первые русские крестьяне — выходцы частью из соседней Томской губернии, частью из губернии европейской части России [3, с. 4]

До последней четверти XX в. русское население Казахстана было представлено в основном казаками. На территории края располагались три казачьих войска: Уральское, Сибирское и Семиреченское.

Первыми жителями верхнеиртышских крепостей были сибирские казаки. С конца XVI и в течение XVII вв. сибирскими назывались все служилые казаки, разбросанные по городам и острогам Восточной и Западной Сибири. Кроме того, служилые казаки носили еще и название города или острога, где они размещались (пельмские, сургутские, березовские, тарские, тобольские, иркутские, красноярские и др.).

Начиная с XVIII в., в связи с присоединением к России верховьев Иртыша, строительством крепостей, в них переводили служилых казаков, стрельцов и других из городов Сибири. Их называли крепостными казаками, а оставшихся в городах — городскими сибирскими казаками [4, с. 9].

В начале 60-х гг. XIX в. Область Сибирских казахов и бывшую Семипалатинскую область населяли 679774 человека (без киргизов). По национальному составу они распределились следующим образом: казахов — 581998 (85,6%), русских — 90482 (13,5%), поляков и выходцев из стран Западной Европы — 814 (0,1%), евреев — 273 (0,007%), узбеков, башкир, мишарей, калмыков, каракалпаков, туркмен, татар — 6207 (0,9%).

Численность населения Сибирского казачьего войска увеличивалось с каждым годом. Если по переписи 1897 г. их насчитывало 28717 человек, то в 1914 г. — 54423 [6, с. 87].

Семиреченское казачье войско было образовано в 1867 г. из 9-го и 10-го полковых округов сибирского казачества, расположенных в Семиреченской области. На начало 1894 г. население на территории Семиреченского войска было около 32,5 тыс. человек, в том числе войскового — 25 тыс. и 7,5 тыс. иногородних, а к 1914 г. их количество составило 54,3 тыс. человек [7, с. 18]. Общая численность казаков на 1914 г. по Семипалатинской области составила 13,1%.

В связи с тем, что к концу XIX в. формирование состава казачьего войска было, в основном, закончено, то колебания численного состава были незначительными и вызваны, главным образом, естественным движением. К 1906 г. в области насчитывалось

66 казачьих поселков, которые входили в 15 станиц. По уездам поселки распределялись следующим образом: в Каракаралинском — 1, Зайсанском — 4, Павлодарском — 16, Семипалатинском — 17, Усть-Каменогорском — 26 поселков [6, с. 87].

Другим социальным источником формирования русского населения Восточного Казахстана стали отставные солдаты, низшие и средние офицерские чины и инвалиды, пожелавшие по личным мотивам остаться здесь на постоянное жительство после ухода с обязательной воинской службы. Эта группа поселенцев складывалась из бывших военнотружущих регулярных войск, которых сибирская администрация расквартировала, согласно указанию Сената, в 40-60-х гг. XVIII в. по всем крепостям, редутам и форпостам Иртышской пограничной линии. Строительство Новоишимской, Иртышской и Кольвано-Кузнецкой укрепленных линий создало определенные предпосылки для массовых миграций аграрных групп европейского населения в прилинейные районы края и оседло-земледельческой колонизации этих территорий.

Начало народной крестьянской колонизации Северного и Восточного Казахстана было положено в 40-50-х гг. XVIII в., когда вслед за возведением крепостей, редутов и форпостов по притокам Ишима и Иртыша и возле горько-соленых степных озер стали появляться первые крестьянские поселения [8, с. 199].

В 1881 г. Царским правительством были приняты Временные правила о переселении крестьян, а в 1889 г. — Закон о добровольном переселении сельских обывателей на казенные земли. Эти законодательные акты значительно стимулировали миграционные настроения у российских крестьян. По данным Н.Е. Бекмахановой, уже в 1890 г. в Казахстан направились два крупных потока переселенцев — один из Полтавской губернии (более 21 тыс. чел.), а другой из Самарской (свыше 19 тыс. чел.), средние — из Самарской, Астраханской, Воронежской и Черниговской (от 10 до 13 тыс. чел.) и небольшие — из Пермской, Саратовской, Казанской, Пензенской и Тобольской губерний (от 5 до 8 тыс. чел.) [8, с. 215].

Благодаря переселенческому движению численность славянского населения в начале XX в. значительно увеличилась. Доля русских с 1897 г. по 1917 г. возросла в Уральской области с 24,9% до 41,4%, в Семиреченской — с 7,8% до 19,6%, Тургайской — с 6,7% до 16,0%, Семипалатинской области с 9,5% до 13,7%, Акмолинской - с 25,5% до 27,2%, Сыр-Дарьинской — с 2,5% до 6,6%.

Доля украинских за это время возросла в Акмолинской области — с 7,5% до 29,5%, Тургайской — с 1,0% до 21,6%, в

Семипалатинской — с 0,5% до 8,0%, Уральской — с 0,5% до 3%, Семиреченской — с 1,9 до 2,3% [9, с. 26].

Большинство русского населения Восточного Казахстана 89,9% тыс. чел. (66%) компактно размещалось на Рудном Алтае, где к концу XIX в. существовало уже свыше 120 крестьянских селений, которые были объединены в 9 административных волостей: Александровскую, Зыряновскую, Бобровскую, Бухтарминскую, Верх-Бухтарминскую, Владимирскую, Нарымскую, Риддерскую и Усть-Каменогорскую. Украинцы сконцентрировались в основном в Семипалатинской области, где их численность составило 3 тысяч [8, с. 216]. По документам известно, что русские в основном были заняты в промышленности: «Великорусы и малорусы исключительно занимаются добывающей промышленностью...» [10, с. 14].

В целом на рубеже XIX-XX вв. славянские этнические группы переселенцев расселились по всей территории Казахстана, а на северо-западе, севере и северо-востоке края русские и украинские селения образовали крупный славянский ареал. Как отмечают архивные данные: «Великорусы довольно равномерно распределились как в уездах, так и в городах, занимаясь по преимуществу земледелием» [10, с. 7].

В социальном отношении состав русских и украинских переселенцев был неоднородным. Наиболее многочисленными социальными группами русского населения Казахстана являлись крестьяне (40,4%), казаки (33,3%) и мещане (18,5%). Кроме того, среди русских было 5,3% дворян, в том числе 2,2% представителей потомственного дворянства империи; другие сословия были представлены довольно малочисленными группами.

В составе украинских переселенцев абсолютно доминировали крестьяне (86,9%), было 7,3% мещан и 5,2% казаков. Остальные сословные группы также были немногочисленными и составляли не более половины процента общей численности всей украинской этнической группы [8, с. 217].

Первыми украинцами на казахстанской земле стали участники антифеодального освободительного движения, задушенного царскими и польскими войсками в 1768 г. Сюда же, в Западную Сибирь (куда входил и Северный Казахстан), после разрушения Запорожской Сечи были сосланы казаки. Их по прибытию зачислили в Сибирское казачье войско и использовали для защиты новых земель. С этой целью по Иртышу им было определено место для строительства военных укреплений, позднее названных в народе «Горькой линией». Вслед за военными начали переселяться украинские крестьяне [11, с. 5].

Исследователи отмечают два периода массового движения переселенцев в Казахстан. Первый — после отмены крепостного права в России (1861 г.), когда царские власти, из-за обострения ситуации на селе, вынуждены были пересмотреть политику в отношении переселения крестьян на казенные земли. Вследствие этой переселенческой реформы 1861 г. на территории Восточного Казахстана образовались первые украинские села: Таврия, Донское, Георгиевка, Украинка (1892-1899 гг.).

Второй период, исследователи связывают с открытием Сибирской железной дороги (1894 год) и осуществлением столыпинской аграрной реформы.

В начале XX в. украинцы уже проживали во всех областях региона, а к 1917 г. доля украинцев на территории Семипалатинской области составляла 8,0%. Тогда как доля белорусов составляла 0,1% [9, с. 26]. Малочисленность белорусской диаспоры на территории Восточного Казахстана объясняется тем, что они переселились на территорию нашей области в начале XX в., после проведения столыпинской аграрной реформы 1906 г. и их число было незначительным. Основная масса осела в Приуралье, Сибири, Северном Казахстане. Только в 20—30-е гг. XX в., в результате коллективизации, политики раскулачивания численный и национальный состав населения области претерпел большие изменения. Увеличилась численность русских, татар, немцев. Именно в этот период появляются белорусские переселенцы. Их можно было встретить на рудниках Риддера и Шемонаихи.

Таким образом, уже к концу XIX — нач. XX вв. в Казахстане сложились крупные этнические группы восточнославянского этноса, отличавшиеся спецификой своего развития и большой миграционной мобильностью.

Список литературы:

1. Алексеев А. Н. Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006. — 256 с.
2. Камалджанова Т. Из истории формирования диаспор Восточного Казахстана во II половине XIX века // Аманжоловские чтения — 2007: матер. Межд. науч.-практ. конф. — Усть-Каменогорск, 2007. — Ч. 7. — С. 162—165
3. Айдарбаева Р. К. Формирование казахского населения Алтайского края // Сб. матер. «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». — Усть-Каменогорск, 2005. — Ч. 1. — С. 3-14.
4. Алексеев Н. В. Усть-Каменогорск и устькаменогорцы. — Усть-Каменогорск, 1995. — 77 с.

5. Алексеенко Н. В. Историческая демография Казахстана. — Усть-Каменогорск, 2001. — 67 с.
6. Панковская Г. И. Формирование состава населения Восточного Казахстана в первой четверти XX века // Сб. матер. «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» — Усть-Каменогорск, 2005. — Ч. 2. — С. 80-91.
7. Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. — Алма-Ата, 1989. — 256 с.
8. Алексеенко Н. В., Алексеенко А.Н., Ерофеева И.В., Масанов Н.Э. История Казахстана народы и культура. - Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 680 с.
9. Алексеенко В. Н. Этнический состав и размещение славянского населения Казахстана в конце XIX — начале XX в. // Сб. матер. «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» — Усть-Каменогорск, 1999. — С. 26-27.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Семипалатинская область / под ред. Н.А. Тройницкого. — Семипалатинск, 1905.
11. Макаренко А. Ф. Украинцы. — Алматы: Білім, 1998. — 176 с.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В КНР В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (КОНЕЦ 1970-Х — НАЧАЛО 1990-Х ГОДОВ)

Васильева Евгения Александровна

аспирант АлтГУ, г. Барнаул

E-mail: geminie@yandex.ru

Начавшийся в конце 70-х годов XX века радикальный пересмотр основных направлений экономического развития Китая позволил пекинскому руководству кардинально изменить свою политику в области внешнеэкономических связей. Провозглашенная «открытость» и комплекс мер, предпринятых для интеграции Китая в мировую экономику, нашли отражение в работах советских исследователей.

Анализируя публикации ведущих специалистов-востоковедов, можно проследить эволюцию их оценок происходящих в Китае экономических преобразований, выявить и систематизировать круг затрагиваемых ими вопросов.

Для отечественной историографии конца 1970-х — начала 1980-х годов характерна была описательность происходящих в КНР процессов и явлений. Оценки отечественных историографов в этот период в значительной степени были обусловлены разрывом советско-китайского альянса, напряженностью в двусторонних отношениях, что не могло не породить определенный скептицизм в отношении происходивших в Китае перемен. В этих условиях вопрос о политике внешнеэкономической открытости КНР не являлся первостепенным и чаще всего рассматривался в контексте анализа проводимых в стране реформ. Тем не менее, большинство исследователей выделяли среди прочих процессов внешнеэкономическую активность КНР и отмечали ее новые направления, в частности, «прямое привлечение в страну предпринимательского капитала из-за рубежа» [4, с. 37].

Претворение в жизнь этого направления стало возможным благодаря запущенному в середине 1979 года проекту создания специальных экономических зон — СЭЗ (по решению Госсовета КНР

первые зоны были созданы в районах городов Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньютоу (провинция Гуандун) и Сямэнь (провинция Фуцзянь).

Анализируя создание СЭЗ, каждый исследователь давал свою трактовку этому явлению. Например, С.А. Манежев под термином «специальная экономическая зона» понимал «выделение замкнутых экономических районов, находящихся близ порта или аэропорта, куда иностранные компании или совместные предприятия могут свободно, без уплаты пошлин ввозить промышленное сырье и полуфабрикаты, чтобы обрабатывать их и затем так же беспрепятственно вывозить на внешние рынки» [4, с. 38].

По мнению Б. Гусева, СЭЗ — это специально выделенные районы Китая, в которых развиваются разнообразные формы внешнеэкономического сотрудничества, и обеспечивается особо льготный по сравнению с другими частями страны режим для привлечения зарубежных инвестиций [2, с. 13].

Таким образом, общим в понимании сути СЭЗ являлось становление в социалистическом Китае новых форм внешнеэкономического сотрудничества, присущих странам с рыночной экономикой, но только на строго определенных территориях.

Рассматривая новый процесс и выделяя цели создания СЭЗ на территории Китая, советские ученые (Б. Гусев, В. Я. Портяков, С. В. Степанов) сходятся в мнении, что СЭЗ, с одной стороны, должны были способствовать привлечению в страну иностранного капитала (прежде всего из Гонконга и Макао), передовой техники и технологии, управленческого опыта, а также создать базу для подготовки значительного числа квалифицированных кадров [2, с. 14; 6, с. 38]. По оценкам А.И. Салицкого «среди развитых капиталистических стран нет явного лидера в поставках технологии на китайский рынок: причем предпочтение зачастую отдается европейским странам, а не США и Японии» [7, с. 61].

С другой стороны, СЭЗ призваны были предоставить ценный опыт для развития реформы экономической системы внутри страны. Говоря в общем, СЭЗ должны были сыграть роль своеобразных «окон во внешний мир», позволяющих не только привлекать инвестиции и технологии из-за границы, но и изучать «вблизи» процессы, происходящие на мировом рынке, получать достоверную информацию об имеющихся тенденциях изменения конъюнктуры, а также способных быть использованными в пропагандистских целях (расчет на хуацяо из Гонконга и Макао) [2, с. 14].

В начале 1980-х годов, признавая положительные сдвиги в экономике Китая, появившиеся в результате внедрения новых форм

внешнеэкономической деятельности, советские исследователи вместе с тем акцентировали внимание на том, что масштабы привлечения предпринимательских инвестиций из-за рубежа слишком малы, несмотря на то что «правовые и экономические условия привлечения зарубежных предпринимательских инвестиций в Китае соответствуют среднему уровню, принятому в международной практике» [4, с. 38]. В свою очередь, В.Я. Портяков и С.В. Степанов, подчеркивая, что прямые иностранные инвестиции, поступающие в СЭЗ, используются не в полном объеме, тем не менее, отмечали, что «намечается тенденция к наращиванию год от года объема сделок с иностранными бизнесменами» [6, с. 40].

В работах второй половины 1980-х — начала 1990-х годов особое внимание уделялось выявлению причин невысокой активности западного капитала в китайских СЭЗ. В качестве основной причины выделялась «непроработанность» инвестиционного законодательства КНР (С.А. Манежев) в сочетании с коррупцией и «идеологическими мотивами»: воспитанные в духе прежних догм, чиновники видели в привлечении зарубежных инвестиций прежде всего уступку капитализму и потому, будучи не в состоянии препятствовать этому процессу, находили утешение «в выдвижении непомерных требований к инвесторам в качестве условия для приложения капиталов» [2, с. 14–15].

Второй причиной считалась недостаточная обеспеченность энергией, транспортными средствами, квалифицированной рабочей силой, неразвитость транспортной системы и городского хозяйства КНР, отлаженной сети международных телекоммуникаций (С.А. Манежев, Б. Гусев, С. Станковский).

Наличие высокой степени государственного контроля и централизации экономики, а также запутанность системы налогообложения и таможенного контроля, отсутствие единых для всех зон критериев взимания налогов, чрезмерной ставкой индивидуального подоходного налога с зарплаты рабочих и служащих — третья причина низкой активности иностранных инвесторов, выделяемая отечественными исследователями.

Б. Гусев выделяет еще три причины — «сочетание извечного бюрократизма с неразвитостью действительно нужных управленческих и обслуживающих структур», низкое качество услуг и «отсутствие у зарубежных деловых кругов достаточной информации о возможностях, предоставляемых иностранному капиталу в этих зонах» [2, с. 14–15].

Отечественные аналитики считали закономерными политические и экономические уступки иностранным инвесторам, на которые

вынужден был пойти Пекин для получения от них реальной финансовой и технологической помощи в модернизации экономики Китая.

Внедрение в китайскую экономику новых принципов хозяйствования неизбежно повлекло за собой тщательный анализ внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности КНР. Внимание к преобразованиям в Китае со стороны отечественных исследователей усилилось в связи с изменениями, происходившими непосредственно в самом Советском Союзе, начиная с середины 1980-х годов. Реформы, начатые в нашей стране, требовали глубокого осмысления советских реалий и мирового опыта, в том числе и успешного китайского.

Советские исследователи во второй половине 1980-х гг. безоговорочно признают происходившие в СЭЗ положительные изменения: формирование нового типа экономики, становление нормативно-правовой базы, улучшение социального уровня жизни населения, формирование нового типа управленческого персонала и т. п. Тем не менее, несмотря на значительные положительные успехи, от внимания советских экспертов, опиравшихся на статистические материалы и публикации китайских авторов, не ускользнули возникающие проблемы в ходе реализации нового внешнеэкономического курса страны.

Надежды Пекина на быструю широкомасштабную финансовую и в большей степени технологическую помощь не оправдали себя. Советские исследователи отмечали, что инвесторы были не намерены реализовывать крупные долгосрочные проекты, обустроить необходимую инфраструктуру. По мнению С.А. Манежева, С. Станковского, сложившаяся отраслевая структура, а также уровень материально-технического наполнения иностранных инвестиций, не соответствуя важным направлениям и целям программы модернизации экономики КНР, привязывают экономический потенциал особых зон к немногим отраслям промышленности стран-инвесторов, способствуют формированию на территории КНР производственных анклавов, в значительной степени выключенных из национального воспроизводственного процесса [4, с. 48; 8, с. 36].

Очевидная проблема диспропорции в развитии зон активно рассматривалась советскими аналитиками. Диспропорции в развитии, по мнению ряда отечественных исследователей (Ю. Калмыкова, Э.П. Пивоваровой, С. Станковского), являлись результатом инвестиционного бума, быстрой индустриализации зон и недостаточно

эффективного государственного регулирования этого процесса [3, с. 16; 5, с. 277; 8, с. 36].

В свою очередь, общим для всех исследователей было мнение, что «открытость» СЭЗ внешнему миру способствовала совершению экономических преступлений таких как: коррупция, контрабанда, валютные спекуляции.

Параллельно с экономическими трудностями функционирования СЭЗ авторы отмечали и проблемы политического характера. По прогнозам отечественных аналитиков конца 1980-х — 1990-х годов, «открытость» иностранным инвесторам и получение огромных инвестиций, в первую очередь, приведут к увеличению разрыва в развитии между СЭЗ и другими провинциями Китая в социально-экономическом плане, нарастанию социальной напряженности. В частности, Б. Гусев усматривал неминуемую возможность «кидеологического шатания» среди населения. Высокий уровень жизни в СЭЗ, по его мнению, ассоциируется в сознании многих людей с преимуществами капиталистического пути развития и западного образа жизни [2, с. 16].

Говоря о советской историографии конца 1970-х — начала 1990-х годов, необходимо отметить, что анализ преобразований в области внешнеэкономических связей Китая год от года затрагивал все больше аспектов. Если в начале обозначенного периода в научную среду преподносились отдельные данные, преимущественно описательного характера, в общем контексте реформ, то к концу 1980-х годов появляются развернутые оценки и мнения по широкому кругу вопросов. Такие изменения связаны с тем, что результаты экономических преобразований в КНР привлекали внимание все большего числа специалистов различных областей знаний, в первую очередь экономистов, поскольку к концу 1980-х годов в СССР происходили серьезные изменения в политической и экономической сферах. Китайские методы подъема экономики, «неприемлемые» для советской правящей элиты, привели к заметным результатам и заставили задуматься об изучении китайского опыта и перенесения его на российскую почву.

В конце 1980-х годов появляются первые монографии, посвященные экономической реформе в Китае в целом и политике «открытости» в частности. Значимой работой является монография В. Г. Гельбраса «Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления» [1], в которой автор отдельным пунктом выделяет вопрос о политике «открытости» — «составной части китайской перестройки». Многие его заключения строятся сквозь призму

советской реальности — проблем, общих для Москвы и Пекина, и их решений в двух странах. Эффективной моделью проведения преобразований, судя по приводившимся в работе примерам и доводам, автор считал китайскую модель.

Подводя итоги первого десятилетия реформ Китая в области внешнеэкономической деятельности, советские исследователи единодушно отмечали несомненный положительный успех нововведений, хотя он и не достиг ожидаемого уровня. Главным достижением, по их мнению (С. А. Манежев, Б. Гусев, Э.П. Пивоварова и др.), являлся пересмотр китайским руководством прежних экономических установок и создание условий на территориях СЭЗ для привлечения иностранных инвесторов, способных обогатить и улучшить китайскую экономику. Факт создания СЭЗ, основывающихся на принципах рыночной экономики, являлся прорывом для социалистического Китая.

Исследователи также отмечали долгосрочность и постепенность внедрения новой системы хозяйствования в СЭЗ, вызванную явным желанием улучшить свои стартовые экономические условия и развить принципиально важные в технологическом плане направления.

Общим для советских ученых являлось понимание того факта, что Китай в любом случае вынужден будет пойти на уступки иностранным инвесторам, если намеревается достичь поставленных целей. Уступки инвесторам, несмотря на расширение связей, по их мнению, объективно ослабят позицию китайской стороны, сделают ее уязвимой, подчиненной и зависимой от них. Привлечение иностранного предпринимательского капитала трактовалось советскими авторами как свидетельство внутренней противоречивости внешнеэкономической политики Пекина (эти оценки не прошли испытание временем).

В работах ученых-востоковедов конца 1980-х — начала 1990-х годов отчетливо прослеживается мысль о том, что полученные в первое десятилетие результаты оказались намного ниже, чем было запланировано, и «СЭЗ еще очень далеки от выполнения тех функций, которые для них были определены» [2, с. 14; 6, с. 44]. Они отмечают, что возникающие трудности и проблемы заставляют пересматривать и корректировать обозначенные задачи, продолжать дальнейшее развитие по эволюционному пути. По мнению Э.П. Пивоваровой, в «поиске «китайской модели социализма», который ведется в КНР с конца 70-х годов, данная находка («открытие» внешнему миру) является наиболее результативной» [5, с. 284].

Список литературы:

1. Гельбрас В. Г. Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления. — М.: Международные отношения, 1990. — 312 с.
2. Гусев Б. Специальные экономические зоны сегодня // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 3. С. 13–17.
3. Калмыков Ю. Специальные экономические зоны Китая // Экономика и жизнь. — 1990. — № 47.
4. Манежев С. А. Иностраный предпринимательский капитал в экономике КНР // Проблемы Дальнего Востока. — 1984. — № 4. С. 37–48.
5. Пивоварова Э. П. Строительство социализма со спецификой Китая. Поиск пути. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. — 328 с.
6. Портяков В. Я., Степанов С. В. Специальные экономические зоны Китая // Проблемы Дальнего Востока. — 1986. — № 1. С. 37–46.
7. Салицкий А. И. Открытая политика КНР. Опыт 80-х годов. — М., 1988. — 114 с.
8. Станковский С. Свободные экономические зоны в КНР // Внешняя торговля. — 1990. — № 10. С. 35–37.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В СЕМЬЕ НЕМЦЕВ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Макушенко Яна Сергеевна

*аспирант кафедры истории Украины ННУ имени В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина
E-mail: yanel_221@mail.ru*

Среди основных направлений современной историографии немецкого населения Украины важное место занимают исследования по проблемам развития брака и семьи, по выявлению этнорегиональных особенностей и социокультурной общности семейно-брачных отношений у разных народов и этнических групп. Как кажется, анализ изменений, произошедших в семье и семейных отношениях у немецкого населения Южной Украины, выявления их особенностей имеет непосредственное отношение к перечисленным проблемам и вносит определенный вклад в их разработку.

Изучение особенностей историографии семьи и семейных отношений немцев Южной Украины в качестве объекта научного исследования обусловлено проблемой сохранения особенностей культуры этнических групп, проживающих за пределами основной территории расселения этноса, в инонациональном и иноконфессиональном окружении. В течение всего периода проживания немецкого населения в Южной Украине, их этнокультурные традиции подвергались определенным изменениям, стало средством адаптации к природно-географическим, экономическим, социально-политическим условиям.

Украинскую историографию по данной проблеме можно разделить на три основных этапа: 1) дореволюционный — с XIX века — по 1917 года, 2) советский — с 1917 по 1991 гг., 3) современный — с 1992 по 2011 гг. Данная периодизация положена в основу статьи.

Историография истории немецкой колонизации Юга Украины отличается разнообразием направлений и тем — от позитивистской истории к исследованию ментальности и этноменшинного с применением исследовательского инструментария социологии, этнологии, лингвистики, психологии и т.п.. Так, социально-экономическому развитию немецких колоний посвятили свои исследования С.И. Бобылева, И.И. Кулинич; правовые аспекты колонизации рассматриваются в работах М.А. Исмаилова [4, 8, 6]. Религиозной стороне жизни немецких колонистов, в частности, проблеме прозелитизма членов менонитской общины среди украинского населения, посвящает свои труды А.В. Безносова [3].

В настоящее время увеличивается историография научных работ, посвященных проблемам истории и культуры немецкого населения. Вопрос влияния религиозного фактора на семью и брачно-семейные отношения немецкого населения Южной Украины не становились предметом специального исследования, но нарушались в различной степени в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Интерес к исследованию проблем семьи в современной историографии обусловлен ролью семьи в воспроизводстве структуры населения, ее этнических, конфессиональных и социальных черт, формировании национального самосознания, передаче из поколения в поколение характерных этнических черт и культурного наследия, а также в контактах с окружающим инонациональным населением. Именно поэтому, избрано целью данного исследования освещение историографии роли религиозного фактора в семье немцев Южной Украины в конце XIX - начале XX в.

Многочисленные исследования по истории, этнографии немцев Российской империи представлены в отечественной и зарубежной контекстной историографии. Еще в конце XIX века появились первые научные работы, где прямо или косвенно эта этническая группа была объектом исследования. Среди них, например, книги А. Клауса «Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России» [7], Д.И. Багалея «Колонизация Новороссийском края и первые шаги его по пути культуры» [2], А.А. Величина «Немцы в России» [5]. В дореволюционный период в российских периодических изданиях и сборниках выходили статьи и очерки о жизни немецких колоний в европейской России, часто непрофессиональных историков. Некоторые исследования дооктябрьского периода имели форму странствующих наблюдений или были воспоминаниями. Это, в частности, публикации А. Афанасьева-Чужбинский «Поездка в южную Россию» [1]. Такие издания представляют очень интересный материал для исследователя, ведь именно в них можно найти правдивые показания, помогающие адекватно оценить жизнь немецких колоний.

Выходцы из немецкоязычных колоний, которые на рубеже веков почувствовали потребность начало изучению истории своего народа, наряду с такими российскими исследователям как Д. Эпп [17], К. Келлер [19], сделали первые попытки на пути сбора материала и его анализа. Среди них: Г. Писаревский [13], П. Фризен [18], Я. Штах [16]. Авторы исследуют многие аспекты развития немецких колоний Российской империи в середине XVIII — середине XIX в., они содержат этнографический материал об обычаях немецких колонистов, укладе семьи и влияние на нее церковных представлений о браке, распределение власти внутри семьи. Также освещаются ситуации смешанных браков среди представителей разных конфессий и крещения детей от таких браков, характеризуются изменения, которые претерпел образ жизни колонистов.

Большое значение для исследователя имеют воспоминания священнослужителей, живших в XIX — начале XX века. Они содержат интересный материал, состоящий из их личных впечатлений как очевидцев событий. В этих трудах не ощущается влияния цензуры. Хотя, воспоминания носят субъективный характер, но при критически-сравнительном анализе с другими материалами они могут стать источником для всестороннего освещения проблемы. Наличие описаний жизни немецкого населения в колониях Украины делает возможными сравнительные исследования семьи немцев в период их массовой колонизации на рубеже XIX — XX вв. Большой материал о

жизни немецких колоний содержится в работе пастора Я.Г. Штах «Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов» [16]. Я. Штах зафиксировал распространение среди колонистов опыта наказаний и мер воздействия на нарушителей порядка и дисциплины в колониях. Он рассмотрел главные семейные праздники, семейные трудовые традиции, особенности питания семьи и порядок трапезы, а также традиции религиозного воспитания в немецких семьях. Исследователи, которые посетили колонии меннонитов в Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерниях, отмечали своеобразие внешней стороны быта немецких поселений и деятельности.

В советский период изучения немецкоязычного этноса Юга Украины возобновлено в 1920—1930 годы в связи с большим желанием многих его представителей выехать из СССР. Отметим, что количество исследователей, занимавшихся изучением этой проблемы, было небольшим, поскольку атеистическая политика советского правительства осложняла исследовательскую работу отдельных ученых. Следует отметить вклад в изучение немецкого населения СССР Л.В. Малиновского. Автор рассматривает жилье немецкого населения, учитывая этноконфессиональные и этнорегиональные различия между немцами, которые проникали в экономику, быт и самосознание отдельных групп немецкого населения [12]. Однако большинство этих публикаций содержит важный фактаж, пользование которым оказалось необходимым для освещения немецкого населения СССР в исследуемый период.

В СССР изучение истории и этнографии немцев возобновилось лишь в конце 1980-х под влиянием политических процессов. С этого времени опубликовано большое количество статей, исследований, посвященных широкому спектру проблем немецкого населения, что создает возможность интерпретации динамики семьи и семейных отношений немцев в контексте различных социальных и культурных изменений.

Особую научную ценность представляет исследование Е.Г. Плесской-Зебольд в котором впервые комплексно проанализирована и создана целостная картина сохранения национальной и культурной идентичности немцев Херсонской губернии в условиях инационального окружения. Ей также принадлежит монография «Одесские немцы» (Одесса, 1999), в которой широко представлены различные сферы духовной и культурной жизни немецкого населения г. Одессы [14]. Но эти работы написаны в основном на материалах г. Одессы и Одесского региона, поэтому

история немецкого этноса Южной Украины в них освещена частично и неполно.

В настоящее время увеличивается историография научных работ, посвященных проблемам истории и культуры немецкого населения. Вопросы семьи и брачно-семейных отношений немецкого населения Южной Украины не происходили предметом специального исследования, но нарушались в различной степени в трудах отечественных и зарубежных ученых.

В связи с исследованием религиозной жизни вопрос о религиозно-нравственные основы семейно-брачных отношений российских немцев ставился такими авторами, как О.В. Курило и О.А. Лиценбергер [9, с. 10]. Они подробно осветили религиозно-духовную жизнь немецкого населения в XVI — XX вв. О.В. Курило рассматривает историю лютеран основном в этнографическом аспекте, используя материалы полевых исследований при характеристике жизнедеятельности современных лютеранских общин, а также фольклорные источники [9]. В диссертационном исследовании О.А. Лиценбергер подавляющее количество задействованных материалов касается истории неправославных конфессий в XIX — начале XX в. [10].

В конце 1990-х — 2000-х гг. появились исследования, посвященные проблемам этнической истории, традиционной культуры и современного состояния культуры немцев. Определенный интерес для исследователя представляют региональные труды, в которых также исследовался данный вопрос. Особая роль религиозного фактора в сохранении семейных ценностей немецкого населения Южной Украины обозначена в работах ряда историков и этнографов. Так, исследовательница К.С. Лях рассмотрела различные аспекты данной темы: конфессиональная характеристика немцев и их расселения, влияние религиозного фактора на формирование этнической структуры и культуру немецкого населения, особенности религиозной практики. Тем самым достигнуты значительные успехи в изучении религиозных общин немцев Южной Украины [11, с. 97—106].

Относительно общих трудов современных исследователей и краеведов Юга Украины в освещении данной проблемы, то, прежде всего, надо отметить следующую монографию «Немцы Украины: история и современность» в которой авторы основательно исследуют в контексте историко-этнографического анализа сферу духовного развития немецкого населения — функционирование обрядности, ценностные нормы, роль религиозных общин [15]. Но следует отметить, что освещение данного вопроса имеет обзорный характер.

В ходе исследования мы убедились, что, несмотря на большое количество литературы по истории и культуре немецкого населения, отсутствуют специальные научные исследования роли религиозного фактора на семью и семейные отношения немецкого населения Южной Украины. Внимание ученых обращено к вопросам функционирования различных сторон жизни немцев при определенных социальных условиях. Значительное место в исследованиях занимают особенности экономического развития немецких колоний. В работах исследователей представлена также характеристика семейной жизни немцев в колониях европейской части Российской империи. Как самостоятельный предмет исследования роли религиозного фактора развития семейной сферы, структуры семьи и внутрисемейных отношений немецкого населения Южной Украины не рассматривалось. Можно констатировать, что целостной характеристики семьи немцев Южной Украины конца XIX — начала XX в. исследователями практически не было уделено внимания и данная тема не нашла своего полного отражения в исторической литературе, не изучалась как отдельная научная проблем

Список литературы:

1. Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию Ч. II. СПб. : в Типографии морского министерства, 1893. 419 с.
2. Багалеи Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги по пути культуры : Ист. Этюд — К. : Типография Корчак-Новицкого, 1889. 115 с.
3. Безносова О. В. Позднее протестантское сектантство Юга Украины (1850—1905): Автореф... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1997.
4. Бобылева С. И. Немецкие колонисты и их влияние на социально-экономическое развитие Юга Украины первой половины XIX века // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1995. С. 19-37.
5. Велицын А. А. Немцы в России: Очерки истории развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1893. 282 с.
6. Исмаилов М. А. Правовые аспекты немецкой колонизации Юга Украины в период царствования Екатерины II и Павла I // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1995. С. 16-19.
7. Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб. : в типографии В. В. Нусвальта, 1869. 455 с.
8. Кулінич І. М. Німецькі колонії на Україні (60-ті рр. XVIII ст. — 1917 р.) // Український історичний журнал. 1990. № 9. С. 18-30.
9. Курило О. В. Лютеране в России XVI — XX вв. М., 2002.

10. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — начало XX вв.): Автореф.... докт. ист. наук. — Саратов, 2005.
11. Лях К. С. Етно-конфесійний склад німецьких колоністів півдня України // Немцы Приазовья и Причерноморья: история и современность. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Приазовье и Причерноморье. Дн., 2003. С. 97-106.
12. Малиновський Л. В. История немцев России. Барнаул, 1996. 186 с.
13. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке // Записки Московского археологического ин-та. — М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. — Т. 5. — С. 221-261.
14. Плесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы 1803-1920. Одесса : Изд-во ТЭС, 1999. 520 с.
15. Шитюк М. М. Німці України: історія та сучасність / Шитюк М.М. [и д.р.] Миколаїв, 2009. 424 с.
16. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. 345 с.
17. Epp D. Die Chortizer Mennoniten. Odessa : Gedrückt von U. Schulze, 1889. 195 S.
18. Friesen P. M. Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789—1910). Halbstadt, Taurien: «Raduga», 1911. — 930 S.
19. Keller K. Die deutschen Kolonien in Südrußland. Odessa: Verlag Stadelmeier, 1905. Bd. 2. 603 S.

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

19 декабря 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.12.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,875. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630082, г. Новосибирск, ул. Дачная, 21/1
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28